

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.М. ГОРЬКОГО

СО СВЯТОЙ ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

**Сборник воспоминаний
ветеранов Великой Отечественной войны**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2000

ББК ТЗ(2)622,01
С54

Редактор и ответственный за выпуск
профессор, доктор исторических наук, заслуженный работник
культуры Российской Федерации В. А. Шандра

Составитель
профессор, доктор философских наук
Н. С. Новоселов

С54   **Со святой верой в Победу: Сб. воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.** — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 152 с.

ISBN 5-7525-0679-4

Сборник посвящен 55-й годовщине праздника Победы. Самая характерная особенность включенных в него публикаций — насыщенность реальными фактами. Авторы пишут о том, что видели сами, пережили лично на ратных дорогах войны, и чаще всего о том, что, кроме них, никто и не может вспомнить. Ранее университетские фронтовики делились своими воспоминаниями в основном на страницах периодической печати. Теперь этому посвящена книга, изданная Уральским государственным университетом впервые.

С 4700000000-48
182(02)-2000   Без объявл.

ББК ТЗ(2)622,01

ISBN 5-7525-0679-4

© Издательство Уральского
университета, 1999

Содержание

Предисловие редактора

4

Ярков С. П. Взгляд из окопа

11

Плотников И. Ф. Моя предвоенно-военная юность

27

Новоселов Н. С. Исповедь солдата

56

Козьмин С. С. На двух фронтах

73

Фоминых В. Н. Была война...

102

Черкасова-Чернявская Н. П. Ленинградский дневник

113

Шандра В. А. С фронта – в университет

137

Предисловие редактора

Меняется время, меняется жизнь, меняются даже праздники, но никогда не померкнет подвиг народа в Великой Отечественной войне, праздник Победы.

Настоящая книга посвящена 55-й годовщине святого для нас Дня Победы. Она включает в себя публикации в различных жанрах. Авторы — профессора и доценты нашего университета — вспоминают о своих ратных дорогах войны с фашистской Германией и Японией.

Такой сборник Уральский государственный университет издает впервые. Ранее университетские фронтовики делились своими воспоминаниями преимущественно на страницах периодической печати. Скромно, правдиво о проявлениях стойкости и мужества на фронте рассказал читателям “Уральского университета” 22 февраля 1988 года Ф. А. Шолохович. Вот как он отметил особенности своей военной профессии:

“Пребывание на фронте сопряжено не только с опасностями, но и с повседневным трудом, физическими нагрузками — рытье окопов, устройство блиндажей, землянок, переноска радиостанции, большими переходами, невзгодами погоды. Это хорошая закалка для тела и характера. Например, нам, радистам, каждый раз приходилось выкапывать яму для машины с радиостанцией, и делать это надо было быстро, несмотря на погодные условия, даже если мы точно знали, что завтра придется переезжать на другое место.

Радистов награждали орденами и медалями за то, что они в сложных условиях налаживали и поддерживали бесперебойную связь. Для этого нужно было под обстрелами и бомбежками повыше залезть и укрепить антенну, спокойно и хладнокровно настроить приемник и передатчик, не прекращать связи в самых экстремальных условиях”.

В книге “Живые строки войны”, изданной Средне-Уральским книжным издательством в 1984 году, опубликованы письма с фронта младшего лейтенанта, артиллериста И. Н. Чемпалова. На страницах университетской многотиражки с воспоминаниями о фактах, событиях незабываемых фронтовых лет выступали В. В. Адамов, С. Г. Александров, И. А. Дергачев,

А. И. Курасов, В. А. Черепов и многие другие ветераны. Их голоса звучали и в передачах по университетскому телевидению и радио преимущественно в связи с праздником Победы.

Теперь вот издан сборник статей. О Великой Отечественной войне написаны тысячи книг. Но, как подтверждает и содержание нашего сборника, ни о какой исчерпанности тем не может быть и речи. В этой связи Н. С. Новоселов справедливо пишет в своей статье:

“С огромным интересом читаются воспоминания выдающихся полководцев Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. М. Василевского, И. С. Конева, П. И. Батова и других. Воспоминаний рядовых солдат, лиц младшего командного состава относительно мало. Следовательно, какие-то стороны Отечественной войны освещены слабо или вовсе остались в тени”.

К сказанному добавим, что в уже опубликованных книгах, воспоминаниях оказалось немало домислов, правды и полуправды, предположений и откровенной фантазии. По мнению С. П. Яркова, этим “качеством” наиболее наглядно отличаются некоторые фильмы о войне: “Когда смотришь их, невольно ловишь себя на мысли, что я был на другой войне. На протяжении многих часов герои лихо пляшут, поют, женятся, пьют водку и между прочим стреляют, причем стреляют в течение всего фильма, не перезаряжая пистолета, а в нем всего девять патронов. Во многих фильмах немцы представлены умственно отсталыми. И вот с такими мы воевали четыре года, потеряв десятки миллионов солдат”.

Некоторые важные факты, события вообще не нашли пока освещения. С. С. Козьмин справедливо считает, что мы до сих пор не оценили достойно роль учителя в предвоенное время и во время войны, усилия школы в воспитании высоких нравственно-патриотических качеств у будущих воинов. (Эта позиция автора является как бы лейтмотивом его статьи). Результаты этих усилий, по сути дела, подтверждают все публикации сборника.

Важной его особенностью является и то, что своими воспоминаниями делятся люди, которые войну прошли рядовыми солдатами или сержантами. Только С. С. Козьмин со временем дослужился до офицерской должности политработника и рос в этом качестве. Сегодня все они — профессора, доценты, и вполне естественно, что авторы сборника сумели глубоко по содержанию и ярко по форме рассказать о своей фронтовой жизни.

О нравственно-патриотическом настрое университетских фронтовиков говорит уже то, как они уходили в армию. Некоторые из них имели основания не быть на фронте вообще. Здоровье было таково, что “тянуло” на инвалидность. У Ивана Плотникова глаза болели с детства, жил с одним видящим, часто воспаляющимся глазом. Но он твердо решил поступить в какое-нибудь военное училище и пойти на фронт. Первые попытки не удались. И только благодаря другу с отменным зрением, который в очередной раз предстал перед окулистом с медкартой Плотникова, в ней появилась нужная отметка. Так сбылась мечта — он поступил в военно-пехотное училище и после окончания попал на передовую.

С 14 лет носил очки Н. Новоселов. Из-за плохого зрения он не был принят в военное училище. По этой же причине в начале войны его трижды браковала призывная комиссия военкомата. На четвертый раз повезло: в укомплектованную группу не хватало одного человека. Спрятав очки в карман, Н. Новоселов предстал перед военкомом. На вопрос, здоров ли, ответил утвердительно и был включен в список отправляемых призывников.

С последствиями острой формы ревматизма — больным сердцем — рвался защищать Родину Степан Ярков. В августе 1941-го, еще не имея полных 18 лет, он добровольцем был принят в Омское военно-пехотное училище им. М. В. Фрунзе.

В своих статьях авторы сами пишут о мечтах, чувствах, настроениях, которыми руководствовались они, их сверстники, стремясь побыстрее стать в ряды защитников Родины. Они так были воспитаны. В том числе учителями, о недооценке труда которых справедливо пишет С. С. Козьмин. Как все сказанное выше не похоже на отношение к службе в Российской Армии многих молодых людей сегодня! В газете “Известия” от 8 мая 1998 года в статье “Поживите подольше” публицист Эд. Поляновский пишет:

“Не дай, конечно, Бог! Но если вдруг сегодня придется защищать Отечество, кто пойдет? Кажется мне, так же безудержно, как в 1941-м выправляли документы, чтобы прибавить себе годы и уйти на фронт, так теперь будут добывать справки об отсрочке.

Я не ищу виноватых, просто мысли вслух: кто пойдет защищать Родину, утратившую Гимн, Герб, Знамя?”

Думается, автор цитируемых строк верно определил и одно из важнейших условий массового героизма в годы Великой Оте-

чественной: “В войну верность воинской присяге и нравственному долгу совпадали”. Что стоят приказы, которые не совпадают с нравственным, общечеловеческим долгом, — убедительно свидетельствуют итоги недавней войны в Чечне.

Попутно заметим, что фронтовики в годы Отечественной тоже были разные: те, кто все четыре года или вплоть до тяжелого ранения не вылезал из окопов, а после госпиталя, если был в силах, вновь рвался на передовую; кто прошел штрафные батальоны, вражеский плен и наши лагеря. Но были на фронте и те, кто служил интендантами, писарями в далеких от передовой штабах, кто конвоировал штрафников и даже стрелял им в спину в заградительных отрядах.

Самая характерная особенность автобиографического очерка И. Ф. Плотникова, статей С. П. Яркова, Н. С. Новоселова, С. С. Козьмина, В. Н. Фоминых и дневника Н. П. Черкасовой-Чернявской — насыщенность реальными фактами. Они пишут о том, что видели сами, пережили лично, и чаще всего о том, что кроме них никто не может вспомнить.

Читая “Взгляд из окопа”, вы действительно ощутите неимоверные тяготы жизни солдата-окопника, но узнаете и о людях, которые могут подручными средствами “благоустроить” свое обитание в земле, сделать его более или менее сносным. Особенно осязаемо С. П. Ярков живописует действия группы разведчиков, в которую входил и сам, знакомит со святыми законами разведки. Он дает свое определение героики на войне, которая состоит в том, чтобы сохранить в себе человека в нечеловеческих условиях. Приводит примеры того, как это достигается.

Самый масштабный подход к освещению процесса формирования своего гражданского сознания в предвоенную и военную пору читатель ощутит в очерке И. Ф. Плотникова. Он не только вспоминает свой путь пулеметчика и минометчика, свои ранения, контузию и в каждом случае досрочное возвращение из госпиталя на передовую, но и вполне уместно, исповедально рассказывает о предвоенной жизни своей семьи, об условиях, в которых формировались его миропонимание, характер. Откровенно говорит автор о противоречивых моментах своего становления как личности, обусловленных причинами объективного и субъективного порядка.

С большим интересом читается “Исповедь солдата” Н. С. Новоселова. Логикой раскрытия, сопоставления многочисленных реальных фактов он убеждает, что профессия полевого телефо-

ниста на фронте — одна из наиболее тяжелых и опасных. Ему приходилось устранять неисправность связи под огнем противника:

“Бегу что есть мочи с телефонным кабелем и аппаратом по линии. Очевидно, немцы видят меня, так как снаряды начинают рваться в непосредственной близости. Недолет... Перелет... Разрыв спереди... Понимаю, что попадаю в “вилку”. Очередной снаряд будет моим. Падаю, ползу. Разрыв то ближе, то дальше”.

Разрыв провода найден, устранен. С одним пунктом связь есть, с другим — нет. Под обстрелом найден и второй порыв в проводе. Связь восстановлена. Шинель только в нескольких местах на спине оказалась изрезанной, как бритвой, да телефонный аппарат поврежден. Вскоре связисту Н. Новоселову вручили медаль “За отвагу”. Это лишь один из эпизодов его мужественной солдатской жизни в годы войны. А сколько их было... Прочитав, узнаете и о том, почему его стали величать Тёркиным.

Свой путь на службу в Красную Армию, а затем и на Отечественную войну был у С. С. Козьмина. После окончания педучилища он приступил к работе в школе. День 1 сентября 1939 года оказался не только памятным днем начала занятий, но и днем принятия нового “Закона о всеобщей воинской обязанности”. Он снимал призывные льготы и с учителей, специалистов с высшим образованием. Это диктовалось сложной международной обстановкой. 29 ноября того же года Семен Козьмин был уже в Минске, став солдатом 350-го гаубичного артиллерийского полка.

Сегодняшние его воспоминания о службе в предвоенные годы, об извилистых дорогах войны с немецкими оккупантами и Японией отличаются скрупулезной документальностью. Он стал политработником. Его слова воспитателя воинов подкреплялись знанием грозного оружия своей части, готовностью заменить в случае необходимости командира.

Автор полемизирует с теми, кто, по его мнению, неверно утверждает, будто Советский Союз не готовился к обороне накануне Отечественной войны, показывает, что в их части шла подготовка к возможной войне. Другое дело, что она была недостаточной, ощущалась недооценка сильного и коварного противника.

С апреля 1942 года и до последних победных залпов по фашистским захватчикам при освобождении Ленинграда, а в мае

1945-го — и Курляндии воевал в своем 28-м минометном полку “катюш” огневик гвардии сержант В. Н. Фоминых. Фронт-овые обстоятельства заставляли его трудиться и радистом, и телефонистом, командовать отделением топовычислителей. О самых памятных деталях, необычных случаях, тяжести потерь своих фронтовых друзей автор предельно искренне, правдиво рассказывает нам в своих сегодняшних воспоминаниях.

Свердловчанку Надежду Черкасову-Чернявскую начало войны застало в Ленинграде, где она училась в педагогическом институте им. А. И. Герцена. Подчиняясь обстоятельствам военного времени, она вместе с коллективом института роет траншеи в районе дальней обороны города, затем противотанковые рвы на самой окраине Ленинграда, вблизи Волкова кладбища. После окончания краткосрочных курсов младших медсестер Н. П. Черкасова-Чернявская была мобилизована в РККА и с 20 декабря 1941 года по 15 июля 1942 года работала в эвакогоспитале № 88. Публикуемые в сборнике ее дневниковые записи — свидетельство очевидца фактов стойкости, мужества из жизни блокадного Ленинграда той поры.

В годы войны и особенно после ее окончания в Уральский университет вернулись или вновь поступили многие участники Великой Отечественной. Только на факультете журналистики их было 138 человек. Этим студентам в гимнастерках и кителях, творческому пути некоторых из них после окончания университета, памяти нашим лучшим учителям тех лет посвящена последняя публикация сборника — “С фронта — в университет”.

Все наши университетские фронтовики свято верили в победу и, не щадя жизни своей, приближали ее. Их нынешние воспоминания, раздумья о пережитом, оценки многих событий, фактов, мгновений военного времени несут в себе глубокие нравственные уроки, служат воспитанию патриотических чувств, духовному возвышению личности, особенно молодежи. Говоря словами Роберта Рождественского по схожему поводу,—

Это нужно
не мертвым!
Это надо
живым.

Сегодня ценность подобных воспоминаний возрастает и в связи с тем, что фронтовиков становится все меньше — около двух миллионов. Многие болеют и уже не в состоянии написать о пережитом в военные годы. Поэтому и нам не удалось расширить авторский коллектив настоящей книги.

Как тут не вспомнить, да еще накануне 55-й годовщины праздника Победы, замечательные стихи фронтовички Юлии Друниной:

За утратою – утрата,
Гаснут сверстники мои.
Бьет по нашему квадрату,
Хоть давно прошли бои.

Что же делать? Вжавшись в землю,
Тело брренное беречь?
Нет, такого не приемлю,
Разве, друг, об этом речь?

Кто осилил сорок первый,
Будет драться до конца.
Ах обугленные нервы,
Обожженные сердца!..

Хочется верить, что воспоминания университетских ветеранов прочтут многие, а искренние строки авторов никого не оставят равнодушным.

В. А. Шандра

Степан Петрович Ярков, кандидат искусствоведческих наук, профессор Уральского государственного университета, лауреат премии В.И. де Геннина и Н.В. Татищева, гвардии рядовой

Взгляд из окопа

Об Отечественной войне много написано книг, создано бесчисленное количество фильмов. Когда смотришь некоторые из них, невольно ловишь себя на мысли, что я был на другой войне. На протяжении многих часов герои лихо пляшут, поют, женятся, пьют водку и между прочим стреляют, причем стреляют в течение всего фильма, не перезаряжая пистолета, а в нем всего девять патронов. Во многих фильмах немцы представлены умственно отсталыми. И вот с такими мы воевали четыре года, потеряв десятки миллионов солдат. То есть много сочиненного, не происходившего на самом деле. Я рискну без прикрас восстановить в памяти то, что мне, гвардии рядовому, пришлось увидеть, пережить и прочувствовать в период фронтовой жизни.

Теплый безоблачный день 22 июня 1941 года я хорошо помню. Семья наша: отец, мать, две сестры и брат — жили в деревне Смирновка Ишимского района Тюменской области. Поскольку радио не было, то о войне я услышал из разговоров где-то во второй половине дня. Первоначально сообщение не произвело на меня ошеломляющего впечатления: мне, шестнадцатилетнему, казалось, что это событие где-то далеко. Однако осознание масштабов войны произошло в деревне буквально в первые дни: началась массовая мобилизация мужиков и техники из колхоза, нервная суетливость людей, проводы с залихватскими песнями под гармонь, перемежаемыми рыданиями.

На наши неокрепшие, почти детские плечи свалилась вся тяжесть деревенского труда. Хорошо помню, как мы наваливали друг на друга мешки с пшеницей весом под восемьдесят

килограммов, которые были рассчитаны на силу взрослых мужчин. А урожай 1941 года в Сибири был отменный. Днем отвозили хлеб от комбайнов на ток, а на ночь загружались и ехали на элеватор сдавать зерно, где с таким же мешком нужно было подняться по трапу в несколько этажей. Спать приходилось лишь на обратном пути в деревню да еще в те часы, пока не высохнет роса и не позволит выйти в поле комбайнам.

Меня начала тревожить мысль, что в армию могут не взять. Дело в том, что два года перед войной я тяжело болел острой формой ревматизма и, как следствие, — болезненное сердце. В мирное время я был бы явно не призывной. Тайком от семьи бежал в военкомат с просьбой о призыве. В настоящее время подобная мысль покажется кощунственной, слишком идеологизированной, но в те времена без всяких лозунгов и агитации в сознании молодежи жила мысль — быть участником защиты Родины. На мои просьбы в военкомате отвечали:

— Придет время, возьмем.

В августе 1942-го я действительно получил повестку, но поскольку мне не исполнилось полных восемнадцати, то я написал заявление как доброволец. Из Ишима и прилегающих окрестностей собрали целый эшелон молодежи и доставили в Омское военно-пехотное училище им. М. В. Фрунзе (ныне — Высшее общевойсковое командное училище). Училище располагалось в центре Омска, на улице Республики, в здании бывшего кадетского корпуса, где все было сделано капитально и продуманно. Сибирский кадетский корпус, основанный в 1813 году, имеет блестящую историю. Из его стен вышло немало офицеров, имена которых вписаны в летопись многих героических дел. Выпускники корпуса проявили себя не только на полях сражений, многие из них стали учеными, исследователями, усилиями которых освоены огромные просторы казахстанских степей, составлены карты, основаны города: Верный (Алма-Ата), Кокчетав, Сергиполь в Семиречье. В свое время Сибирский кадетский корпус «окончил Н. Ф. Анненский, экономист и публицист, редактор журнала «Русское богатство», деятель земского движения, один из лидеров партии «Народное право», «Союз освобождения», основатель народно-социалистической партии; его труды легли в основу земской статистики. Среди выпускников корпуса был Г. Е. Катанаев, историк Сибирского казачьего войска, один из инициаторов создания Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и музея. Ярким представителем ка-

захской знати, окончившим корпус, был султан Чокан Чингисович Велиханов, человек разносторонних дарований, просветитель казахского народа” (Шулдяков В. Первый в Сибири// Омская старина. 1993. № 2. С. 9).

По-разному раскрывались таланты выпускников Сибирского кадетского корпуса, таких, например, как Л. Г. Корнилов, верховный главнокомандующий русской армией, один из лидеров белого движения; в 1898 году корпус окончил Д. М. Карбышев, генерал-лейтенант Красной Армии, замученный фашистами в Маутхаузене.

Перед Великой Отечественной войной Омским военно-пехотным училищем (так корпус назывался в советское время) командовал полковник, а с 1942 года генерал Л. Н. Гуртьев. Им была сформирована 308-я стрелковая сибирская дивизия, отличившаяся в битве за Сталинград.

В училище мы проучились шесть месяцев и уже готовились к государственным экзаменам, однако в феврале 1943 года курсанты всех училищ, а их только в Омске было два, были отправлены на фронт в район Курска и Орла. Нас выгрузили в районе Вязьмы. Несколько суток пешим строем мы шли к месту назначения — в пятую гвардейскую дивизию, только что вышедшую из боев. Хорошо помню первую встречу. Я попал в 21-й гвардейский полк, во второй батальон, личный состав которого состоял из одного старшего лейтенанта и десятка полтора солдат. Мне запомнился этот старший лейтенант — беспрельдно уставший человек с землистым цветом лица. Выстроив нас, он сказал:

— Вы без пяти минут офицеры, выбирайте себе командиров из своих рядов, ибо в батальоне их нет.

И вот мы начали выборы, в процессе голосования я оказался помкомвзвода. Помню, как приехал нас принимать командир полка Лабчинский. Личность, запомнившаяся не только своей стройной, высокой фигурой в длинной кавалерийской шинели, но и своим характером, требовательностью. Новоявленных командиров он детально осматривал лично, многим делая замечания. Досталось и мне за то, что не по-уставному пришил пуговицы на хлястике шинели: не нитками, а медной проволокой для прочности.

Командирами, правда, мы оставались недолго. Когда дивизия пришла для формирования в район старинного города Козельска, то из госпиталей и резерва стали прибывать офице-

ры и сержанты со званиями, и нас, естественно, заменили.

Запомнилось мне и то, как я стал пулеметчиком. По прибытии в дивизию оружия нам не дали, его попросту не было. Но мы находили его в округе. Дело в том, что в этом районе в 1941-м сражалась в окружении известная 33-я армия генерала М. Г. Ефремова. Следы этих боев окружали нас повсюду: остовы сгоревших машин, танков, повозок, было и брошенное оружие. Один политрук, указав на сгоревшие машины, сказал, что это фашистские, нашедшие свою могилу на советской земле. На это из строя ему ответили, что обгоревшие машины — это бывшие наши полуторки. Я нашел в болоте ручной пулемет Дегтярева, он неплохо сохранился, так как был хорошо смазан. А поскольку в военном училище матчасть всех видов стрелкового оружия, начиная с пистолета и кончая противотанковой пушкой, мы изучали, то овладеть пулеметом для меня не составляло труда. Должен сказать, что пулемет довоенного образца сработал на славу — это была машина с идеальной прицельностью, я стрелял из него лучше, чем из всех других видов оружия. Сутки я драил оружие, счищая все, чторосло на нем за время лежания в болоте, а на вечерней проверке старшина, заглянув в ствол, строго спросил:

— Почему в стволе коррозия?

В памяти осталось еще несколько фактов пребывания в дивизии. Когда мы выгружались из вагонов, нам разрешили взять с собой сухой паек. Интенданты, сопровождающие эшелон, умудрились сэкономить два двухосных вагона продуктов, и нам разрешили взять столько, сколько каждый сможет унести. Мы набили вещмешки концентратами, сухарями под самую завязку. Когда же пришли “покупатели” (так назывались те, кто представлял часть, куда забирали пополнение), то объявили, что идем в гвардейскую дивизию, что оказало определенное воздействие, и некоторые стали освобождаться от лишнего груза, попросту его выбрасывая. Моя крестьянская закуска не позволила поступить так же. Когда пришли на место, то в течение пяти суток вообще не было никакого снабжения. Вот тут пришлось делиться с теми, кто шел налегке. Вообще, здесь я впервые ощутил, что такое голод. Время было весеннее, март, дороги в Смоленщине распустились так, что даже танки погрузились в месиво грязи и встали, не говоря уже о машинах. Части снабжались продовольствием самолетами У-2. В лесу перестреляли всех белок, съели все прошлогодние грибы и приспособились утолять жажду смолой с елей.

У каждого в кармане был заготовлен большой комок смолы, и все жевали ее, в какой-то мере заглушая чувство голода. Бывало, идет батальон — и все жуют, комбат останавливает строй и дает команду:

— Выплюнуть!

Все, естественно, выплевывают, и тут же откусывают снова. Когда пошла зелень, то одним из основных продуктов был щавель. Из него варили щи, он был предметом внимания каждого из нас. На тактических занятиях, прежде чем сделать короткую перебежку, высматриваешь кустик щавеля впереди, нередко около одного и того же сталкивались лбами. От такой пищи, переполненной щавелевой кислотой, зубы у всех походили на голенища сапог, надраенные черной ваксой.

Был и курьезный случай. При переходе на летнюю форму я где-то отсутствовал, когда же пришел в отделение, мне досталось обмундирование пятьдесят четвертого размера, а я носил сорок восьмой. Погоны лежали не на плечах, а висели на предплечьях, галифе опускались ниже колен, рукава гимнастерки приходилось закатывать. К тому же из масленки, в двух емкостях которой хранились масло и щелочь, я посадил на форму масляное пятно. И вот однажды, случайно или преднамеренно, меня посылают в штаб дивизии с пакетом к начальнику тыла. Я прихожу, поднимаюсь в штабную машину к полковнику и докладываю, как положено по уставу:

— Гвардии рядовой Янков явился с пакетом.

Он спрашивает:

— Ты кто такой?

Отвечаю снова по уставной форме.

Полковник зовет старшину и говорит ему:

— Одень этого обормота.

Старшина привел меня на склад, подобрал все с иголки моего размера. Возвращение в роту, как видение с картинки, стало объектом солдатских шуток. Я, конечно, в долгу не остался, заявив, что комдив-то — свой человек. Если что, посылайте меня снова.

Во время формирования в Козельске командовать нашей пятой ротой второго батальона прибыл из госпиталя (уже после пятого ранения) старший лейтенант Дандыбаев, казах по национальности. Среднего роста, плотного телосложения, он представлял собой сгусток энергии и деловитости. В роте сразу началась новая, энергичная жизнь. Сам Дандыбаев ходил всегда бритый и брил всю роту. Судьба нашего ротного приме-

чательна для времен войны: он был ранен шесть раз, затем, где-то уже под Брянском, с повозок, где лежали раненые, меня окликнули, я подошел, и снова увидел Дандыбаева после очередного ранения. Дальнейшая судьба его не известна. Но ту встречу я невольно вспоминаю, потому что военные судьбы непредсказуемы, иногда ранения насчитывались десятками.

Когда наша дивизия стояла под Козельском, мы не просто занимались тактикой, но и готовили запасную оборону. Каждому солдату была определена задача — вырыть восемь погонных метров траншеи в полный профиль, а это означало: сверху полтора метра в ширину, девяносто сантиметров внизу (чтобы можно было катить пулемет “максим”) и полтора метра в глубину. Для меня, деревенского парня, подобная работа была не в тягость. Правда, здесь примешивались местные особенности: дело в том, что там был сплошной песок, сколько его вычерпашь, столько же почти и осыплется вновь, поэтому нужно было еще делать плетень. И вот за такой ударный труд меня перед строем наградили почтовой открыткой с портретом Кутузова.

Под Козельском произошел случай, который стоит перед глазами до сих пор. Из 1800 курсантов один сбежал. Каковы были причины, трудно объяснить. Покинув часть, он, вооруженный винтовкой, грабил мирных людей в прифронтовой полосе. Его схватили. Выстроили в каре весь полк, зачитали приговор, раздался залп из восьми автоматов, силой пуль тело даже перебросило через вырытую яму. И в этот момент разразилась невероятной силы гроза, что эмоционально усилило впечатление. Первая смерть перед глазами отложила глубоко в сознании каждого восемнадцатилетнего. С точки зрения гуманности убийство парня в восемнадцать лет — преступление, но война порождает свои законы, предъявляя человеку свои особые требования. Поскольку в этом пополнении было немало земляков — ишимцев, то уже после войны, кто остался живой, при встречах вспоминали случай расстрела. И у всех тогда, оказывается, родилась одна и та же мысль — чем погибать собачьей смертью, лучше ее получить в бою. А это было важнее всех политбесед и наставлений. Таким образом мы постигали на практике античеловеческие законы войны.

Навсегда останутся в памяти первые впечатления от соприкосновения с фронтовой действительностью. Наша дивизия входила в состав 11-й гвардейской армии под командованием К. Н. Галицкого. Она вводилась в прорыв с севера Орловско-

го выступа и наступала на Карачев, Болхов, Орел. В момент прорыва мы были во втором эшелоне, однако запомнилась артиллерийская подготовка, когда сотни орудий всех калибров одновременно открыли огонь и от грохота обычный разговор был невозможен, приходилось кричать друг другу. Что творилось на обороне немцев... Сплошное море взрывов, поднимающих массу земли и дыма. Было полное впечатление, что выжить в таком аду невозможно, и бывали случаи, когда внешне невредимые немецкие солдаты, оглушенные, теряли способность к сопротивлению. И все же здесь опять срабатывали свои законы войны — организация обороны, ее эшелонирование. Мы буквально следом за прорывающимися частями входили в бой, сменяя их с ходу, и с первых же моментов чувствовали сопротивление противника.

Первые впечатления откладываются наиболее рельефно. Во время атаки солдата, бегущего рядом, осколок по касательной ударил в лицо. Рана была неглубокая, но большая, вдоль всей щеки. Из нее широким потоком хлынула алая кровь. При виде этого меня резанула мысль: если ранят, умру от одного вида крови. Этот эпизод часто снился. Однако человек привыкает ко многому. Через полтора года в момент моего ранения уже собственная кровь хлюпала в сапогах, но — выжил.

Первый день боев к ночи затих, а рано утром мы услышали русский мат, произносимый слабым голосом, и увидели картину, долго стоявшую перед глазами. Полз наш солдатик и на полах шинели тащил свои внутренности — ему распорол живот, не задев ничего внутри. Он проделал путь метров шестьсот. Подобных деталей войны можно вспоминать много.

Все послевоенные годы часто задаю себе вопрос — что я совершил героического на войне? И ответа нет. Я солдат-окопник и прошел все, что отведено войной согласно моему рангу: месил глину огромных оврагов Орловщины, из которых наши полуторки и ЗИСы выносились только на солдатских плечах, тонул в болотах Белоруссии, участвовал в марш-бросках (один из них запомнился особо — за день мы преодолели километров семьдесят, так и не поняв его стратегического значения), ползал за языками, ходил в тыл к немцам, когда служил в разведке.

Героика на войне, по моему убеждению, состояла в том, чтобы сохранить в себе человека в нечеловеческих условиях. Сутками идет непрерывный дождь, размякли глинистые стены окопов, на дне хлюпает грязь, амуниция промокла до нитки, а обсушиться нет возможности. Нервы человека на пределе, у

него притупляется ощущение опасности, солдат ходит в окопах, не особенно кланяясь свисту пуль. Народная поговорка “Двум смертям не бывать, а одной не миновать” приобретала особый смысл, находя своеобразное словесное оформление: солдат готов был попасть в “Наркомзем”, то есть в землю, или, что предпочтительнее, в “Наркомздрав” — в госпиталь. Однако в этих условиях солдаты умели сохранить свое человеческое лицо. Мне довелось увидеть такую картину: в условиях бесконечных дождей мы, разведчики, встретились в траншеях с расчетом станкового пулемета, почувствовав какой-то домашний уют. Стены их ячейки, рассчитанной на троих, были обшиты матами, сплетенными из камыша, пол выстлан ветками кустарника, сверху все накрыто плащ-палаткой. Тут же мы увидели различные ниши для солдатского припаса и пулеметных лент. У них даже навар в котелках был не старшинский, так как ночами они умудрялись добывать на нейтральном поле живность. Возглавлял все это “первый номер”, рязанский мужичок, никогда не унывающий, как будто бы он собрался жить здесь вечно.

А вот еще один случай, свидетельствующий о том, что под грубой коростой войны человеческое все же сохраняется. Однажды на нейтральное поле выскочил чудом сохранившийся заяц, заметался в испуге. И пока он выделял свои пируэты, война на этом участке кончилась — и наши, и немцы забыли об оружии, высунулись из окопов, наблюдая игру жизни. Но были случаи, когда условия ломали человека.

Зимой 1944-го мы находились в обороне в районе Витебска. Условия были таковы, что требовали невероятных усилий. Сплошных траншей не было, и мы располагались в ячейках. Морозы стояли не сильные, однако шли бесконечные снегопады при сильных ветрах. Бывало, топчешься, согреваясь, смотришь — ты уже торчишь из ячейки, утрамбовав под собой снег. Берешься за малую лопату, чтобы восстановить окоп. Бураны были такие, что пока старшина несет в котелках обед, его засыпает снегом. Я с пулеметом Дегтярева стоял на фланге и своего соседа справа не только не видел, но даже не знал, где он. У меня был расчет из двух человек. Один из них запомнился надолго: молодой парень — Виктор из Москвы. Из откровенных бесед с ним у меня сложилось определенное представление о его воспитании. Он жил в обеспеченной семье, за ним няня ухаживала вплоть до десятого класса. Изнеженный, не приспособленный к физическому труду, оказавшись в тяже-

лых условиях, он был буквально деморализован. Мы стояли месяц в обороне, нас не водили в баню, не меняли белья, и естественно, развелось множество вшей. Боролись с ними как могли. Например, по очереди ходили к командиру взвода в блиндаж, похожий скорее на нору, где была печурка, раскаленная докрасна. Снимали белье и вытряхивали своих “квартирантов”, которые с треском лопались на огне. А иногда устраивали бега — на листочке бумаги рисовали старт и финиш, каждый вынимал свою вошь и пускали их на соревнования, чья доползет до финиша первой. Мой напарник, бывая в блиндаже, не делал даже попытки раздеться. Я стал замечать, что он, как свеча, тает на глазах. Однажды он упал в окопе и не мог встать. На волокуше мы притащили его в блиндаж к командиру роты. Когда расстегнули шинель и телогрейку, то на гимнастерке была сплошная серая масса вшей, иглой ткнуть негде; в нижнее белье мы не заглядывали. Они его просто обескровили. По приказу ротного моего Виктора сдали в санбат со всем его “хозяйством”. Какова его дальнейшая судьба — не знаю. Жалею, что моя записная книжка, в которой был и его адрес, потерялась в госпиталях. А как хотелось узнать о его судьбе, остался ли он в живых, сделал ли выводы из пережитого? Ведь я пытался его воспитывать.

Слова песни из кинофильма “Семнадцать мгновений весны” о мгновениях, которые летят “как пули у виска” и приносят “кому позор, кому бесславые, а кому бессмертие”, почти осязаемо встают перед глазами в фактах войны. Накануне боев за Борисов наша группа ходила в разведку. Обследовав берег Березины, за которую ушел немец, и возвращаясь, мы попали под обстрел. Зная, что на опушке леса противник оставил окопы, бросились туда, а в них оказались местные жители. Опасаясь предстоящего боя, они покинули свои дома. Это были в основном женщины и дети. Что здесь творилось — невозможно передать словами. Дети от испуга истошно кричали, матери — и того громче, опасаясь за судьбу своих малышей. Тут можно было поседеть за мгновения. Помочь этим людям мы ничем не могли, но и находиться в этих окопах сил не было. Выскочив, мы укрылись в воронке.

Самое страшное — когда под молот войны попадают дети. Беззащитные, растерянные, они, как былинки в бурю, могут мгновенно исчезнуть. Сегодня, когда по телевизору показывают военные события, неважно в какой стране, я не могу смотреть, если на экране — дети.

На войне я пережил мгновение, когда испугался так, как потом не пугался за всю оставшуюся жизнь. Это было под Великими Луками. Там наши войска вклинились глубоко в оборону немцев возле города Невеля, а горловина “мешка” легко простреливалась немцами. Я шел с пакетом в штаб полка по шоссе, вдоль разрушенной деревни. Чтобы обезопасить себя, избрал путь по огородам, поскольку шоссе методически обстреливалось. Услышав свист снаряда, упал, но рука куда-то провалилась, автомат соскользнул с плеча, и я его прихватил рукой за ремень. Когда просвистели осколки, стал обследовать препятствие. Это оказался глубокий колодец, сруб которого был заподлицо с землей. Вот тут я испугался так, что волосы подняли пилотку. Ведь еще один шаг, и я — без вести пропавший. Вылезти из колодца по скользкому срубу практически невозможно, и неизвестно, сколько там воды. Я вышел на шоссе и потопал напрямиком, рассчитывая, что здесь, убитым или раненым, все равно найдут.

То, что мгновения и минуты могут исчерпать физические силы человека, проверено на личном примере. На окраине города Вилкавишискис, что на самой границе с Восточной Пруссией, мы возвращались с задания. Нужно было пересечь шоссе. Первые три человека перебежали, побежал и я. Только появился на дороге — свистнула пуля, я упал; едва пошевелиюсь — пуля вновь впивается в асфальт. Ясно было, что охотится снайпер. Поджимая под себя ноги, я, как лягушка, делаю прыжок, и снова от пули даже осколки асфальта секут лицо. Этот поединок длился минут пятнадцать. Когда же я свалился в канаву и ребята дали мне закурить, оказалось, что у меня нет сил держать папиросу. Мы потом проанализировали, почему меня не снял снайпер. Этот участок дороги представлял собой начало уклона, а были последние лучи солнца, асфальт в этом месте “бликовал”, и, естественно, мой силуэт растворился в этом блике.

Самое тягостное на фронте — монотонность событий, ожидание. Это ощущение больше всего испытываешь в обороне, находясь в окопах. Но мозг работает и здесь, невольно ему приходится дело: перед своим окопом знаешь наперечет все кусты и былинки, все бугорки, ловишь на слух, чей стреляет пулемет — наши ли “максим” или Дегтярева, или скорострельный немцев. По вспышкам огня ночью определяешь батарею противника, которая бьет по тебе или по соседу. Вырабатывалась удивительная реакция на события. Во время боев на Ор-

ловско-Курской дуге авиация работала весь световой день, начиная еще до восхода солнца. Смотришь: из-за горизонта выползает громада немецких самолетов, и солдаты переднего края в предельном напряжении смотрят, где оторвутся бомбы, — до переднего края или над тобой. Если раньше, значит наши, если над тобой, то закуривай, бомбы полетели на соседа. Дело в том, что в момент отделения бомбы от самолета ее видно на какое-то мгновение, вот его как раз солдат всегда улавливал. У меня сохранилось в памяти ощущение, когда бомба рвется где-то рядом, а стенки окопа вибрируют и двигаются так, как будто сделаны из какого-то рыхлого материала, типа творога. Я невольно вскакивал, опасаясь, что они сейчас обрушатся и завалят нас.

Совсем другое дело, когда начинается работа: отбивается ли атака, сам ли идешь в атаку, — тогда все ресурсы организма включаются в действие. Я хорошо помню один поход за “языком”. Это было в Литве. В течение трех суток наша группа вела наблюдение за избранным участком. Перед началом операции нас выстроил начальник разведки дивизии майор Т. В. Бутц. Объяснив, что армия не имеет свежих сведений о противнике, поставил задачу — взять “языка” во что бы то ни стало. За невыполнение задачи последуют соответствующие наказания. Затем начальник объявил, что идет с нами. Думаю, что любой солдат испытал определенное состояние, когда в ответственный момент командир оказывался рядом, появлялась дополнительная уверенность. Мы потом между собой обсуждали поступок командира, сделав свои выводы. Ведь перед ним так же жестко была поставлена данная задача.

Нейтральная полоса, где действовала группа, была большой; ближе к немецкой обороне находился литовский хутор с добротным домом и надворными постройками из кирпича. Около хутора протекал ручей и была небольшая запруда, к ней немцы протоптали тропинку — все это мы предварительно проверили и обследовали ночью. До хутора мы прошли в полный рост, а потом поползли цепочкой, так как слева и справа были зрелые хлеба, не позволяющие ползти бесшумно. Я, старший правой прикрывающей группы, согласно разработанному плану полз впереди, начальник разведки — следом за мной. Сосредоточенность была предельной, состояние — близкое к охотничьему азарту. Вся группа действовала как единый слаженный организм. Мы подползли к боевому охранению немцев. Один из них лежал на тро-

пинке и спал, двое находились в окопе с пулеметом. Двоих уничтожили, а третьего скрутили.

На такие задания ходили, как правило, во второй половине ночи, ибо учитывался физиологический фактор: к утру одолевает дрема, притупляется бдительность. Взятых немца мы не успели даже рассмотреть в лицо, его в ту же ночь увезли в штаб армии. За это задание нас троих наградили орденами Славы и отпуском домой на десять суток, остальных — медалями. По сложившимся обстоятельствам я не смог съездить в отпуск. Когда через сорок лет списался со своим начальником разведки, то узнал кое-какие подробности: нас наградили орденами, а он получил выговор, ибо не имел права ходить за “языком”. Ведь если случилось бы все наоборот, и не мы пленили немцев, а они нас, то лучшего “языка”, чем начальник разведки, не надо было.

В разведке был закон: живого или мертвого товарища ты обязан был вынести, это придавало уверенность и очень сплачивало коллектив. Вновь приходящих проверяли всесторонне, одним из методов была обкатка на местности. Один из опытных разведчиков ночью брал группу новичков и выползал с ними на нейтральную полосу. Немцы любили ошеломлять — выбрасывали несколько ракет и длинными очередями из скорострельных пулеметов открывали бешеный огонь. Создавалось впечатление, что они обнаружили противника. Такого испытания некоторые не выдерживали, иные вскакивали и бежали при свете ракет. Таких в разведку не брали.

Задачи, решаемые разведкой, были самые будничные. Мне раза два приходилось ползать в тыл с целью наблюдения и передачи данных о передвижении немецких войск. Или и того прозаичнее — нужно было лежать ночами у немецкой проволоки и слушать, не происходит ли смена частей, увеличение числа людей в окопах и их передвижение. Одно из таких заданий запомнилось несколько необычной ситуацией. Оборона длилась долго, и перед проволокой зимой остались трупы солдат. Чьи они — определить было трудно, но в марте трупы стали вытаивать. И вот на такой “объект” приходилось ложиться, чтобы не вмерзнуть в снег.

Во многих воспоминаниях, да и в литературе, проскальзывает мысль о приверженности русского солдата к спиртному, при этом делаются всякого рода извинительные реверансы: это, мол, не типичное явление. Я не берусь делать обобщения, пишу о том, что сам видел. В боях за Борисов нас,

троих разведчиков, послали с пехотой, и мы попали в район немецких складов, которые были подожжены. Жаркое солнце, жара от горящих стен, в одном складе стояли деревянные бочки с вином, верхняя часть которых прогорела и обвалилась в вино. И вот солдат, только что стрелявший, закинув автомат за спину, разгребает головешки в бочке и по-лошадиному пьет. Выходит из склада и... готов идти до Берлина. Не случайно немцы, зная, что оставили какие-нибудь спиртные запасы, обязательно прибегали к контрафикам.

Не могу не рассказать и о таких своих ощущениях, которым не даю научной оценки, не объясняю действиями каких-то потусторонних сил, а просто констатирую факты, сохранившиеся в памяти. Когда мы ехали на фронт, мне приснился сон: огромная толпа народа лезла на высокую гору, а выкарабкались на вершину единицы, среди них был и я. После моего рассказа об этом сне старый солдат из сопровождающих сказал:

— Ты, парень, с войны вернешься.

Я начисто забыл тот сон, но почти через два года, лежа в госпитале, вновь увидел его один к одному, невольно вспомнив слова солдата.

Мы не раз наблюдали состояние человека, которого долго и хорошо знаешь, перед гибелью. Замкнутый по характеру, он вдруг становится веселым сверх меры и наоборот. Я свое ранение тоже предчувствовал. Когда мы пошли на новое задание, мне страшно не хотелось туда идти. Вроде двигаюсь вперед, а ноги поворачивают обратно, и я плетусь в хвосте группы. Это не осталось незамеченным у разведчиков. Узнав о моем настроении, они предупредили: смотри, будь осторожен.

Придя на место действия, мы с командиром взвода выбрали место для наблюдения. Это был сарай, рядом с которым проходил передний край обороны. Прорезав отверстие в кровле, крытой дранкой, мы устроили пункт наблюдения. Но случилось так, что в наше отсутствие, о чем мы узнали позднее, артиллеристы установили в нашем прорезе стереотрубу, а поскольку нейтральное поле было небольшим, немцы засекли блеск линз и посадили снайпера. Вернувшись на наблюдательный пункт (а мы ходили парами, остальная группа отдыхала на определенном расстоянии в тылу), наш взводный поднялся на верх сарая. Только он устроился, как тут же несколько разрывных пуль пробило дранку крыши. Стало ясно, что за нами охотится снайпер. лейтенант, посоветовав нам быть внимательными, ушел. Немного поговорив со своим напарником Мель-

никовым, я поднялся по лестнице, сел верхом на бревно как можно дальше от отверстия, ибо бинокль давал возможность просмотра. И тут вновь последовал выстрел, пуля, пройдя дранку, разорвалась, а затем наступило долгое молчание. И вот в этот промежуток времени меня жгуче преследовала мысль: в меня целятся, а я никаких действий не предпринимаю, веду себя, как кролик перед удавом. И вдруг удар, как колом, в левое плечо, настолько сильный, что я едва удержался на бревне. Рука повисла плетью. Соскочив и сняв телогрейку и нательную рубаху, я увидел, как из двуглавого мускула левой руки фонтаном бьет артериальная кровь. Сзади пуля, разорвавшись, раздробила всю лопатку. С индивидуальным пакетом делать было нечего, и мой напарник побежал за пехотным санинструктором. За десять-пятнадцать минут от потери крови, которая хлюпала в сапогах, я перестал видеть, хотя сознание не терял. Мельников ушел за ребятами, накинув на меня телогрейку, но все равно я испытывал озноб. А в голове бродила мысль — вдруг немцы начнут обстрел, у них на прямой наводке стояли пушки, и я ногами шарил, отыскивая край окопа, чтобы свалиться в него в случае обстрела. Насколько силен инстинкт самосохранения! Когда разведчики несли меня на плащ-палатке, я узнавал их голоса, а видеть не видел. В санроте какой-то артиллерийской части мне влили кровь, тогда в глазах появился свет. Там же нашли повозку и доставили в санбат дивизии. Во время лечения мне в общей сложности влили кровь от пяти доноров. На вторые сутки после ранения у меня началась газовая гангрена. Вдруг почернели пальцы, я их кусаю и не чувствую. Процесс омертвения протекал быстро: умерла кисть и дошло уже до локтя. В это время особенно сильно терзали боли. Помоему, в госпиталях я отматерился за всю жизнь. Часа в три ночи сестра пригласила хирурга, старшего лейтенанта. Посмотрев, тот сказал — несите. Санитары тут же выполнили приказание, доставив в операционную палатку, но оказалось, что стол был занят, на нем лежал мертвый солдат с ампутированной ногой. Труп быстро унесли, стол помыли и меня, обнаженного по пояс, положили на мокрую клеенку. Ощущение не из приятных. Очнулся я в палате, чувствую, что левая рука где-то далеко за спиной. Сделал попытку ее поправить, откинув одеяло, увидел сплошные бинты. Хирург, ожидая моего пробуждения, стоял рядом. Он стал объяснять необходимость срочной ампутации. Из-за физической слабости я прореагировал спокойно, и он ушел. Поведение хирурга объясняется тем,

что ампутации, проведенные без согласия, вызывали бурную реакцию раненых.

В санбате меня навестил командир роты. Увидев итог ранения, он оставил свой допнаек, по моей просьбе старшина принес потом банку соленых огурчиков, что было как раз кстати. Приход командира был вызван еще одним обстоятельством — потерей разведчиков. Если в прошлый раз, взяв языка, мы не понесли никаких потерь, то в этот раз ранено было шесть человек. Некоторых я встретил в санбате, и они поведали о трагедии. Немцы заминировали бруствер, и на этих минах в момент броска подорвались ребята.

В санбате я пролежал суток пять, затем был эвакуирован в армейский госпиталь в Каунас, который размещался в специализированном здании с красным крестом на крыше. На всю жизнь мне запомнилась чистка раны. Когда зацепят обрезанные нервы, то фейерверк из глаз неописуем, в придачу — фонтаны влаги из всех отверстий. Недели через две нас, тяжело раненых, уже из пересыльного госпиталя, находившегося в Вильнюсе, направили эшелонам в Москву. Однако доехали мы лишь до Смоленска, где нас на носилках выгрузили на бетонную площадку, продуваемую ветром со снегом со всех сторон. Перевозили же нас всего две полуторки. Можно было “загнаться” на этом смоленском перроне. Когда загрузилась очередная машина, искали, кто может ехать в кабине с шофером, я согласился. Ехать надо было долго, через весь город, где-то на окраине сохранились кирпичные пятиэтажные дома, которые приспособили под госпиталь. Пока доехали, снова не только одежда оказалась в крови, но и кабина машины, за что я от шофера получил серию родных русских слов.

В Смоленске пролежал около трех месяцев и выписался 27 декабря 1944 года, а 10 декабря мне исполнилось двадцать лет. Наверняка все, кто лежал в этом госпитале, запомнили кормежку. Все эти месяцы нам давали сплошной овес: овсяная каша на завтрак, в обед — овсяный суп и овсяные котлеты, на ужин — то же самое меню. Как только где-нибудь появлялся начальник госпиталя, все начинали без команды ржать, заявляя, что начинают проявляться лошадиные привычки. Я вкус овса ощущал лет десять.

Особого внимания заслуживает проблема обмундирования. Комиссар госпиталя, проводя беседы, многократно обещал, что тот, кто комиссуется “по чистой”, получит обмундирование первой категории. Когда же пришло время выписки, то

на складе, куда нас привели, висела одежда, списанная полностью. Оденут одни брюки, затем другие, чтобы закрыть дырки на первых. Мое возмущение закончилось в кабинете начальника госпиталя — майора медицинской службы Мельника... его резюме:

— Ты легко отделался от войны!

Можно представить мое состояние. Ушел в палату, меня сняли с довольствия, жил на сухом пайке. Хотя желание ехать домой было настолько велико, что я сдался. Получил, правда, новую гимнастерку, брюки, а в придачу ботинки с обмотками. С одной-то рукой. Шинель оказалась без хлястика, вместо вещевого мешка — штанина от кальсон, куда я положил две булки хлеба и завязал все бинтом. В таком виде шагал по Москве, ожидая формирования эшелона раненых в Сибирь. Помню, на Большом Каменном мосту мне встретился пожилой генерал-лейтенант. Когда мы прошли мимо друг друга, он, повернувшись, долго смотрел на меня. Что он думал — неведомо. У меня была одна мысль: приехать домой ночью, чтобы никто не увидел победителя. Добрался до Ишима поздно вечером 5 января 1945 года. Шинельку свою, в которой явно убит был не один Иван, я отдал на подстилку козленку.

Первые два с половиной года послевоенного времени оказались для меня самыми тяжелыми. Половина времени — в госпиталях, профессии — никакой, пенсия — 23 рубля, поскольку считалось, что я связан с сельским хозяйством. На моих глазах за эти годы ушло из жизни много инвалидов, не выдержав борьбы за существование. На счастье, мои родные всячески поддерживали меня. Когда в 1947 году поехал учиться в Свердловск, они с облегчением вздохнули — выбрал себе дорогу.

Безусловно, преодолевать житейские трудности мне помогало все то, что я получил в армии — упорство, целеустремленность, собранность плюс к этому сибирский характер.

Иван Федорович Плотников, доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии гуманитарных наук, лауреат премии В.И. де Геннина и Н.В. Татищева, гвардии подполковник (в отставке), инвалид Великой Отечественной войны II группы

Моя предвоенно-военная юность

Вспоминать о предвоенных годах, о самой войне 1941–1945-го и горько, и одновременно сладко. Горько — потому, что это воспоминания о трудных, тяжких временах, а сладко — потому, что это была детская, юношеская пора, которая уже никогда больше не повторится. На детские годы легли отсветы малых войн на востоке и западе страны, а юность уже опалило пламя большой войны, Отечественной. Все слилось в нераздельное целое: детство, юность, учеба, труд, война... Приступая к воспоминаниям о своем участии в Великой Отечественной войне, хочу начать несколько издали — рассказать, как складывалась моя жизнь и жизнь моих родителей накануне ее, в какой рос атмосфере, с каким мироощущением и умонастроением встретил обрушившуюся на страну беду.

***

Сначала скажу о родителях. Родина моей матери, Агриппины Евсеевны, в девичестве Останиной, — село Байки, что в Караидельском районе Башкирии, на севере этой республики. Ее предки переселились в предгорья Урала с Ярославщины где-то в XVII веке. Что же касается русского волостного села Байки, в дооктябрьский период в Бирском уезде Уфимской губернии оно было широко известно как весьма крупное, торговое-купеческое, с многоземельным крестьянством. В 20–30-е годы это село было районным, пока по чьей-то затее не был выстроен на голом месте районный “городок” — преимущественно

за счет сноса “кулацких” домов в тех же Байках и перевозки их через горы за 6 километров (“городком” этим стало село Караидель на одноименной реке, что значит “Черная река”, — так по-башкирски именуется Уфа, в отличие от реки Белой — Ак-Идель). Отец мой, Плотников Федор Николаевич, родом был из соседнего, Аскинского района, из деревни Королево. По преданиям и историческим источникам, деревню основали старообрядцы, поддерживавшие в конце 1773 — начале 1774 года восстание Е. И. Пугачева под Кунгуром и бежавшие от преследования властей в отдаленный, необжитой еще район (кстати, много было старообрядцев и в Байках). Отец был участником Первой мировой, а потом гражданской войны (участвовал в знаменитом краснопартизанском рейде В. К. Блюхера), затем — комбат в 30-й Краснознаменной дивизии, одно время — член компартии. Несмотря на все это, идти против воли родных не стал, когда в жены ему предложили незнакомую байкинку: староверка — к староверу.

Родился я в Королево 4 сентября 1925 года. Через года полтора мы переехали на станцию Хребет, что близ южноуральского города Златоуста. Отец, ставший железнодорожником, отправил нас с матерью через год обратно в Королево, сказав, что скоро вернется туда, будет вновь крестьянствовать. Да вот так и не вернулся, завел новую семью, так и не разведясь официально с моей матерью. Как выдвигенец, в начале 30-х годов учился на курсах Пермского строительного техникума, работал в Аскино (заведовал стройотделом исполкома Совета), потом — в Уфе. Всего лишь несколько раз приезжал к нам в Байки, куда мы переселились с матерью уже в 1928 году. Практически никак нам не помогал. Да и трудно ему было это делать: болел, на шее была новая семья, советско-партийную карьеру делать не стал, хотя и мог, предпочел должность рабочего-железнодорожника. Тихо-кухонно ругал большевистскую власть (“Мы кровь проливали, а тут в нее всякая нечисть пролезла, всех мордуют, жизни нет, все обещанное — обман”), когда И. В. Сталин ликвидировал “красногвардейско-партизанские комиссии”, лишив их бывших членов некоторых имевшихся, очень скромных по сравнению с номенклатурными, льгот.

Детство мое проходило в крайней бедности. Кормились огородом, молоком коровы. Мать из религиозных соображений (но и по своеобразным стихийно-идейным) в “коммунию”, колхоз “безбожных” большевиков, вступать наотрез отказалась. Во вре-

мя повальной коллективизации в зиму 1930/31 года ее двое суток продержали под арестом, принуждая написать заявление, — все равно отказалась. В итоге ее все же выпустили, но потом душили налогами, даже, помнится, потребовали сдать центнер зерна, хотя пашни никакой у нас не было (хлеб выменивали на картошку). “Безбожная”, “насильная” власть ей претила всю жизнь, но в разговорах о ней была осторожной, более открытой становилась лишь с несколькими соседками, знакомыми-единомышленницами; по острым вопросам они перешептывались. Помнится, никто из них друг на друга не доносил.

На моих глазах совершалось раскулачивание: в зимнюю стужу изгоняли массу людей, взрослых с детьми, из своих домов, разрешая, помимо одежды на себе, брать только узлы; на санях отправляли на железнодорожную станцию за 70 километров, оттуда — в Сибирь. В числе раскулаченных был и мой двоюродный дядя, бывший солдат и красный партизан. Раскулачили его за то, что обзавелся двумя лошадьми, молотилкой (которой, кстати, бесплатно пользовались и другие) и не вступал в колхоз. Завывание в плаче женщин и детей, сочувствие одних односельчан, злорадство других в предвкушении скорого вселения в освободившиеся избы — все это остается в памяти на всю жизнь, как самый дурной сон!

Пишу об этом главным образом потому, что пришлось расти, формироваться как человеку, а потом и как специалисту в сложнейших условиях, с чувством борющихся в душе противоречий, с ощущением раздвоения личности. Это и тогда, и потом ощущать в себе и вокруг себя было крайне мучительно. С одной стороны, ежедневное, ежечасное, отовсюду наплывающее внушение, что под руководством большевистской партии Ленина — Сталина страна, мы все идем к самому справедливому обществу, “мечте человечества” — коммунизму, вот надо только поднапрячься, сокрушить врагов (внутри и вне страны) — и все будет в порядке; незнание нами, молодыми, положения людей и состояния экономики в дореволюционной России, будто бы “лапотной” и обреченной на извечное отставание, а также положения в западных странах, где простой народ якобы живет в нищете, и все хуже и хуже. С другой стороны, ощущение безудержной, беззастенчивой лжи если не о богатой, то об обеспеченной, свободной, счастливой жизни советских людей, о справедливом распределении благ (при наличии скрытых кормушек не только для элиты, но и для местной, районной номенклатуры). Воровство, злоупотребления

и мордование людей властями, репрессии чудовищных масштабов, в обоснованность и надобность которых при всех усилиях трудно было поверить. На моих глазах в клубе были арестованы два парня, выкрикнувшие, чтобы выключили радиопродуктор, из которого доносилась какая-то казенная речь, мешавшая слушать патефонную пластинку. Потом, как выяснилось, их расстреляли. Так было! Я, как и многие мои сверстники (немало из них и сейчас носят на демонстрациях и митингах портреты Сталина, голосуют за коммунистов, пусть сколько-то и эволюционировавших), про себя (хотя даже и про себя — тайно) то верил в большевизм и коммунизм, возможность построения самоуправляющегося общества — без власти, насилия, достигшего полного “разумного” материального достатка (жизнь по-потребности — для всех и каждого), то сомневался и в большевистской политике, и в реальности коммунизма, в возможности вырастания его из общества насилия, доносов, страха, явной несправедливости и практически массовой бедности, технологической отсталости.

Безысходность в повседневной жизни скрашивалась в детстве разве что радостями в играх, шалостями, рыбалкой и книжечтением.

Книги, увиденные в раннем детстве, с красочными картинками, в которых загадочные знаки-буквы вдруг начинали, у взрослых, говорить, покорили меня. Научившись читать, я брал их где только мог — в библиотеках, у знакомых. Читал обычно ночами, пока мама не отбирала книжку и не тушила керосиновую лампу. Покоренный книгой, я на всю жизнь стал библиофилом. И уже с детства, чтобы покупать книги, подрабатывал в каникулы. Причем не как-нибудь: лет с 13 работал на подноске кирпичей в бригаде каменщиков; став постарше, в 14—15 лет, был пастушком-погонщиком у гуртоправа (мы перегоняли огромное стадо от Байков до станции Янаул, на мясокомбинат). Заработок получался приличным, так что к уходу в армию скопил библиотечку. Рано увлекся стихосложением, что в сельской детской и юношеской среде, даже читающей, в отличие от городской, было тогда редкостью (в школе и на селе было у меня прозвание Ваня-поэт). Так вот, писал и в школьную, и в сельсоветскую, “взрослую”, стенгазету стихи — и об обыденном, и о событийном, в русле общей тональности, хотя и не мог заставить себя восславлять “великого Сталина”. Писал и о горечаях жизни, редко показывая это близким. Причем по-прежнему мучился:

справедлив ли я в оценке нашего общества, партии, ее курса и действий? А вдруг я чего-то все же не понимаю, может, трудности, запугивание и репрессии — исторически необходимы и в будущем все изменится? Раздвоение личности, одним словом.

Что-то у меня изредка выплескивалось и на людях — в школе, классе. Помню, осенью 1940 года нарвался на проработку директора и парторга школы за реплику во время необычного урока по истории — с приглашением раненого (или больного) красноармейца-односельчанина, прибывшего из Прибалтики. Он сбивчиво, с помощью учительницы-активистки Л. Прилуцкой рассказывал о “добровольном” одновременном присоединении к нашему государству Эстонии, Латвии и Литвы. А перед этим мне довелось услышать простодушно-доверительный рассказ другого красноармейца об оккупации этих стран, к которой специально готовили войска, о двойственном отношении к торжествам там, о начале действий “лесных братьев” и т.д. На уроке у меня и вырвалось: “Ну что вы говорите, эти же страны просто присэсээрили!” Спасла от исключения из школы отменная учеба и, думаю, нежелание руководства школы выносить сор из избы. К тому времени школьное руководство как-то попривыкло к моим упорным отказам от вступления в пионеры, потом — в комсомол. Вроде бы относили все это к индивидуализму, а не к проявлениям “конфронтационности”. Влияло и то, что отец мой был в прошлом партизаном-блохеровцем (а еще до того — красногвардейцем отряда тех мест под командованием З. К. Шорохова), командиром, какое-то время — советским функционером, а также его одно-два выступления в школе во время редких наездов к нам с матерью.

Таким, в таком состоянии, умонастроении застала меня, 15-летнего школьника, Великая Отечественная война. С ее же началом настроение в пользу существующей власти у меня резко усилилось. И потому, что вслед за обращением к “братьям и сестрам” И. В. Сталина 3 июля 1941 года сразу изменился весь тон, а во многом и характер официальной пропаганды, постановка воспитательной работы в школе, отношение к церкви и верующим, и потому, что обжигала сердце нестерпимая боль за Родину, оказавшуюся в тягчайшем положении, на краю гибели — потери независимости, причем из-за нападения страны с еще “худшим” политическим режимом. Теплилась надежда (и не у одного только меня — у миллионов!), что спасение независимости страны, наша победа в войне заставят коммунисти-

ческую власть, оказавшуюся в предотвращении национальной беды столь позорно-бездарной, изменить свою политику, что она “помягчает”, сблизится с народом, перестанет игнорировать его волю, традиции, зачеркивать и искажать многовековую историю России.

Попутно вспоминается мне, как в 1952 году, будучи аспирантом и фронтовиком, в одном из бескончаемых наших вечерних разговоров с коллегами я как-то рассказал, что моя “крамола” идет с детства, то угасая, то, как сейчас, по окончании войны, вновь нарастая. Меня и очень многих удручало то, что ожидаемых изменений в политике партии после войны практически не произошло; тоталитарный режим сохранялся, коммунистическая трескотня вновь усиливалась, жизнь едва-едва улучшалась, хотя зарубежный мир, даже страны, потерпевшие поражение, приходили в норму, материальный уровень, достаток людей росли. Аспиранты реагировали на откровение по-разному: один из них, мой пожизненный единомышленник, сказанное воспринял с пониманием, а вот другой решил пригрозить, что пойдет “сообщать”. Но его устыдили — не пошел. Между прочим, столкновения с этим вторым коллегой, угрозы с его стороны донести были неоднократными. Сейчас он живет в Москве (на поселение в которую затратил годы), на пенсии, по мировоззрению, как и прежде, коммунистичен, но не переработал и на коммунизм, мало что сделал и в науке. Как-то я спросил его: “Ты же мой ровесник, если такой коммунист, патриот режима, то почему же на фронте-то и в армии вообще не был?” Отвечал: “Я был болен...”

***

Итак, грянула война, жестокая и тяжкая.

Несколько слов о той поре, когда военные тяготы на фронте и в тылу, реальная угроза смерти явились испытанием человеческих характеров, моральных или, как принято было десятилетиями говорить, морально-политических устоев. Мужская половина населения, вернее, те мужчины, которые могли и должны были браться за оружие, разделились на патриотов родной страны и “уклонистов” — трусов, шкурников и негодяев. Причем в городе, где люди меньше знают друг друга, это было не так заметно, как в деревне, где все и всё на виду. Кроме того, в сельской местности жила и живет традиция, своего рода

негласная “гражданская обязанность” знать по возможности всех односельчан, и достичь этого даже при минимальной общительности было не трудно. Вот и получалось, что в деревнях и селах все друг друга знали и знали друг о друге многое, почти всё. В ту военную пору здесь много говорили и о тех, кто ушел на фронт, особенно если добровольно и рано (“Семья у него большая, жена плакала-убивалась, а ушел”; “Такой хулиган, на все ему было наплевать, а вот тоже ушел”; “Тихий был такой, вроде бы всего пугался, а ушел и, говорят, храбро воюет, вот орденом наградили” и т. п. и т. д.), говорили и о тех, кто уклонялся от мобилизации, скрываясь в землянке в лесной глухомани, или симулируя с помощью медикаментов и знахарских средств тяжелый недуг перед прохождением комиссии в военкомате, или устраиваясь на военный завод, дававший “бронь”. В числе последних, к примеру, был директор нашей средней школы И. Ф. Пастухов — известный в районе коммунистический оратор, командир запаса, который преподавал у нас историю и вел военную подготовку. Таким вот оказался наш сверхтребовательный воспитатель советского патриотизма...

Страшно трудными были военные школьные месяцы — более чем полуголодные, проходившие не столько в учебе, сколько в сельхозтруде (до войны мы только в каникулы и в весенне-осенние выходные дни работали в колхозе). Летом 41-го, после 9-го класса, я отправился в райцентр, в Караидель, и стал учеником ремонтных рабочих и комбайнера в МТС. Поднаторел в ремесле, был горд, что не только научился изготавливать, нарезать болты и гайки, производить сварочные работы, но и с пользой копался с мастером в моторах. Жил в семье родственников, получивших вскоре похоронку на своего главу. Потом уговорили и назначили меня помощником комбайнера на уборку. Работал с августа по сентябрь в одном из колхозов, в 8 километрах от Байков. Во второй половине сентября пришлось из МТС почти что сбежать, ссылаясь на начавшийся учебный год в школе и прочее. И было от чего: в МТС почти за два месяца работы ученика-“волонтера” ни разу не накормили, обещали лишь денежную выплату “потом”, на которую мы с матерью так надеялись. Скучные продукты приходилось понеделёно приносить из дома, хозяйка что-то варила, этим и кормился (когда работали в колхозах, ученическую ватагу кормили все же обедом). Правда, во время комбайнерства выдавали продукты от колхоза, в котором мы трудились, но их едва хватало для мало-мальского восстановления физических сил

и для отправки хотя бы небольшой их части матери. За обещанными деньгами осенью ходил несколько раз в райцентр, однажды — с матерью: там сначала обещали какую-то выплату, но в конце концов заявили, что денег нет и не будет. Хотя штатники, дирекция их имели, сам директор был толстячком... — с началом войны продолжалось то же, что было при “победившем социализме” до нее. (Это же примерно, кстати говоря, происходит и ныне при бандитско-рыночной “демократии”, элита которой мало чем отличается от прежней — такая же алчная, бессовестно-вороватая и мало что умеющая. Но теперь, правда, есть надежда, что мы все-таки встанем на цивилизованный путь развития, хотя и очень нескоро.)

Спасал нашу семью, как и миллионы других сельчан тогда, огород, кой-какое подворье и достаточно щедрые “дары природы”, включая не только грибы, ягоды, но и подзаборную крапиву. Всему голова была, конечно, картошка. В 41-м коровы с матерью мы, помнится, уже лишились, осталась коза. Так что второго стакана молока за едой не было.

Было тяжело, плохо, но, пожалуй, не столько от каждодневных трудностей, а от самого положения, принижающего, унижающего твое человеческое достоинство. Причем начавшаяся война как-то все это приглушала, морально-патриотически воздействовала на сознание: всем ведь, почти всем сейчас трудно, надо потерпеть, а потом уж...

В средней школе с началом войны и эвакуации появились преподаватели из Ленинграда, Москвы, Киева, Кировограда, среди которых оказался даже один доцент — Гречишников. Учебный процесс существенно изменился в лучшую сторону. В июне 1942 года я окончил школу — на год раньше сверстников, поскольку при поступлении в нее, как умеющий читать и писать, был продвинут на класс выше. Окончил ее с аттестатом отличника (дореволюционная практика выдачи медалей возобновилась позднее). Мне было 16 лет. Что, как, куда? Ехать в город, поступать в какой-то вуз, скажем, в Уфе, где тогда проживал отец, не намеревался. Хотя учителя, близкие советовали именно так сделать: “Примут тебя в любой вуз без экзаменов, в армию по состоянию здоровья не возьмут, можешь этим воспользоваться”. Против вуза и моего отъезда в город высказалась мать: “Пропаду я одна-то, да и помочь тебе в учебе не смогу!”

О состоянии здоровья поясню. В раннем детстве я переболел диатезом (золотухой) глаз, уже по возвращении с мате-

рю в Королево. Врача, медпункта в деревне не было, до райцентра было далеко. Лечить стали поздно, да, видимо, и неквалифицированно. Глаза болели, светобоязнь была невероятной. Я полгода сидел за плотной занавесью в углу кровати. Со временем вышел оттуда, стал вновь привыкать к свету. Это длилось долго — годы. Смотрел прищурившись, исподлобья, и боже упаси — взглянуть в сторону солнца. Главный результат болезни — на правый глаз почти полностью ослеп: не мог различить черты лица собеседника, прочесть текст. Очки уже не помогали. Неважно видел и левым глазом, была близорукость, лишь к зрелым годам она стала сменяться дальнозоркостью. К этому времени в правом глазу наступила уже полная тьма. Вся жизнь — с одним видящим, часто воспаляющимся глазом, при безумной тяге к книге, знаниям, а потом и к письму. И все это при включенной даже в солнечную погоду настольной лампе! Такая уж моя участь.

Несмотря на это, горел я в ту пору фронтом, как многие — не скажу, что все, — юноши, которых 22 июня, тот трагический воскресный день, заставил не только содрогнуться, но и всколыхнул в них чувство патриотизма. Часть ребят, окончивших школу раньше меня, поступили в военные училища или просто ушли в формирующиеся части, на фронт. Надобно отметить, что среди молодежи тех лет, у лучшей ее части, тяга к военному образованию, особенно на селе, была исключительно большой. Сказывались в этом дореволюционные традиции, но прежде всего — целенаправленная советская пропаганда и милитаризация общественной жизни и сознания людей (начиная с октябрятско-пионерского возраста). Да и соображения материального порядка сельскому парню, его родителям подсказывали: путь в жизнь, к “карьере” — через военное училище, где “поят-кормят, одевают”, а потом и “деньги большие платят”.

Всё вместе — и эти обстоятельства, и чувство патриотизма — подтолкнуло меня к решению пойти во что бы то ни стало в какое-то военное училище. Думал: и хочу, и могу поступить, ибо желаю послужить Родине, и вижу все-таки, вижу, ведь не совсем слепой! Перед выпуском из школы вступил в комсомол. И сам уже того желал, и подсказывали, что иначе в училище, особенно престижное, просто не примут. Летом 1942 года попытался поступить в Пермское морское авиатехническое училище, в основном в связи с предоставившейся возможностью выехать туда с “оказией” бесплатно. Но получил там отказ, ибо несколько запоздал, и из-за 16-летнего возраста: “Не по-

ложено!” На медкомиссии и не был. Мать была против моего добровольного ухода в армию. А потом, когда я через полгода уже отправлялся служить и она узнала от ребят или их родителей, что меня и не брали было, намечали к комиссованию, а я этим не воспользовался, — плакала навзрыд, горько попрекала. И причитала: “А вдруг там не возьмут — так хоть пешком возвращайся домой” (из Казахстана-то!). Потом как-то полууспокоилась, провожала, как все матери, — несчастные, многострадальные русские матери!

В январе 1943 года поступил во 2-е Бердичевское военнопехотное училище, находившееся по эвакуации с Украины в Северном Казахстане — Актюбинске. Поступить удалось лишь потому, что при прохождении медицинской комиссии в своем райцентре все врачи размещались в большом клубном зале и нас, юношей, запускали туда в адамовой одежде по два добрых десятка. В этой благоприятной обстановке вместо меня к окулисту подошел мой товарищ с отменным зрением, Саша Чистяков, впоследствии погибший. Я стоял в стороне и с волнением наблюдал за ним. У старого врача за два месяца до того я уже был в такой же обстановке, пытался поступить в Свердловское пехотное училище (тогда шел набор в него), но мне именно из-за этого врача было отказано. Тогда мне и моему однокласснику Меньшикову с сильной общей близорукостью было предписано отправиться на комиссию к окулисту в Уфу (не симулянты ли мы!), но я не поехал — видно, все и забылось. Проверив зрение Чистякова, врач сел за стол, взялся за медицинскую карточку, посмотрел-посмотрел на прежнюю запись, снова проверил зрение мнимого Плотникова и, пожал плечами, внес исправление. Часто вспоминая этот эпизод в своей жизни, я до сих пор испытываю естественное чувство неловкости. Но, учитывая характер того времени, мой поступок, вероятно, можно понять.

С большой группой сверстников, среди которых, помимо меня, не было никого с законченным средним образованием, отправился по наикрепчайшему морозу санным путем за 70 километров на станцию Щучье Озеро, что на Свердловско-Казанской железнодорожной линии. Оттуда поехали в товарном вагоне — “телятнике”, как принято было говорить. Не скоро, окольным путем — через Казань, Куйбышев, Оренбург — прибыли в степной Актюбинск. Очень волновался, ожидая новой медицинской комиссии, но надеялся, что в случае “разоблачения” могу рассчитывать на “списание” хотя бы в линейную

часть, на отправку на фронт, ибо фактически уже стал военнослужащим. Однако все обошлось, ибо медосмотра проводить не стали, приглашались мы лишь на беседу в мандатную комиссию, после которой состоялось зачисление и распределение по учебным батальонам. Я оказался в пулеметном батальоне, в первой его роте.

Шел месяц за месяцем изнурительной, но интересной военной и политической командирской подготовки. (Об условиях нашего быта может дать представление хотя бы то, что стекло в некоторых окнах казармы не было, да и фанеры не хватало; ложились спать на нары, накрываясь матрацами, а утром подчас стряхивали с них снег.) Все у меня было благополучно, но лишь до мая, когда курсанты училища выходили на государственные экзамены и переведены были в летний лагерь. В июне во время учебных стрельб, которые из-за экономии боеприпасов все откладывались и проводились ограниченно, и было обнаружено, что я не очень-то хорошо вижу мишень левым глазом, а правым вообще не вижу ее. И стрелял я необычно. Винтовка сконструирована для заряжания и стрельбы с правого плеча. Так вот, я ее заряжал справа, правой рукой, а затем переводил налево, прикладывал к левому плечу, целился левым глазом. После выстрела опять перекладывал винтовку направо, и все повторялось вновь. С пулеметом “максимом” дело было несколько проще, а вот с ручным Дегтярева — точно так же, как с винтовкой. Так в дальнейшем я действовал и на фронте. Если враг был близко, цель мне была видна хорошо, я стрелял достаточно метко — рука, что называется, была твердой, прицеливание и нажим на спусковой крючок были отработаны. Тогда же, в Актюбинске, все закончилось моим отчислением из училища перед самым его окончанием (срок обучения составлял менее полугода). Но обучение в училище было учтено, и мне присвоили звание старшего сержанта.

На фронт (Юго-Западный, командующий — генерал Р. Я. Малиновский) с маршевой ротой я прибыл в середине июня, в район станции Поворино, что на востоке Воронежской области, где наш эшелон попал под сильную бомбежку, после которой мне довелось впервые провожать носилки с убитыми и ранеными парнями, с которыми я только что ехал, разговаривал... Зачислен был в пулеметную (все же!) роту 266-го гвардейского стрелкового полка 88-й гвардейской стрелковой дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й орден Ленина гвардейской (бывшая 62-я) легендарной армии,

которой командовал генерал-полковник, в дальнейшем маршал Советского Союза В. И. Чуйков. В просторечии (а частью и в литературе) эту армию именовали Сталинградской.

Дух Сталинграда, величайшей битвы на Волге, еще свежо и остро витал над полком, его солдатами и командирами, проявлялся в каждом бою и атаке. Правда, это было у опытных, у “старичков”. В полку же оказалось и очень много необстрелянных молодых солдат, подобных мне. Но и школа — фронт, и класс — гвардейский полк быстро научили, “обстреляли”. Свистящей пуле уже не кланялся: она ведь уже пролетела! Поистине солдатами не рождаются — ими становятся!

В должности командира пулеметного расчета начал фронтовую службу. Боевое крещение получил в боях на Северском (Северном) Донце. Участвовал в освобождении Донбасса, Левобережной Украины.

К концу сентября успел получить осколок в икру правой ноги, и еще легко отделался, ведь пулеметчика обычно выдвигают на передний, наиболее опасный рубеж, на котором сосредоточен огонь противника; переболел малярией и оказался контуженным (бросился в маленькую придорожную канаву, когда воюще-свистящая мина, звук которой всегда шел с опережением, разорвалась в метре за головой, по другую сторону засохшей кочки). После первого ранения и малярии оставался в строю, иногда во время переходов садился в повозку или на лафет орудия наших дивизионных сердобольных братьев-артиллеристов. Во время контузии сразу в госпиталь не увезли — очутился среди своих. Казалось, ничего страшного: речь сохранилась (только язык стал каким-то вязким, непослушным), звенело в ушах, в голове, ощущал глухоту. От госпитализации (настоящей) наотрез отказался, как это делали многие в ту пору, особенно гвардейцы, так как боялся, что к своим, в гвардейское соединение с его ореолом славы и, сказать откровенно, с лучшим, чем в прочих армиях, питанием, уже не попаду. С неделю-две пробыл в нашем медсанбате, который тогда, как и полк, и дивизия, двигался. Сейчас, честно говоря, жалею задним числом, что принял опрометчивое решение и настоящего лечения не прошел. Шумы (низвергающийся звенящий водопад), головные боли с тех пор часто навещали. После войны шум стал сплошным, непрекращающимся. Вначале состояние было такое, что, казалось, ополоуметь мог вот-вот. Что называется, хоть на стенку лезь... Сразу, забегая вперед, скажу, что недуг свой, ухудшение слуха, поначалу

скрывал, насколько это было возможно, но в конце 1946 года стало настолько худо, что слег, начались обследования. В итоге была определена военная инвалидность и последовала демобилизация. По прибытии домой почувствовал себя лучше и, стыдясь инвалидности, ее не возобновлял: болезни надо было поглубже запрятать и рвануть к знаниям (оформил инвалидность повторно лишь в 80-е годы).

От города Барвенкова мы, 8-я гвардейская, двигались большими, в основном ночными переходами, сбивая заслоны врага, который, огрызаясь, отходил на запад, к Днепру. Шли, систематически недосыпая, днем тоже спать удавалось редко и мало. Ранее слышал лишь, что человек может спать на ходу, а тогда видел это своими глазами. Спали на ходу многие, и я в том числе. Обычно договаривались, что друг друга будем опекать, поддерживать, чтоб не “выпал” из колонны, не свалился в кювет, не отстал. На коротких привалах обычно валились на землю, как снопы, тут же засыпали. Были и трагические случаи. Однажды на лежавших на дороге бойцов нашей роты наехали свои танки, которые, как и положено, без маскировки шли при выключенных фарах. Под гусеницы попало несколько человек: кого-то задавило насмерть, у кого-то отдало ноги.

Были и жаркие бои, схватки, с попытками гитлеровцев перейти в контрнаступление, в атаку. Но это имело место в основном в начале нашего продвижения от Днепра на запад. Так случилось перед Барвенково. Два дня пришлось поработать на “максиме”, почти не давая ему передышек. Жидкость кипела, испарялась, ствол раскалялся до предела. Не хочется теперь, по прошествии лет, говорить об участии в убийстве себе подобных, но этого не избежишь. Под Барвенково много погибло наших, да и мы уложили там немцев порядком. Отходя к Днепру, гитлеровцы надеялись остановить наступление советских войск на этом мощном естественном водном рубеже, а в дальнейшем перейти в контрнаступление. Они сильно укрепляли правобережье Днепра, а в районе Запорожья создали мощную оборонительную систему и на его левом берегу. Запорожский участок гитлеровцы стремились удержать любой ценой как плацдарм на случай своего контрнаступления. Вместе с тем противник отчаянно дрался, удерживая плацдарм, ибо он прикрывал подступы к Криворожью и Никополю с их железом и марганцем, залежей которого на территории самой Германии просто не было. За уничтожение плацдарма дрались соедине-

ния частично 3-й гвардейской армии, 12-й и все целиком полки нашей, 8-й гвардейской армии. 1 октября армейские части, в том числе 266-й полк, предприняли серьезную попытку прорваться на участке шириной в 25 километров, но смогли с большими потерями (в районе Васильевской, Дружелюбовской) преодолеть лишь противотанковый ров. Прорвать оборону противника не удалось.

В этом тяжелом бою я был вновь ранен, на сей раз в голову. Ранен снайпером, когда уже один оставался за пулеметом на опушке посадки и вел огонь. (Ряд лет ходил с бороздой на левой стороне макушки. Постепенно на месте борозды появился рубец, выросли волосы — в то время, когда, увы, поблизости их уже не стало.) В бою был выбит весь мой расчет, трое ребят погибли.

Битва за Запорожский плацдарм продолжалась и в последующие дни. Важным этапом стало 10 октября. В этот день рано утром начался новый, решительный штурм укреплений. Это был самый тяжелый день для 8-й армии, моих боевых товарищей: они продвинулись всего на 1–2 километра и вновь понесли большие потери. Боеприпасов враг не жалел, сбить же его бетонированные огневые точки было крайне трудно. Освободить Запорожье и ликвидировать плацдарм удалось лишь 14 октября.

Но все это было уже без меня: я оказался во фронтовом госпитале. Об участии в сражении под Запорожеством мне в свое время довелось написать и напечатать в газете “Уральский университет” (7 мая 1975 года) очерк “Третья атака”. В мае 1980 года в связи с 35-й годовщиной Победы я, как и многие другие ветераны 88-й Запорожской, трижды орденоносной гвардейской дивизии (бывшая 99-я стрелковая, несколько раз отбивавшая в июньские дни 41-го у немцем Перемышль), был приглашен в Запорожье на праздничные торжества и впервые, столько лет спустя, прошел по улицам и площадям этого красивого днепровского, с легендарным островом Хортица города, до которого тогда, в 43-м, не дошел совсем немного. Увы, теперь это все в другом государстве! Там у меня взяли и опубликовали интервью-воспоминание.

Лечение мое вначале проходило сложно. Трудно было ходить, ибо расстроился вестибулярный аппарат, приходилось держаться за стенку, за все, что встречалось на пути. Усиливались головные боли и шумы — последствия контузии, плохо стало со зрением. Но в итоге все обошлось. Через месяц оста-

лись лишь общие, вполне терпимые головные боли да все же периодически возвращающиеся шумы. Черепная рана заживала. В связи с организацией в госпитале большой партии выздоровевших попросился на фронт. К сожалению, направили нас не в нашу, а в другую армию, 52-ю, не гвардейскую, в 166-ю стрелковую дивизию; 52-я армия, которой командовал генерал-полковник К. А. Коротков, в то время, как и 8-я гвардейская, входила в тот же фронт.

Ко времени моего возвращения на передовую фронты были переименованы. Юго-Западный фронт стал 3-м Украинским. Меня зачислили в минометную роту 548-го стрелкового полка. Ротный, узнав, что я учился в училище, изучал побочно 82-миллиметровый миномет, и, вероятно, учитывая мое “унтерское” звание и боевой опыт, назначил меня командиром расчета (отделения). Чуть ли не в тот же день я был просто, по-военному назначен комсоргом роты. Удивительного в этом ничего не было, поскольку пополнение составило больше половины этого обескровленного в предыдущих боях подразделения, а комсомольцев со стажем было не так-то много. Так неожиданно у меня появилась вторая фронтовая функция.

Теперь, оглядываясь на прошлое, должен сказать, что воевать минометчиком было гораздо легче. Хотя и его ратный труд был также очень тяжким. Самой тяжелой и опасной в прошлой войне была роль станкового пулеметчика. Об этом я уже сказал. Бойцы расчета были вооружены точно так же, как и стрелки (лишь иногда вместо винтовки имели карабин, но это мало что меняло). И конечно, на вооружении был прежде всего сам “максим”. Его ствол вместе с кожухом и коробом (мы нередко называли его “хоботом”), щит и станок — особенно тяжелая часть, коробки с пулеметными лентами — все это лишь при больших переходах попадало на повозки. Случались у нас казусы, когда подносчики из вчерашних стрелков, в приказном порядке зачисленные в расчет, при ночных переходах бросали коробки с пулеметными лентами (или сами ленты), заявляя утром, что “где-то вот поставили на привале, а потом в темноте не нашли”. Однажды, в обстановке напряженного боя, выхватив у лежавшего позади подносчика-казаха, накануне заменившего нашего убитого бойца, коробку, я, к ужасу своему, обнаружил, что вся она заполнена засохшей кашей... Всякое было...

Было невероятно тяжело не только из-за нервного напряжения, ежеминутной угрозы смерти, но и просто-напросто фи-

зически. Это был каторжно-тяжелый, но добровольный труд. Не каждый выдерживал нагрузки. Тем более, что с питанием, даже в гвардейских частях, всю войну дело обстояло плохо. Солдаты недоедали почти всегда. В жарких боях за целые дни подчас глотка чего-то горячего, а то и просто куска хлеба не имели. Да, тяжело было бойцам, особенно пулеметчикам. Действительно, продержаться в боях в составе пулеметного расчета месяц-другой, не быть убитым или раненым было делом практически невероятным.

Минометчики также были обременены тяжестями (ствол, двунога-лафет, опорная плита, лотки с минами), но, во-первых, в меньшей степени, во-вторых, они располагались не на линии стрелков, а где-то за бугром, в овраге, за зданиями, за деревьями, вели навесной огонь по заданному квадрату-объекту по данным командира-корректировщика, передаваемым по телефону.

Конечно, нередко бывало, что и минометчики при прорыве, неожиданной атаке врага оказывались лицом к лицу с ним, брались за винтовки. Мне, что называется, не повезло и в минометчиках. В середине декабря 1943 года развернулись тяжелые бои в районе Каменки (то самое знаменитое село, Чигиринского уезда Киевской губернии, ныне Черкасской области, на реке Кясмин, притоке Днепра, где собирались на тайные совещания декабристы и где бывал А. С. Пушкин). В ночь на 13 декабря нашим частям удалось взять это большое село. Однако через несколько дней (помнится, 17 декабря) после артиллерийской подготовки гитлеровцы волнами, цепями, одна за другой, ведя автоматный огонь с пояса, пошли в психическую атаку. Солдаты были пьяными, орали дружно и громко. И это подействовало. У нас началась паника. Это объяснялось и явной несогласованностью и нераспорядительностью действий комсостава. В течение предшествующей ночи наша рота, например, трижды меняла позицию, четких задач не получала. Чувствовалась и нам передавалась какая-то нервность на всех уровнях дивизии. Наши части из Каменки были выбиты меньшими, чем у нас, силами.

Во время отступления я был ранен пулей в левую руку на вылет. Вновь госпиталь — в городе Александрия. Ранение оказалось сравнительно легким: пуля прошла между костью и сухожилием, не затронув ни того, ни другого. Рана вроде бы быстро заживала. В полевом пересылочном госпитале (ППГ), где оставались в основном легкораненые, с питанием было ужаса-

юще скверно. И наверное, не только из-за плохого снабжения — начальник госпиталя подполковник медицинской службы выглядел на редкость, не по военному времени, упитанным... Обеды состояли из полтарелки (алюминиевой) супа, в котором в лучшем случае можно было выловить один-два листочка капусты, картофельную крошку, из ложки-двух каши, ломтика хлеба, стакана чем-то слегка замутненного кипятка, почти несладкого. Долго продержаться там было невозможно. Протесты фронтовиков оставались без последствий. К слову будет сказать, что отношение к советскому солдату (как, пожалуй, и к российскому до Октября, и к оному же ныне) было и остается ужасающе скверным, безответственным. Все, что сваливается на него, многострадального, может выдержать только он один. “Любой ценой — победу”, “любой ценой — высоту”. Это было официальной установкой, своего рода бравадой и высших, и низших начальников. Вместо того чтобы обойти противника на высоте оврагом, Ванька-взводный поведет солдат в атаку в лоб, на пулеметы... Кстати, таких вояк в генеральских званиях, Ванек-командующих, у нас полно и сейчас — пруд пруди. Безжалостное отношение к солдатам в Чеченской войне — свежий тому пример.

Писатель-фронтник В. П. Астафьев прав, когда говорит, что наше советское руководство “нашими трупами завалило противника, так проложило путь к победе”. Своими глазами я видел, как трупы валялись, уже разлагающиеся, незакопанные; как умершего ночью в полевом госпитале солдата закапывает за баракон на полуметровую глубину девчонка-санитарка, хотя село с кладбищем — рядом, при госпитале есть машина, повозки и “жеребцы” — капитаны и майоры медицинской службы, часто с фельдшерским образованием, не лечащие. Одним из таких госпиталей был и тот, из которого, не долечившись, мы бежали на фронт, в действующую часть.

Мы с группой раненых, дела которых шли на поправку, у которых ноги были целы, стали проситься в свои части или в общие партии, отправляющиеся на фронт. А надо сказать, что я оказался в госпитале не своего, а соседнего, 2-го Украинского фронта — меня посадили “не в ту” машину. Нам начальством в выписке из госпиталя было отказано. Я дал себя уговорить двоим соседям по нарам о самовольном уходе в их часть, которая находилась сравнительно недалеко. Узнали о ее местонахождении от вновь поступивших раненых. Документов, крас-

ноармейских книжек в то время мы еще не имели. Нужда была лишь в справках о ранении, но на них решили махнуть рукой. Ранним декабрьским утром, накануне нового 1944 года, мы двинулись на фронт: от села к селу, помнится, дважды переночевали, питались за счет местных крестьян, только что переживших фашистскую оккупацию и как-то по-особому смотревших на нас — не все были рады “красной” власти, особенно возрождению колхозов.

По дороге, к моему несчастью, рука без регулярной обработки раны и перевязок вдруг сильно разболелась, стала распухать, синеть. Еду, о которой так много до того мечтал, крестьяне предлагали, но аппетит пропал. Плохо спал, шел с температурой тяжело, чувствовал себя виноватым перед товарищами, что обременяю их. Они были из 5-й танковой, и мы шли к ней. По приходе в штаб 12-й гвардейской механизированной бригады 5-го гвардейского механизированного ордена Кутузова корпуса 5-й гвардейской танковой армии (позднее корпус был включен в 4-ю гвардейскую танковую армию; он сражался бок о бок с 10-м гвардейским Уральским танковым корпусом), получил медицинскую помощь, затем был направлен в минометный батальон. Мои спутники вернулись в свою роту противотанковых ружей. Оказался в роте мощных 120-миллиметровых минометов — назначили на вакантное место командира 2-го расчета 1-го взвода 1-й роты. В этом соединении воевал уже до конца пребывания на фронте.

По характеру мой солдатский фронтовой труд в роте тяжелых минометов резко отличался от того, каким он был прежде, особенно в мою бытность пулеметчиком. Прямое соприкосновение с противником было не столь частым, хотя и доводилось попадать под авиабомбежку, артиллерийский, минометный, иногда и ружейный обстрел. Поскольку я хорошо помнил математику, тригонометрию, быстро и точно производил расчеты для ведения стрельбы по цели, меня командир роты или другие офицеры, среди которых со школьным средним образованием почти никого не было, брали с собой на командные пункты пехотных частей и подразделений (линию огня), которые мы поддерживали и откуда вели корректировку стрельб. Тогда-то, при перебежках, вновь доводилось попадать под ружейно-пулеметный огонь.

Передислоцирование техники, боеприпасов и личного состава расчетов производилось обычно на механической тяге.

Появились время и возможность для чтения книг: их, иногда, как и люди, израненных, можно было подобрать на улицах и в разрушенных войной домах. Стала ближе казаться мирная жизнь, тем более, что, как все в 1944 году уже чувствовали, победа была не за горами. В батальоне и бригаде участвовал в общественной работе, выпуская боевые листки, начал печататься в военных газетах, выступал с докладами, беседами.

Соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием генералов, впоследствии маршалов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина с боями продвигались на юго-запад, к Молдавии, а через ее территорию — к румынской границе. В конце августа 1944 года развернулось Ясско-Кишиневское сражение, в результате победы в котором наши войска перешли советско-румынскую границу и устремились к Бухаресту.

В этот период у румынской границы я распрощался с однополчанами (точнее — с “однобатальонцами”, ибо батальон-то входил напрямую в бригаду) и вместе со многими десятками солдат и сержантов отправился в штаб фронта, а оттуда — в древний город Глухов Сумской области (ныне — Украинская республика) для обучения во 2-м Ростовском училище самоходной артиллерии. Медицинского осмотра не проводилось ни в бригаде, ни в училище. Мое мягкое заявление о плохом зрении во внимание принято не было. Близился конец войны, но наборы в военные училища продолжались. Вероятно, правительство заботилось и об обороне страны в предстоящий послевоенный период, и о возможных сражениях с союзниками. Особое внимание обращалось на подготовку офицеров из фронтовиков: боевой опыт должен был передаваться будущим поколениям солдат.

**И. Ф. Плутников — курсант
2-го Ростовского самоходно-
артиллерийского училища,
г. Глухов (Украина). 1945 год**

Примерно год и два месяца довелось мне быть на фронте, из них около полутора месяцев — в прифронтовых госпиталях, в походной санчасти полка. Иногда приходится слышать о ком-либо из ветеранов или от них самих: “Всю войну прошел в пехоте и ни разу не был ранен”. Думаю, таких просто не могло быть, если не иметь в виду тех, кто служил в тылах пехотных частей и соединений ординарцем или писарем хотя бы в штабе батальона (участниками войны считаются все, кто служил в действующей армии, а ее тылы достигали десятка — двух десятков километров). В пехоте-матушке, на линии огня, в атаках, наступлениях, под обстрелом в окопах и окопчиках по пояс (не успел или поленился углубиться) просто и в течение нескольких месяцев невозможно было избежать ранения или контузии. У меня получается около года непосредственного участия в боях в качестве пулеметчика и минометчика, младшего командира. Вроде бы немного, но и теперь кажется, что это был не год, а годы, многие годы. От фронта, кроме тяжелых впечатлений для воспоминаний, кроме ранений и контузии, напоминающих время от времени о себе, остались и дорогие для меня солдатские награды. Мальчишек тогда почти не награждали — начальники, их адъютанты и писаря сами себя увековечивали орденами и медалями.

В училище в Глухове срок обучения был рассчитан на 8 месяцев, то есть примерно по апрель 1945 года включительно. Не исключалось, что мы примем участие в боевых действиях против гитлеровской Германии, а при непредвиденных обстоятельствах — и против других государств. Обучение и жизнь в военном городке на окраине Глухова были достаточно интересными. К тому времени я все воспринимал уже иначе, нежели каких-то полтора-два года тому назад: к нам, фронтовикам 19–20 лет, зрелость пришла очень рано. Рано пришла и седина. Среди преподавателей, особенно по военно-техническим наукам, истории военного искусства, было немало одаренных, как правило, имевших высшее образование офицеров.

В 14-й роте, в которой я оказался, было много ребят со средним образованием, правда постарше меня. Встречались и закончившие один-два курса вузов. Почти всех нас таких включили в 1-й взвод. Где-то в середине осени я был назначен помощником командира взвода, с товарищами приходилось общаться много и на разных уровнях. Все они запомнились на всю жизнь. Ведь здесь, в отличие от фронта с его

калейдоскопом событий и лиц, уже была стабильная учебная жизнь.

В училище хорошо работал клуб. В самостоятельных кружках участвовала значительная часть курсантов нашей роты. Подвизался там и я, в качестве танцора и чтеца средней руки, а в основном — как поставщик стихотворных текстов для других собратьев по сцене. Бедность клубной библиотеки компенсировалась городской, куда более богатой, особенно старыми изданиями, каким-то чудом уцелевшими. Глухов — древний город, упоминающийся в исторических документах с середины XII века, в XVIII веке он был резиденцией украинских гетманов. Интересно было познакомиться с музеем, в котором сохранилось много подлинных предметов семьи Кочубеев. Довелось побывать в еще более древнем Путивле, одном из очагов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, в других городах, в частности в Киеве, с его разрушенным до основания Крещатиком, с развороченным первой военной бомбой перекрытием подземного перехода перед железнодорожным вокзалом.

За успехи в учебе мне в конце марта 1945 года был дан 10-дневный отпуск домой, в мои далекие Байки. С великим трудом — с пересадками через Москву и Казань — добрался до ближайшей к дому станции Щучье Озеро. Поскольку каждый километр пути отнимал время, оно убывало как шагреновая кожа. Оставшийся путь в 70 километров покрыл (почти все время бежал) за вторую половину дня и часть ночи, ни единого раза не присев. Встреча дома была, понятно, радостной, сопровождалась слезами. А днем, во второй половине, меня уже собирали в дорогу. На следующее утро необходимо было вновь шагать на Щучье Озеро. В оба конца на дорогу уходило почти 9 суток из десяти (я и не представлял, что так долго придется добираться).

В конце апреля — начале мая 1945 года программа обучения была исчерпана, мы сдали последние экзамены и зачеты. Мне удалась и стрельба из 100-миллиметровой морской пушки, установленной к тому времени на САУ (самоходно-артиллерийская установка). Или это на самом деле было так (что вполне вероятно, так как движущийся “танк” — щит я через сильное оптическое прицельное устройство неплохо видел), или была сделана натяжка, чтоб не портить мне зачетную книжку, в которой были лишь пятерки. Ждали из штаба Харьковского военного округа комиссию для сдачи

ей госэкзаменов. Но она так и не прибыла. Вначале “виной” тому явилась победа, а потом, видимо, в связи с этим же все изменилось. Срок обучения решили продлить до года. Однако, поскольку новой программы выработано не было, началось урывчатое, клочковатое топтание на вопросах уже изученных, порождавшее на занятиях неловкость в отношениях между курсантами и преподавателями. Повторение не всегда мать учения...

Навсегда запомнился День Победы, первое известие о нем. Наш взвод в это время (между окончанием, скажем по-вузовски, сессии и ожидавшимся прибытием госкомиссии) находился в 60 километрах от города, на заготовке лесоматериалов и дров для училища. 9 мая, около 10 часов утра, когда мы были уже в лесу, валили деревья, к нам прибежал взволнованный и запыхавшийся старшина роты (тоже курсант). По его виду — он размахивал руками, что-то кричал на ходу — мы понимали, что что-то произошло, наверное, получил сообщение о победе. Так и было. Известия о победе в те дни все с нетерпением ждали. Нас, курсантов, в лесу, в деревне, было мало. Обстановка совсем не та, в какой хотелось бы встретить победу, но радости, энтузиазма и шума у нас в лесу и по приходе в деревню все равно было много, даже птицы перепуганно разлетались в разные стороны, даром что были пуганы самой войной.

Нас посадили на два присланных из училища, из Глухова, “студебекера” и уже часов в 12 привезли в училище. А оно в это время ходило, что называется, ходуном. И не только и не столько потому, что многие успели приложиться к бочкам с водкой, выкаченным по старинному обычаю на площадь — плац военного городка. Бочки нас не дождались, но веселье передалось и нам. Все было необычным, ликующим, даже наши одноцветные казармы. Непривычным было и то, что двери проходной училища были открыты: иди, куда хочешь, без предъявления увольнительной; заходи, кто хочет, в училище — сегодня запрета нет ни одному горожанину! Во время танцев, затянувшихся до позднего вечера, было много женщин — жен офицеров и просто горожанок. Мне, парню застенчивому, чуравшемуся женщин, некоторые из них, особенно нарядные, грациозно танцующие в приподнятом настроении, казались королевами. Было ощущение наступающей благополучной мирной жизни. Настоящего фейерверка не было, но из ракетниц минутку-другую с крыши постреля-

ли. Устроившись ночью на своих двухъярусных койках, мы, несмотря на большую усталость, разговаривали, шумели почти до утра.

Вскоре, в середине лета 45-го, наше училище расформировали, на прощание присвоив курсантам очередные звания. Я по званию стал старшиной, не будучи по должности таковым ни одного дня. Хорошо успевавшим курсантам было предложено поехать на Северный Кавказ, в Орджоникидзе (тогда — Джауджакау), в другое училище. Ехать туда я отказался. Прочувшись довольно длительное время в двух военных училищах, я так и не закончил их, официально не получил военного образования. Однако приобретенные военные знания, как и непосредственный фронтовой опыт, пригодились в дальнейшем, служат и сейчас в научно-исследовательской работе, ибо я много уделяю внимания военно-исторической проблематике. С армией связей не терял. После демобилизации мне были присвоены лейтенантское, а затем другие очередные офицерские звания по запасу, вплоть до подполковника. Поскольку звание гвардейца присваивается однажды и на всю жизнь, то я с удовольствием осознаю себя не просто подполковником, а гвардии подполковником.

Летом 1945 года, по окончании войны, военная карьера меня уже не привлекала, теряла былой смысл, острее чувствовалась общая усталость, в том числе от всего военного, от казармы. Я чувствовал, что ухудшается состояние здоровья. И вот мы, большинство бывших курсантов, долго именовавшихся “без пяти минут лейтенантами”, едем служить в Ворошиловск (Алчеевск), что близ Ворошиловграда (ныне Луганск), месяца через полтора переводимся в Старобельск, а в начале 1946-го — в Ворошиловград. Заканчивал я службу в этом первом послевоенном году сначала в 46-м, а затем в 49-м учебном танковом полку. В последнем полку в 1946-м вступил кандидатом в члены партии. Применения нашим знаниям так и не нашли. Составили из нас взводы и пытались обучать чему-нибудь уже по программе сержантских школ, но вскоре оставили эту затею, ибо мы были подготовлены лучше большинства офицеров и приводили их лишь в смущение. Изредка нас использовали в караульной службе. На нас всегда с удивлением глазели не только гражданские лица, но и солдаты и несведущие офицеры: что это за люди, у которых старшинские погоны, да еще совершенно необычные — курсантско-старшинские, и почему их водят

строем, как рядовых? А со старшинскими погонами дело обстояло так: их себе сделали решительно все, включая курсантов, бывших рядовых, которые в училище получили лишь звание младшего сержанта. В обстановке широких демобилизаций это как-то сходило с рук, не проверялось и не пресекалось.

Я же вновь оказался помкомвзвода, водил товарищей-старшин на речку, на купание и т. п. Служба была нетрудной, но нудной и никчемной. Безвозвратно терялось время. Мне было уже 20. Неопределенность и тоска угнетали.

В это время здоровье мое ухудшилось, я слег. Неважно было с глазами (глазом) — рябило, в голове — гудение, кружение. Прошел обследование, лечение, в декабре 1946 года был переведен на инвалидность и демобилизован.

***

В начале нового, 1947 года я приехал домой, изрядно помучившись в дороге, ибо на продовольственном аттестате слабым оказался оттиск печати. Другие предъявляемые мной документы о демобилизации при наличии печатей, весь мой вид не убеждали. Домой приехал без предупреждения сильно похудевшим, подтянутым.

Встреча была для мамы совсем неожиданной. Хотя она ждала, чувствовала ее приближение. Да я в последних письмах ей и школьным друзьям, точнее, подругам-соученицам (некоторые из них стали учительницами, а из парней мало кто остался в живых) писал о том, что уже не хочу быть военным, мечтаю о гражданской профессии и ищу возможность для демобилизации. Эта встреча в отличие от первой, летучей, как во сне, была радостно-оглушительной.

Через несколько дней я навестил свою бывшую учительницу по русскому языку и литературе В. М. Бабину (Савченко), ставшую к тому времени редактором районной газеты “Вперед!”. В школе она меня годами “эксплуатировала” в качестве “читчика” текстов на своих уроках: у нее самой речь страдала безудержной скороговоркой. Вспомнив, что я был (и еще оставался) стихоплстом, она попросила меня написать о встрече с матерью. Действительно, тогда была пора радостей возвращения и встреч оставшихся в живых, хотя пока что старших возрастов и комиссованных. Говорю, что уже приходил домой накоротке. “Напиши будто бы в первый раз”.

Дала ручку, усадила за стол. Написал. Она вскоре текст опубликовала. Не так давно скопировал его из подшивки газет в “Ленинке”, в ее отделении в Химках. Вот он:

Встреча с матерью

Не выразить в словах, не передать
Пером в дрожащей, стиснутой руке
Того, как через годы я обнял родную мать
В родной избушке и родном селе.

Какая встреча: радостные слезы
Из материнских полились очей;
И полились слова о всех годах тревожных,
Бессонных сотнях минувших ночей!

И постоянно сердце замирало:
“Вдруг смерть там схватит сына моего!
Но обошлось у нас: о чем мечтала,
Явилось праздником, оно — пришло!”

И для меня, солдата, долгожданный
Сей миг — счастливейший из всех!
И я ждал его днями и годами,
И тьму волнений претерпев.

Какая встреча! Выразить стихами,
Все втиснуть в несколько экспромтных строф?
Нет, не могу! Да можно ли словами
Сказать о том, что чувствуешь без слов!

Матери стихотворное это излияние и от меня самого, и от ее имени понравилось. Мол, так все и было.

Началась другая, послевоенно-вневоенная жизнь. Учителем стал. В очный вуз дорога оказалась закрыта: не хватало средств, хотя студентом мог бы и подрабатывать, но на руках была стареющая, больная мать, которая так долго ждала кормильца. Отец в Уфе от ран, полученных в гражданскую, в январе 1947 года умер. Пришлось реализовать единственную предоставлявшуюся возможность — экстерн. Официально он был запрещен, существовал только институт заочного обучения, но кое-кто из нашего брата-фронтовика “проскакивал”, превращая заочную форму в экстерн.

Вот и я, работая в школе, оформился на заочное отделение Башкирского пединститута летом 1947 года и окончил его истфак летом 1949 года. Очень пригодился метод скорочтения, которым я владел, еще не выбитая контузией и ранением в го-

лову память, тогда очень сильная. В один месячный приезд в Уфу сдал экзамены, зачеты и курсовые почти за три из пяти курсов. Закончил вуз без единого “уда”, в основном с отличными оценками, хотя и без красного диплома. Цель была иной — выиграть время, упущенное из-за войны, иметь диплом. Я готовил себя к научно-исследовательской работе, аспирантуре, зная, что стипендия в ней примерно такая же, что и мой учительский оклад, кроме того, смогу подрабатывать и в итоге содержать себя и мать. Так все и произошло. Конечно, закончить очно, скажем, МГУ, пожить в Москве было бы куда полезней, зато на своем пути я приобрел преимущество перед другими — выработал метод самостоятельности в поиске и получении желаемых результатов. Летом 1950 года съездил в Свердловск, в УрГУ, проконсультировался по вопросу об аспирантуре. Мечтал о специальности по отечественной истории, но аспирантура тогда была лишь по истории КПСС. Подготовился к вступительным экзаменам, написал реферат. Осенью 1951 года поступил в аспирантуру, выдержав конкурс, в срок ее закончил. Будучи кандидатом наук, доцентом, помогал своим соученикам по ней с “очными” дипломами “дотягивать” диссертации, у двоих даже выступил официальным оппонентом. Думаю, фронт, быстрое, неординарное возмужание на войне очень помогли мне в жизни, помогают и сейчас, в преклонные годы. Жаль только, что государство практически уже с 1945 года наплевало на нас, ветеранов, как и на убитых на полях сражений. Я, например, доживаю, дорабатываю в убогой “хрущевке”, на первом, вечно холодном этаже. Желать должного лечения, даже вызываемого врача на дом, — бессмысленно. Остается только надеяться, что на Руси когда-нибудь, наконец, все же воцарится христианская мораль.

***

Какой была последующая жизнь фронтовика и ученого? Коротко скажу об этом, ибо другая такая возможность вряд ли предоставится.

Всю вторую половину заканчивающегося века преподавал в вузах Свердловска-Екатеринбурга: в Уральском политехническом, Свердловском горном институтах, но в основном в УрГУ. В 60–90-е заведовал кафедрами. В последние годы — профессор-консультант. Участвовал в работе научно-методического совета министерств, советов по защите диссертаций, а также в

деятельности организаций общественных, краеведческих, по охране памятников истории и культуры и прочих. Всегда вел и продолжаю вести научно-исследовательскую работу, преимущественно по проблематике истории гражданской войны в стране. На протяжении десятилетий поддерживаю деловую связь с военными организациями, военным округом. Около 30 лет являлся членом Проблемного совета по истории революций АН СССР (затем – РАН), председателем его Уральской секции. Подготовил 44 кандидата и 9 докторов наук.

Был председателем Областного совета походов студенческой молодежи по местам боевой славы уральцев, одним из пионеров-организаторов такого движения в стране. В частности, в 1977 году вместе с профессором В. В. Блюхером руководил походом по боевому пути Уральской партизанской армии, которой командовал его отец, В. К. Блюхер, будущий маршал, и в которой служили мои отец и дед. К слову сказать, в этой экспедиции участвовал тогда кандидат исторических наук, ныне профессор УрГУ Н. Н. Попов, проводивший большую военно-патриотическую работу. Об экспедиции много писали в прессе, о ней был снят интересный фильм.

На протяжении многих лет, как правило, во время отпусков ездил по стране от Москвы до Дальнего Востока, по областным городам, начиная с Поволжья, Казахстана, встречался с десятками участников событий 1917–1922 годов, изучал и собирал архивные документы, музейные экспонаты. В результате накопился огромный личный архив, пополняющийся и поныне, в котором собраны письма, воспоминания, документы участников бурных и трагических событий в России послеоктябрьского периода. Обработать весь этот материал, взятый из 60 архивохранилищ, который обрисовывает как бы изнутри в целом, взаимосвязанном виде противостояние “красных” и “белых” в сочетании с промежуточным “зеленым” движением, увы, не успеваю, не хватит жизни. Исследования продолжаю, как старый подвижник, без единого рубля какой-либо субсидии. Спешу освещать преимущественно то, что раньше находилось под категорическим запретом, в частности белое движение и его противостояние с красным, что даже сегодня многим коллегам претит. Опубликовал более 900 работ, в том числе 31 монографию (половина их написана в соавторстве). Соавтор нескольких энциклопедий. Наиболее крупные и значительные монографии, написанные за последние полтора десятилетия, из-за начавшегося и усугубляющегося развала в изда-

тельском деле страны лежат в столе (некоторые из них были в свое время приняты редакциями к печати, порой даже набраны). Намерен все это и документальный материал сдать в фонд областного архивохранилища для использования последующими поколениями исследователей. Результаты своих научных исследований считаю главным итогом моей научной деятельности (на ранние работы наложила и не могла не наложить отпечаток “коммунистическая нормативность”, хотя я и старался дать минимум дежурных положений, все внимание сосредоточивая на собственно исторических процессах, событиях, фактах). Это наглядно-осязаемая работа в отличие от преподавания, результаты которого расплылись, растворились в людях — студентах, аспирантах, разъехавшихся по стране специалистов.

Меня и других ныне здравствующих, но уже очень немногих фронтовиков во всех отношениях гнетет сложившаяся в нашей урезанной России ситуация. Хотя я всегда ясно понимал, что из тоталитарно-коммунистического тупика, в котором мы оказались, выход на цивилизованный путь будет длительным и трудным, отнюдь не только поступательным, но случившееся и происходящее сегодня не могли привидеться и в дурном сне. Впрочем, чего можно было ожидать от бывшей партийно-хозяйственно-комсомольской номенклатуры, в массе своей всегда стяжательской, от этих деятелей-неумех, превратившихся вдруг в “демократов”?! И те, и другие, и третьи ринулись в сферу личного обогащения, разворовывания страны. Идет нескончаемый передел собственности, промышленных объектов, в то время как они нуждаются в рачительных владельцах, квалифицированных управленцах. В 1993 году, видя абсолютную необеспеченность чем-либо реальным “приватизационного чека”, так называемого “чубайса”, я никуда его не сдал, а вставил в рамку и повесил над кроватью — как документ, свидетельствующий о моей доле национального богатства, завоеванной и заработанной в жизни. На память детям, внукам, а может быть, и для какого-то музея. Мало, очень мало в нашей власти людей, понимающих самодостаточную рыночную систему и рациональные пути к ней. На торную дорогу человеческой цивилизации мы выберемся очень нескоро. Без участия нас, ветеранов.

Чем дальше от Великой Отечественной, чем ближе к глубокой старости, тем острее ощущается значимость и для себя самого, и для своих близких, и, надеюсь, пусть микроскопически, для судьбы всей страны, Родины нашей многострадаль-

ной, того, что довелось в юности совершить на полях сражений в течение лишь “каких-то” двух лет. Они помнятся и снятся до сих пор, дают о себе знать, сказываются на теле и духе. Памятью о них являются награды: три ордена, в том числе Отечественной войны I степени, 16 медалей и знаки отличия, включая знак “Почетный ветеран СКВВ” (Советского комитета ветеранов войны). Все они — от войны и в связи с войной.

Годы и десятилетия уносят из памяти очень многое, иное покрывают дымчатой пеленой. События же военной поры — окопные и походные дни, наступления и отступления, лица боевых друзей и однополчан, атаки и моменты внезапной острой боли, отключения от всего и вся, а затем возвращения к свету, к жизни — все это не забывается и временем не смывается. События той поры и далеки, и близки. Они всегда со мной во всем своем многообразии — не только тяжелые, бесчеловечные, но и представляющие собой духовные взлеты.

Николай Савельевич Новоселов, доктор философских наук, профессор Уральского государственного университета, инвалид Великой Отечественной войны

Исповедь солдата

Война — несчастье для народа.
Сужу о том не понаслышке:
Я сам почти четыре года
Играл со смертью в кошки-мышки.

Приближаясь к 80-летнему рубежу своей жизни, я чаще стал мысленно обращаться к тем прожитым мною годам, которые совпали с Великой Отечественной войной. И сложные, противоречивые чувства гнездятся в моей душе. С одной сто-

роны, жаль тех лет, которые были вычеркнуты из мирной жизни. Но наряду с этим чувству горечи противостоит чувство гордости и удовлетворения тем, что и я — малая и очень слабая частица той огромной, неохватной величины, которую называют емким словом “народ”, — в меру своих сил участвовал в святом деле защиты Родины. Как ни слаб был (в детстве и юности часто болел), но выдержал огромные физические и духовные нагрузки, выпавшие на мою долю — долю рядового солдата.

У людей моего поколения воспоминания о войне составляют важную часть духовной жизни. Но доверить их печатному слову отваживаются немногие. Отвлекают от этого заботы о хлебе насущном. К тому же останавливает мысль: а кому из родившихся в послевоенные годы интересно знать, что делал и что пережил рядовой солдат в годы войны? Другое дело — полководцы, генералы. О них, и им самим, есть что сказать! Недаром говорится: “Города сдают солдаты, генералы их берут”. Но это шутка. С огромным интересом читаются воспоминания выда-

ющихся полководцев Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. М. Василевского, И. С. Конева, П. И. Батова и др. Воспоминаний рядовых солдат, лиц младшего командного состава относительно мало. Следовательно, какие-то стороны Отечественной войны освещены слабее или вовсе остались в тени. Но ведь как в каждой капле росы по-своему отражаются лучи солнечного и лунного света, так и в сознании и чувствах каждого участника войны по-особому отражаются ее события. И еще. Представим на минуту, что в наши руки попали бы записи с воспоминаниями рядовых воинов, участвовавших более 600 лет назад в битве на Куликовом поле. С каким бы интересом, трепетным чувством мы их читали! Но это, к сожалению, из области невозможного. Отечественная война 1941–1945 годов в истории нашей Родины стоит в ряду таких же судьбоносных событий, как Куликовская битва 1380 года и Отечественная война 1812 года. В памяти русского этноса связь между ними, можно сказать, генетическая. И таковой останется на многие века.

До того как надеть солдатскую шинель

Мои сверстники — парни 1920 года рождения — были призваны в ряды Красной Армии в 1939 году. Меня призывная медицинская комиссия забраковала из-за плохого зрения. С 14-летнего возраста я по причине близорукости носил очки. Это меня сильно угнетало в молодости, существенно ограничивало возможность полнее проявить себя на протяжении всей жизни и создавало дополнительные трудности в условиях фронтовой жизни. Во время учебы в Нижнетагильском педагогическом техникуме я пытался было поступить в военное училище — авиационное или танковое. Мои просьбы отклоняли с добродушно-иронической улыбкой на первых же собеседованиях. Однако отмеченный физический недостаток не помешал мне заниматься в нескольких кружках спортивно-оборонного характера, окончание которых увенчивалось выдачей значков “Готов к труду и обороне” (ГТО), “Ворошиловский стрелок”, “Готов к воздушной и химической обороне” (ГВХО), “Готов к санитарной обороне” (ГСО). Все названные значки я имел, носил их на груди и гордился ими, как и другие юноши. В некоторой степени знания и навыки, полученные в кружках, пригодились позднее на фронте.

Когда началась Отечественная война, меня трижды вызывали повестками в Алапаевский военкомат и трижды от-

правляли обратно все по той же причине — из-за плохого зрения. Было горько, обидно, страдало самолюбие: чем я хуже других? При очередном, уже четвертом по счету, вызове маленькая хитрость помогла мне снять, наконец, накопившееся психологическое напряжение. Получилось так, что я опоздал на призывную медицинскую комиссию. Снова возвращаться в Арамашево, где я работал учителем? Снова предстать перед теми, кто уже многократно провожал меня в армию, и все впустую? Я был в подавленном состоянии. Но тут судьба сжалась надо мной. Поздно вечером при комплектовании группы призывников выяснилось, что до плана не хватает одного человека. Меня разыскали и вызвали к военкому. Направляясь к нему, я спрятал очки в карман, а на его вопрос, здоров ли я, ответил утвердительно. Объяснив мне сложившуюся ситуацию, он включил меня в список отправляемых призывников.

Через четверть часа я уже сидел в заполненном призывниками железнодорожном вагоне. Через сутки — был на формировочном пункте в селе Сылвинском, что недалеко от города Кунгура Пермской области, где меня зачислили рядовым в телеграфно-эксплуатационную роту. Через две недели рота выгрузилась на станции Бологое Октябрьской железной дороги и была включена в состав 39-й армии Калининского фронта.

Первые шаги по дорогам войны

Положение Красной Армии в конце ноября 1941 года было трагическим. Немецко-фашистские войска, захватив огромную территорию на европейской части СССР, вплотную подошли к Москве. Был блокирован Ленинград. Оставлены Киев, Кишинев, Вильнюс, Рига, Таллин, Минск и другие крупные города. Такого развития событий советские люди не могли предугадать. В идеологическом плане партийная пропаганда готовила нас к тому, что если враг нападет, он получит сокрушительный удар и будет разбит на своей территории. Сильна была вера в мудрость и дальновидность И. В. Сталина. Позднее об этом трагическом развитии событий я написал так:

Как вспомнится, так оторопь берет,
Как медленно мы воевать учились:
Полгода “наступали” задом наперед,
Зимой у матушки-столицы очутились.

Случившуюся трагедию та же пропагандистская машина

объясняла тем, что фашистская Германия напала внезапно. Я, как и, наверное, большинство народа, верил в это и в какой-то мере был удовлетворен таким объяснением. Лишь много позднее стал подвергать его сомнению. О какой внезапности можно говорить, когда в течение многих лет, и особенно с приходом Гитлера к власти в 1933 году, все более и более становилась ясной неотвратимость нападения Германии на нашу страну. Захват фашистами большинства стран континентальной Европы, нападение на Польшу, ввод войск в Финляндию, многочисленные провокации с нарушением границ нашей страны, бесчисленное количество донесений разведки о готовящемся нападении и даже о его сроках, сосредоточение многочисленной армии в непосредственной близости от нашей границы — ну, что еще нужно было сделать немцам для того, чтобы до советского руководства дошла мысль о неотвратимости нападения врага?! Причина поражения Красной Армии на первом этапе войны не во внезапности вражеского вторжения, а в чем-то ином. Но это предмет особого разговора.

Наша 123-я телеграфно-эксплуатационная рота попала в районы боевых действий в сравнительно благоприятное время: Красная Армия в начале декабря перешла в контрнаступление. Выбив немцев из Калинина, Клина, Торжка и ряда других крупных населенных пунктов, войска Калининского фронта быстро продвигались на юг и юго-запад, тесня врага к Ржеву, Сычевке, Белому, Вязьме, Смоленску. Едва успевала рота установить проводную связь, как приходилось свертывать ее и переносить на другой участок освобожденной земли. Немцы, сжигая и уничтожая все и вся, отступали. Полностью разрушенный ими город Торжок оставил в моей памяти на всю жизнь неизгладимое тягостное впечатление. Позднее приходилось видеть картины куда страшнее, но привычка уже притупляла их восприятие.

Немецкая авиация полностью господствовала в воздухе. Бывало, летчики на бреющем полете охотились за отдельным человеком, шедшим по открытой местности. В селе Денежном Калининской (ныне Тверской) области смерть прошла в полушаге от меня. Во время налета немецких самолетов я поспешил укрыться в избе, где уже было около десятка наших солдат. Но не успел открыть дверь, как в избу попала бомба. Никто из находившихся там солдат не остался в живых. Меня отбросило, но я остался цел.

Дважды во вражеском окружении

Радость от наступления оказалось недолгой. Ржев взять не удалось. Немцы, подтянув резервы, снова захватили станцию Сычевку на линии Ржев — Вязьма, а также станции Чертолино и Нелидово на линии Ржев — Великие Луки. В результате 39-я армия, а стало быть и наша рота связи, оказалась в окружении. Полностью прекратилось снабжение продовольствием, боеприпасами, снаряжением. Поскольку большая часть селений была уничтожена, сожжена, то негде было укрыться от сильных морозов. Неделями не снимали с себя шинели. Делились вши. Но главное — изматывал и ослаблял голод. Иногда удавалось достать конину, но не было соли и есть ее было неприятно. К концу первого месяца с момента окружения я уже еле-еле передвигал ноги. Но жажда жизни еще не иссякла и, видимо, потому я старался держаться. Положение облегчалось лишь тем, что линия фронта на какое-то время стабилизировалась. Сил для наступления не хватало ни у нас, ни у противника. Немцы не могли сжимать кольцо вокруг окруженной 39-й армии. В конце февраля нам выдали понемногу сухарей, сброшенных с самолета. Вскоре наши войска, находившиеся на внешнем обводе окружения, заняли станцию Нелидово и проложили “коридор” шириной в 5–7 километров, соединивший окруженные войска с основными силами фронта. Хотя и тоненьким ручейком, но все же стали поступать продовольствие, боеприпасы, другое военное снаряжение. Восстанавливались наши силы. Исправно заработала телеграфно-телефонная линия, соединявшая штаб 39-й армии со штабом Калининского фронта. Я как телефонист исправно дежурил на одной из подстанций связи. Дефект зрения не был помехой. Очки были где-то утеряны. Хлебнуть горя по этой причине пришлось позднее, когда оказался полевым телефонистом, но уже в другой воинской части.

В апреле 1942 года в моей солдатской биографии произошло изменение. Я был переведен в 103-й отдельный дивизион реактивных минометов, названных с чьей-то легкой руки “катюшами”, где исполнял одновременно должности телефониста и внештатно — адъютанта заместителя командира дивизиона по политической части, батальонного комиссара Ширикова. Моему чувству гордости не было предела. Еще бы! Служить в части, владеющей таким грозным и секретным оружием! До той поры я с удивлением смотрел на изредка появлявшиеся на до-

рогах войны загадочные механизмы, скрытые под брезентовыми чехлами. А тут — вот они передо мной. Это были 48-зарядные установки, смонтированные на танкетках. Дальность стрельбы снарядами-ракетами составляла около 8 километров. Из 8 установок одновременно выпускали 384 ракеты. Земля, покрываемая разрывавшимися снарядами-ракетами, представляла собою сплошное море огня и дыма. Немцы смертельно боялись этого оружия.

К великому сожалению, судьба нашего дивизиона, как и судьба всей 39-й армии, сложилась драматически. Летом 1942 года немецко-фашистская армия начала наступление на нескольких участках советско-германского фронта. Враг снова полностью окружил нашу армию и стал сжимать кольцо вокруг частей, находившихся в “четырёхугольнике” Ржев — Вязьма — Смоленск — Великие Луки. На этот раз прорвать кольцо окружения не удалось, и отдельные части стали пробиваться из окружения кто как может, просачиваясь под покровом темноты по лесистым и болотистым местам сквозь немецкие боевые порядки и оцепления. Многие из наших бойцов погибли в боях, засадах, многие попали в плен. Но все же большинству удалось вырваться из кольца.

Настал трагический час и для нас. Оставшиеся снаряды дивизион выпустил по предполагаемому скоплению немцев, а установки взорвал. Тяжело было смотреть на то, как дорогие нашим сердцам боевые механизмы превращались в бесформенные искореженные куски металла. Теперь предстояло самим в пешем порядке пробиваться сквозь цепи немецких автоматчиков. Тут меня ожидало испытание. Вслед за заместителем командира дивизиона я перебежал широкую, заросшую травой поляну. В этот момент по нам сбоку полоснул немец автоматной очередью. Он в укрытии, а мы на виду, на открытом месте. У него автомат, у нас в руках по пистолету. Силы и позиции неравные. Короткие автоматные очереди, как было заметно по сбиваемой пулями траве, прошивали землю буквально рядом, у наших ног. Еще миг — и нам крышка. Вижу, мой командир падает, исчезает из поля зрения. Через секунду и я падаю, но не от пули, а сваливаюсь в глубокую воронку от авиабомбы, которую из-за высокой травы ранее не видел. Командир в ней же. Оба живы. А автоматы подсекают траву, растущую на верхнем краю воронки. Будь мы не в воронке, наверняка оказались бы либо мертвецами, либо ранеными. Наверное, автоматчик подумал, что с нами покончено, и перенес

огонь на другую цель. Нам удалось этим воспользоваться — выскочить из воронки и добежать до леса.

Выяснилось, что личный состав дивизиона, потеряв несколько человек, все же сохранился как боевая единица. Сохранили и знамя. Но вырвавшись из кольца, мы все же оказались на территории, захваченной немцами, так как прорывались на запад, где цепи окружавшего нас врага были реже.

Началась новая полоса нашей жизни — скрытые от вражеских глаз переходы, движения к некоему пункту, где можно было бы перейти линию фронта и выйти к своим. Продуктов не было. Питались в основном ягодами. Шли какое-то время через партизанский район, но и там нечем было подкрепиться. Часто появлялись немецкие самолеты, не раз обнаруживали нашу группу. После этого подвижные отряды немцев обстреливали нас и снова пытались окружить. К нам присоединились солдаты и офицеры из других подразделений, женщины, девушки из саптарного батальона. В группе было уже несколько сот человек. Люди в сложной ситуации вели себя по-разному. Однажды в лесу я слышал разговор трех или четырех человек (в темноте не разобрать): один из них уговаривал товарищей пойти и сдаться немцам в плен. Очевидно, они ушли.

А вот другой пример. В одну из ночей немцы подошли почти вплотную к месту нашего привала. Осветили ракетами, открыли сильный пулеметный и минометный огонь. Началась паника. Ко мне подползла девушка-санитарка из санбата и стала умолять, чтобы застрелил ее. Кричала: “Боюсь плена. Лучше здесь убейте меня!” Как и она, я тоже боялся плена больше, чем смерти, и как мог старался успокоить ее. И на этот раз нам удалось оторваться от противника и уйти в выбранном направлении.

Трудным оказался переход через шоссе Смоленск — Белый. Немцы тщательно охраняли эту магистраль. Около двух суток мы тихо сидели в лесу, ждали сигнала от своих разведчиков. Дождались и двинулись, точнее, побежали в кромешной тьме к шоссе. Прорывались сквозь минометный огонь. Многие были ранены, многие убиты. Здесь меня поджидала новая каверза. Оказалось, параллельно шоссе, метрах в 30—40 от него, тянулся глубокий ров с отвесными стенками. В темноте я упал в него, а на меня упало еще несколько человек. Мы были не первыми в этой западне. На дне рва находилось много полуразложившихся человеческих трупов. В смрадном воздухе было нечем дышать. Но и выбраться по крутой стенке не хватало

сил. Я то и дело срывался обратно, пока не уцепился за ногу какого-то здоровяка, который карабкался вверх более успешно. Он матерно ругался, но волей-неволей вытащил и меня за собой.

Дальнейший путь я плохо помню, так как был контужен. Мина разорвалась почти рядом, и только поваленное дерево спасло меня от осколков. Далее меня вели под руки солдаты, свои и “чужие”. 18 июля 1942 года ранним солнечным утром какими-то тайными тропами мы вышли к своим — к воинской части, входившей в состав Северо-Западного фронта. Я плакал от радости, от сознания, что хотя и отошал, и еле держался на ногах, и плохо слышал после контузии, но главное, дважды побывав в окружении, выдержал тяжелое физическое и духовное испытания и остался жив! Так закончился первый этап моей фронтовой солдатской службы.

После выхода из окружения и двухнедельного отдыха в деревушке возле города Кувшиново Калининской области наш пеший минометный дивизион был направлен в Москву и там расформирован. Личный состав дивизиона рассортировали, направив в разные части. Комиссия была дотошная, строгая. Я боялся, что меня забракуют и отправят в нестроевую часть. Хотя слух после контузии уже улучшился, но временами были сбои. Но все обошлось благополучно.

И снова к “катюшам”!

Я был направлен в сотый полк реактивных минометов, в 398-й дивизион, в котором прослужил телефонистом с августа 1942 года по октябрь 1945 года.

Полк был вооружен 16-зарядными реактивными установками, смонтированными на трехосных американских автомашинах “студебеккерах”. Ракеты, по сравнению с теми, что мы имели в 103-м дивизионе, были более мощными, и дальность их полета составляла около 12 километров. Зап одного дивизиона — 576 ракет. Полк со всем личным составом, техникой, боеприпасами, вспомогательными службами полностью размещался “на колесах” и поэтому был весьма маневренным. Его часто перебрасывали из состава одной армии в другую, с одного фронта на другой.

За три года — с 1942-го по 1945-й — полк принимал участие в боях на Брянском, Юго-Западном, 3-м Украинском, 4-м Украинском, 2-м Белорусском и 3-м Прибалтийском фронтах.

Войну мы закончили штурмом Кенигсберга и взятием военно-морской крепости Пиллау на берегу Балтийского моря.

Сформировавшийся в августе 1942 года в Москве, полк начал боевой путь с участия в битве за Сталинград в составе Юго-Западного фронта, под командованием Н. Ф. Ватутина.

И в наши паруса подули ветры

Как известно, генеральное наступление наших войск в районе Сталинграда началось 19 ноября 1942 года с мощнейшей артиллерийской подготовки. Для этого было сосредоточено более 13 тысяч орудий и ствольных минометов и 115 дивизионов реактивной артиллерии, а также огромное количество танков, самолетов и другой военной техники (см.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 24(1). С. 403). Удар по врагу был мощным. Немецко-фашистские войска потерпели сокрушительное поражение. Именно эта дата — 19 ноября 1942 года — и дала основание для празднования Дня ракетных войск и артиллерии.

Войска Юго-Западного фронта, наступавшие севернее Сталинграда, и войска Сталинградского фронта, начавшие наступление южнее Сталинграда, охватили “клещами” немецко-фашистскую группировку и, завершив ее окружение в Сталинграде и его окрестностях, двинулись на Запад, отодвигая линию фронта все далее и далее от Волги и от многострадального города.

Верный азимут со временем найдя,
И в наши паруса подули ветры,
И наша армия, сквозь ад пройдя,
Считать на Запад стала километры.

Мы двинулись на запад, а плененные солдаты и офицеры разбитых немецких, итальянских и румынских дивизий брели огромными колоннами на восток. В наших сердцах была радость. Побитые “завоеватели” брели, повесив головы. Хотя на лицах некоторых румынских солдат было некое подобие улыбок. Еще бы! Остались живыми, тогда как многие из сослуживцев полегли на чужой земле.

В 398-м дивизионе характер моих солдатских обязанностей резко изменился. И не в сторону облегчения. Как я уже отметил, ранее, в 123-й телеграфно-эксплуатационной роте, приходилось в основном дежурить на стационарном промежуточном пункте связи. Теперь же нужно было выполнять обя-

занности полевого телефониста: вместе с сослуживцами прокладывать проводную связь на расстояниях от нескольких сот метров до пяти километров и более. Для этого нужно было тащить катушки с кабелем. Каждая из них весом по 16–20 кг. Две катушки в перевязи на плече, третья — в руке. Вдобавок к тому карабин или автомат за спиной. При размотке катушка поскрипывает, и я улавливаю в этом скрипе как бы утешающий “голос”: “Скоро вся, скоро вся, скоро вся”, а мне кажется, что конца этому не будет.

Изнемогаю от тяжести, обливаюсь потом, но продвигаюсь вперед к заданному месту. Размотал одну катушку, присоединил к концу провода провод от другой катушки и снова вперед. Утешает то, что груз с каждой сотней метров ощутимо уменьшается. Хуже, когда приходится снимать связь, переносить ее в другое место: в таких случаях нагрузка, наоборот, возрастает.

Проложить кабельную линию — это лишь начало. Надо затем обеспечить, чтобы телефонная связь работала бесперебойно, как живой нерв в сложном воинском организме. Штаб дивизиона должен быть связан со штабом или командным пунктом полка, со штабом или командным пунктом той воинской части, которую поддерживает дивизион, с огневыми позициями своих собственных взводов, батарей. Нужна связь с наблюдательным пунктом разведчиков.

Когда армия, в том числе и наш полк, не наступает, то установленная система связи более или менее стабильна. Телефонист сидит на дежурстве либо при штабе, либо на промежуточном контрольном пункте — в каком-либо укрытии (в землянке, блиндаже, окопе) или в открытом поле. Бдительно следит, действует ли линия. Используя позывные: “я — сокол”, “я — черемуха”, “я — осень” и т. д., переключается с другими пунктами связи. Но и в спокойной обстановке связь часто нарушается: например, при передвижении техники, особенно танков, при артиллерийском обстреле наших позиций противником и т. п. Следовательно, нужно быстро найти и устранить повреждение. Этот вид солдатской работы был для меня особенно мучительным.

Устранить повреждение сравнительно просто, если кабель проложен по земле и разрыв ищешь при дневном свете. Бежишь по линии, провод скользит в полусжатом кулаке — разрыв найден. Ищешь другой конец разорванного провода и соединяешь. Подключаешь телефонный аппарат, вызываешь те-

елефонистов с ближайших противоположных пунктов и удостоверяешься, что связь есть.

Другое дело, когда кабель проложен поверху, поднят над землей на 3–4 метра, держится на кустарнике, сучьях деревьев, шестах и т. п. В сумерках, в ночной темноте я, при моем слабом зрении, не мог разглядеть кабель, сбивался с маршрута и, естественно, попадал в сложную ситуацию. А однажды, уже в Восточной Пруссии, в лесисто-болотистой местности настолько отклонился от телефонной линии, что заблудится и едва не попал в руки какой-то группы немцев, так как сплошной линии разграничения между нашими и немецкими частями не было.

Очень тяжело приходилось обеспечивать бесперебойную связь зимой 1943–1944 годов, когда наш полк находился на левом берегу Днепра в районе города Никополя. Здесь немцы удерживали довольно большой участок на левобережье, так называемый Никопольский плацдарм. Погода была теплая, земля не замерзла, выпадали дожди. Танки, автомашины и прочие транспортные средства интенсивно перемещались с места на место и рвали, наматывали на гусеницы и колеса десятки и сотни метров телефонного кабеля. Определив разрыв, очень трудно было найти и соединить концы порванных проводов. Ночью буквально ползаешь в густой, липкой ледяной грязи и в путанице проводов, проложенных связистами других воинских частей, ищешь свой провод. Бывает, что найдешь один конец провода, но в кромешной тьме потеряешь другой конец. И снова надо ползать и искать. Помучившись несколько раз, я, наконец, догадался обозначать место обрыва белым лоскутом или листом белой бумаги, прикрепленным к воткнутой в землю палочке. А затем уже искал другой конец оборванного провода. Возвращался на пункт связи после устранения повреждения с ног до головы облепленный грязью — страшнее черта.

Так что служба в Красной Армии, участие в боевых действиях у меня ассоциируется не только со страхом быть убитым или раненым, но и с тяжелым, прямо-таки изматывающим физическим трудом. Нас, связистов, постоянно привлекали и к работам, не связанным непосредственно со связью, — к рытью капониров под боевые машины, строительству блиндажей, мощению труднопроходимых участков дорог и т. п. Помнится, на 2-м Белорусском фронте в июле 1944 года застряли в грязи две «катюши». Десятка полтора солдат, в том чис-

ле и мы, связисты, помогали их вытаскивать. Тут же по какому-то случаю оказался и командир полка полковник Бабиц — коренастый, невысокого роста красавец. Давал указания, как вытаскивать машины, уж заряженные снарядами-ракетами. Помогая тянуть трос, я запутался в полах своей шинели, оступился и плюхнулся плашмя в жидкую грязь. Раздался дружный хохот. Полковник тоже добродушно рассмеялся и, вплетая нецензурную брань, воскликнул: “Ах, мать твою! Ну и Васька Теркин!” В то время поэма А. Твардовского “Василий Теркин” уже печаталась во фронтовых газетах, и об этом литературном герое многие знали. Читал и я. И потому ни тогда и ни сейчас не понимаю, почему командир назвал меня Теркиным — человеком смелым, ловким, тогда как я выглядел в тот миг мокрой курицей. Но на удивление прозвище закрепилось за мной, и особенно любил им пользоваться помощник командира взвода. Бывало объявлял: “Теркин, твоя очередь в караул”, “Теркин, помоги принести из каптерки продукты”. Но поскольку это изрекалось с явным оттенком добродушия, то я не обижался.

Не могу не отметить еще несколько эпизодов из моей фронтовой службы, из жизни нашего 398-го дивизиона. Летом 1944 года после прорыва немецкой обороны войска 2-го Белорусского фронта развернули мощное наступление. Наш полк участвовал в освобождении Могилева, затем Минска, в ликвидации окруженной немецкой группировки северо-восточнее Минска, затем двинулся на территорию Польши. 398-й дивизион продвигался вместе с передовыми частями пехоты и дивизионом ствольной артиллерии по шоссе, миновал город Щучин и остановился для обеденной передышки возле какого-то полуразрушенного завода. Как будто ничто не предвещало грозы. Противник быстро отступал на запад. Штаб полка и два наших дивизиона находились на этой же дороге, примерно в 15 километрах сзади нас. Так что о тыле дивизиона можно было не беспокоиться. И вдруг в момент, когда личный состав дивизиона наспех подкреплялся, на него напали немцы, и именно с тыла, в восточной стороны. Что же произошло?

Все обстоятельства выяснились позднее. Оказалось, что в 12–15 километрах от нашего шоссе, параллельно ему, было другое асфальтированное шоссе. И по нему наши войска наступали, а немцы откатывались на запад. Поскольку синхронности в продвижении наших войск по этим двум параллельным

шоссе не было, то наш дивизион вместе с поддерживаемой частью продвинулся значительно дальше на запад, чем наши соседи, наступавшие по параллельному северному шоссе. Но какая-то подвижная часть наших войск перерезала дорогу и загрозила путь немцам, обрекая большую группу в несколько тысяч человек на уничтожение. В такой ситуации они и решили перебраться через лесной массив на наше, южное, шоссе, чтобы удирать на запад по нему. И вышли к нему как раз между нашим дивизионом и штабом полка с двумя другими дивизионами. Таким образом, немцы неожиданно оказались в тылу нашего дивизиона и с ходу открыли пулеметный и автоматный огонь. За считанные минуты мы потеряли около двух десятков солдат и командиров. Был ранен командир дивизиона майор Васильев, но из боя не вышел. Вместе с нами отбивались от врага солдаты и офицеры подразделений ствольной артиллерии и еще каких-то частей.

Мы были помехой на пути отступающих на запад немцев. Возникла парадоксальная ситуация: теперь отступающие немцы остервенело наступали на нас, а мы, наступавшие, отступали, пятились на запад. У нас не хватило сил их сдерживать, и мы были вынуждены отвести боевые машины в сторону от шоссе. Тем более что использовать их в сумятице, когда все перемешалось, было невозможно. Шла уже рукопашная схватка, несколько боевых машин, свернув с шоссе, застряли в болоте. И чтобы они не попали в руки немцам, их сожгли и взорвали. В этом бою я остался жив, но потерял хорошего верного друга Эприкяна, армянина по национальности. Он совершил героический поступок: заслонил собою командира взвода связи, лейтенанта Аверкина, застрелил немца, подскочившего с пистолетом почти вплотную к комвзвода, но другой немец смертельно ранил Эприкяна.

Мы потеряли 90 процентов техники, но и немцам она не досталась. Как только наши части отошли от шоссе в сторону, немцы с такой быстротой рванули на запад, что не было возможности их догнать. А нам надо было после внезапной схватки с врагом прийти в себя, похоронить товарищей. Новой техникой нас снабдили быстро. Примерно дней через десять-двенадцать поступили новые реактивные минометы, установленные на импортных автошасси марки "Шевроле". Но погибших в огневой схватке нельзя было ни воскресить, ни заменить. Немцы понесли еще большие потери: тела убитых устилали шоссе и придорожный болотистый участок.

На Наревском плацдарме

Остановлюсь еще на двух драматических эпизодах, свидетелем и участником которых мне пришлось быть. Осенью 1944 года войска 2-го Белорусского фронта, форсировав в Польше реку Нарев, создали на ее северо-западном берегу плацдарм. Он так и назывался Наревский плацдарм. От него было рукой подать до польско-немецкой границы, до Восточной Пруссии. Немцы многократно пытались отбросить наши войска с плацдарма, но это им не удалось сделать. Линия соприкосновения с противником стабилизировалась вплоть до середины января 1945 года. Красная Армия готовилась к генеральному наступлению и перенесению войны непосредственно на территорию фашистской Германии. Уже после войны стало широко известно, что Генеральный штаб готовил нанесение удара на конец января, но по просьбе союзников, англо-американцев, которых немцы крепко потрепали на северо-западе Франции, в Арденнах, передвинул наступление на более ранний срок. 2-й Белорусский фронт начал наступление, как мне помнится, 12 января с мощнейшей артиллерийско-минометной и бомбовой подготовки, длившейся около двух часов. Стоял такой грохот, что не слышно было голоса рядом находившегося человека. Невозможно было разговаривать по телефону: я не слышал, что мне пытались передать по проводной связи, и меня никто не мог услышать и понять. Стоял сплошной гул, содрогалась земля. С большим трудом немецкая линия обороны была прорвана, мы стали медленно продвигаться вперед.

Но вскоре к немцам подошло подкрепление и они бросились в контратаку. На широком открытом пространстве в течение двух суток удача переходила от одних к другим. То немцы бежали от нас, то мы бежали от них. Устанавливать и свертывать связь приходилось под непрерывным огнем врага, без сна и отдыха. От усталости появилось какое-то оцепенение, полностью исчезло чувство опасности, страха. Все выполнялось механически. До сих пор не могу понять, как выдержало сердце.

В один из удачных для нашего дивизиона моментов я вместе с напарником установил телефонный аппарат в немецком (видать, офицерском) блиндаже, еще сохранявшем запах парфюмерии. Минут через двадцать кто-то из наших появился у верхнего люка и крикнул: "Немецкие танки рядом! Сматывайтесь!" Чтобы удостовериться, я выскочил наверх. Танк шел метрах в ста от меня. Я инстинктивно бросился в лес, но тут

же вспомнил, что автомат и телефонный аппарат остались в блиндаже. Огромным усилием воли заставил себя повернуть обратно. Танк, чуть-чуть изменив направление, повернулся боком, и я увидел на его броне крест. Плохо помню, как я заскочил в блиндаж, как схватил автомат и телефонный аппарат, освободив клеммы от кабеля, как выскочил наружу и побежал догонять своих. Если бы я этого не сделал, то мое положение было бы весьма плачевным. Известно, что за проявленную в бою трусость, потерю оружия, снаряжения по голове не гладили.

Вступление на древнюю землю славян

После двухсуточной битвы немцы дрогнули и начали отступать. Затем их отступление превратилось в паническое бегство. Так, наседая на противника, мы вскоре вошли с южной стороны на территорию Восточной Пруссии. Соппротивление немцев усилилось, но долго удерживать позиции они не могли. В начале апреля 1945 года наши войска подошли к столице Восточной Пруссии Кенигсбергу — очень хорошо укрепленной военной крепости. Его окружали 12 мощных фортов.

Наш дивизион поддерживал дивизию, наступавшую по направлению к форту “Кениг Фридрих Вильгельм”. Внешне его и невозможно было признать за военное укрепление: вдали виднелась на возвышении небольшая сосновая роща, вперемишку с лиственными деревьями. Но это была обманчивая картина. Лет через 40 после войны я побывал у этого форта и убедился в его былой мощи. Огромное железобетонное сооружение располагалось на искусственном острове, имело три подземных этажа. Над землей находился один этаж с бойницами. На его крыше — толстый слой земли. На ней — сосны и кустарник. Остров окружен глубоким каналом, наполненным водой. Вокруг форта — ровное пространство на 2–3 километра.

Вот на этом ровном поле мне и пришлось держать очередной экзамен. Оказалось, к счастью, последний. Перед штурмом личный состав худо-бедно, но использовал укрытия: наскоро вырытые в земле окопчики, ячейки, маскировочные средства. Связисты тоже старались не попадать врагу на глаза, оберегались как могли от разрывов снарядов и мин. Но вот отказала телефонная связь с дивизией. Нужно устранить неисправность. Командир взвода отправил меня. Бегу что есть мочи с телефонным кабелем и аппаратом по линии. Очевидно, нем-

цы видят меня, так как снаряды начинают рваться в непосредственной близости. Недолет. Перелет. Разрыв спереди. Принимаю, что попадаю в “вилку”. Очередной снаряд будет моим. Падаю, ползу. Разрывы то ближе, то дальше. Нахожу разрыв провода и небольшую воронку от снаряда, разорвавшего провод. Соединяю, подключаю телефонный аппарат. С одним пунктом связь есть, с другим нет. Следовательно, еще где-то впереди провод порван. Вскидываю, бегу и снова попадаю под прицел немцев. Рвануло близко, и я кубарем покатился по поляне. Осколком разбило телефонный аппарат. Позднее обнаружил, что в нескольких местах шинель была как бритвой изрезана. Все же нашел и устранил второй разрыв в проводе, но проверить, восстановилась ли связь, уже не мог, поскольку телефонный аппарат был поврежден. Вернулся где ползком, где перебежками на пункт связи и с радостью узнал — связь восстановлена. Конечно, был рад, что задачу выполнил и остался жив, даже не ранен. А шинель дали другую, правда не новую. Вскоре вручили медаль “За отвагу”. Ценю ее.

Штурм Кенигсберга был завершен 12 апреля 1945 года. Защитники крепости в количестве более 90 тысяч человек были взяты в плен. Через несколько дней нами был взят военный порт Пиллау (ныне Балтийск). На этом боевые действия нашего полка были закончены. Но на западном направлении еще шли ожесточенные бои.

1 апреля началась берлинская наступательная операция. Я по этому поводу писал:

Война кровавая уж шла к закату,
К Берлину ближе подходила рать,
Все чаще вспоминали дом солдаты,
Сильней, чем прежде, не хотелось умирать.

В берлинской операции советские войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 304 тысяч человек (см.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 3. С. 245). 30 апреля наша армия овладела рейхстагом и водрузила на нем Знамя Победы. 2 мая капитулировали остатки берлинского гарнизона. Мы, связисты, первыми узнали из телефонных и радиопереговоров между начальством о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Официальный акт о капитуляции был подписан 8 мая 1945 года. Война в Европе была закончена. В августе наш полк перебазировался из Восточной Пруссии в Белоруссию, в город Слуцк. В октябре 1945 года я был демобилизован и вернулся в родную деревеньку Но-

воселово. Нужно ли говорить, сколь радостны были чувства, охватившие мою душу при встрече с мамой и сестрами. Горько было осознавать, что больше не увижу отца, который умер в 1944 году на Уралмашзаводе от тяжелого труда во благо нашей победы и могилу которого не могу найти до сих пор. Более одной трети мужчин, ушедших на фронт из нашей деревни Новоселово, не вернулись домой. Экономика колхоза, как и экономика всей страны, была ослаблена до предела.

Советский общественный строй, выдержавший испытание войной, не смог устоять в послевоенной “холодной войне” — рухнул. Разумно распорядиться плодами победы страна не смогла. Почему? Вопросы, вопросы...

Сумели ль плодами победы

Распорядиться с умом?

Не хлынули ль новые беды

В наш неустроенный дом?

Не просим ли мы побежденных

Дать победившим взаймы?

Не нас ли, нуждою стесненных,

Тянут на тропы войны?

Но как бы то ни было, великие жертвы, понесенные нашим народом, не напрасны: есть Родина, торящая дорогу к свободе, к человеческому благополучию.

Семен Семенович Козьмин, кандидат исторических наук, доцент, инвалид Великой Отечественной войны

На двух фронтах

Солдатами не рождаются

Есть мудрое изречение: не так живи, как хочется. На себе испытал его мудрость. Думал жить как хотелось, получилось все иначе. К примеру, никогда не думал быть военным, а пришлось. Думал посвятить себя учительской работе, я любил эту работу, очень любил детей. Меня не призывали в армию как народного учителя. Работая в школе, задумался, как жить. Встретил симпатичную обаятельную девушку, и имя ее мне нравилось — Анастасия. Влюбился, да так, что сразу женился. Потекла семейная жизнь. Вдвоем обдумывали жизнь, составляли “планов громадье”. Но в жизнь вторглась другая сила, непредвиденные обстоятельства.

Дело было так: 1 сентября 1939 года, первый день занятий в школе. Какой это праздник, сколько цветов, а улыбок ребятшек еще больше. Радость-то какая! И вдруг в этот день, 1 сентября 1939 года, Четвертая чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР приняла новый закон “О всеобщей воинской обязанности”. Этот закон изменил жизнь миллионов людей моего поколения. Отныне призывать в армию стали юношей 18—19 лет, с учителей и специалистов с высшим образованием сняли льготы, все они призывались теперь на службу.

Принятие нового закона было правильным, все диктовалось сложной международной обстановкой. Войны как будто не было, но она была. Японцы захватили Маньчжурию, приблизились к нашим дальневосточным границам. В июле 1938 года

они вторглись на нашу территорию в районе озера Хасан, а в мае — на территорию МНР. Нашей армии пришлось преподать урок японцам на острове Хасан и в Монголии на реке Халхин-Гол, где Красная Армия под руководством генерала Г. К. Жукова разгромила японскую армию.

Но особую тревогу вызывала гитлеровская Германия. Она оккупировала Чехословакию, присоединила Австрию, 1 сентября 1939 года объявила войну Польше и оккупировала ее, 18 сентября нашей армии пришлось взять под защиту украинцев и белорусов западных областей. Западная Украина и Западная Белоруссия ранее были отторгнуты от России Польшей при помощи Англии и Франции. Сложные отношения складывались с Финляндией.

В такой обстановке и был принят новый закон “О всеобщей воинской обязанности”. К сожалению, весьма важное решение Четвертой сессии Верховного Совета СССР не нашло достаточного освещения в исторической литературе.

По новому закону я и был призван в армию. Из школы сразу призвали четырех учителей. Двадцать пятого ноября 1939 года на вокзале станции Кирсанов меня провожала жена. Мы стояли, смотрели друг на друга, чувствуя, что расстаемся на долгие годы. Мучительно сжималось сердце. Ведь мы и года не прожили вместе, не насмотрелись друг на друга, не налюбовались. И вот — сигнал по вагонам. Последний поцелуй, и — прощай. Никому не пожелаю такого испытания.

Двадцать девятого ноября эшелон доставил нас в Минск. Первым делом познакомились с белорусской лазней (баней). Нас переодели и направили в казарму. Мы стали солдатами 350-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности резерва Верховного Главнокомандования (350-й ГАП БМ РВГК).

Тридцатого ноября 1939 года началась война Советского Союза с Финляндией. Командование полка получило указание готовить полк к боям на Карельском перешейке. В такой обстановке началось мое формирование как солдата. Всех прибывших молодых солдат распределили по специальностям. Я был назначен вычислителем. Задача вычислителя — готовить точные данные для ведения стрельбы. От точности данных зависел успех разрушения долговременных огневых точек противника.

Как известно, солдат формируется в процессе военной службы: в ходе боевой учебы, в разумном армейском режиме, при целеустремленной воспитательной работе.

Лично на меня, кроме этих атрибутов армейской жизни, большое впечатление произвела караульная служба. Первый раз я нес караул по охране артиллерийского парка, где были расставлены в соответствующем порядке орудия. Увидев огромные стволы (гаубицы 203 мм), я пришел к выводу, что наша армия имеет мощное оружие, Родину есть чем защищать. Стоя в гарнизонном карауле по охране окружных складов на окраине Минска в ночное время, наблюдал с вышки, как один за другим гаснут огни. Город засыпает, думал я, а ты, солдат, охраняешь мирный труд людей. Завтра они встанут, приступят к работе, учебе, будучи уверены в своей защите.

Огромное воздействие на сознание людей оказывали боевые стрельбы, стокилограммовый снаряд разрушал мощное железобетонное сооружение. Как правило, цель поражалась третьим снарядом, но бывали случаи, что и первым. В этой меткой стрельбе была и моя заслуга — солдата-вычислителя. Ведь точная привязка орудия к цели — залог меткого выстрела.

Армейская жизнь формировала меня как воина-патриота. Я гордился военной службой, успехами нашей страны, увлеченно овладевал военными знаниями, но в то же время тосковал по пропагандистской работе. Этой работой я стал заниматься еще в педагогическом училище. Вел с учащимися кружок текущей политики, затем кружок по изучению истории ВКП(б) с учителями школы, посещал семинары в РК партий, часто выступал перед населением.

Я искал повод, чтобы выступить перед товарищами по службе. Вскоре представился удобный случай, и, возможно, с него начался отсчет времени по формированию офицера-политработника. Дело было так: вечером солдаты моего подразделения собрались в Ленинской комнате. Кто сидел, задумавшись, кто дремал. Я не выдержал, душа учителя сказала, и решил ребятам рассказать об интересных фактах, событиях из истории нашей Родины. Солдаты оживились, охотно согласились послушать. Я рассказал им о борьбе русского народа с врагами России на примере битвы Александра Невского в 1242 году на Чудском озере против псов-рыцарей и Куликовской битвы 1380 года. Слушали солдаты внимательно, залавали вопросы.

Буквально на второй день после этой беседы меня пригласил к себе комиссар полка Старков Михаил Леонтьевич. Приятно улыбаясь, он вдруг спросил меня: “Выступал вчера?” Я понял, о чем идет речь, ответил: “Да, выступал”. В голо-

ве мелькнула мысль: не допустил ли я какие-нибудь ошибки? Но М. Л. Старков одобрительно отозвался о моей беседе и предложил выступить с этой темой перед офицерами полка. Я смутился. Комиссар это заметил, стал меня успокаивать. “Наши офицеры имеют образование от 4 до 7 классов, им будет интересно послушать вас”, — сказал он. Я согласился. Через три дня выступил в полковом клубе перед офицерами полка. Нельзя сказать, что я не смущался. Но видя, как офицеры слушают, я ощутил уважительное отношение к себе, и это меня ободрило.

Затем слово взял комиссар. Он призвал офицеров больше уделять внимания воспитанию личного состава, беря на вооружение факты из героической истории нашего народа. Обращаясь к боевым действиям наших войск на Карельском перешейке, М. Л. Старков дал указание уделить особое внимание морально-психологической подготовке воинов, формированию у них мужества, стойкости, героизма. Комиссар полагал, что нашему полку вскоре придется принять участие в боевых действиях. И полк готовился к ним. Часто проводились учения с боевой стрельбой, личный состав тренировался в условиях, приближенных к войне.

В начале февраля 1940 года М. Л. Старков снова пригласил меня на беседу. На этот раз разговор шел о присвоении мне воинского звания “заместитель политрука”. Это не офицерское звание, но звание политработника. Я не сразу принял предложение. В голове еще оставалась мысль — отслужить честно два года и в гражданских условиях осуществить ранее задуманные планы. Об этом я и сказал комиссару. Выслушав меня, М. Л. Старков ответил:

- Я понимаю и сочувствую, но, учти, мы будем воевать.
- С Финляндией? — спросил я.
- Нет, с Германией, — сказал он.

Несмотря на заключенный 23 августа 1939 года договор о ненападении, в мир с Германией никто не верил. Да и И. В. Сталин говорил, что Гитлер относится к договорам как к простому клочку бумаги. Поговорив с комиссаром, словам которого верил безоговорочно, я дал согласие на присвоение звания “заместитель политрука”. И вскоре начальник политуправления Белорусского Особого военного округа генерал Соломко подписал приказ о присвоении мне указанного воинского звания.

Став заместителем политрука, я отдался работе по воспитанию личного состава. Политрук Шестаков, с которым я ра-

ботал вначале, был умным, знающим человеком. Я завидовал его организаторским способностям. За короткое время я многому у него научился. Запомнился на всю жизнь его совет: “Не горячись, обращаются люди — выслушай их, помоги. Политработник — это душа солдата, его друг и советчик”. К сожалению, Шестаков имел всего три класса образования, он был призван из запаса. Но это был кристально чистый и честный коммунист. Вскоре его перевели в другой полк. Отныне вся воспитательная работа с личным составом возложена была на меня. Признаюсь, было трудно. Ведь я не имел специального образования. Но многому научился у комиссара М. Л. Старкова.

Ранней весной 1940 года, приблизительно 10–11 марта, полк стал сосредоточиваться на станции Слепянка (это окраина Минска) для погрузки в эшелоны и отправки на фронт. Личный состав разместился по вагонам. И вдруг 12 марта заключается перемирие с Финляндией. Мы вернулись в казармы.

Насыщенная учеба с ноября 1939 по март 1940 года сделала свое дело. Из мешковатых гражданских парней мы превратились в мужественных солдат Советской Армии. Стали организованнее, хорошо познали военное дело, готовы были к боевым действиям.

Война с Финляндией выявила немало негативного в структуре и подготовке нашей армии. Вместо К. Е. Ворошилова наркомом обороны стал маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Его первые приказы определили задачи обучения войск: учить войска тому, что нужно на войне. Немало внимания уделялось внешнему виду военнослужащих.

ГлавПУР РККА издал книгу, где обобщался опыт политико-воспитательной работы в боевых условиях. Этот опыт был использован в дальнейшей политико-воспитательной работе с личным составом. Работа эта должна строиться на понимании того, что на войне ключевой фигурой является человек, в совершенстве владеющий боевой техникой.

Неожиданно наш полк получил приказ передислоцироваться на Кавказ. И это несмотря на то, что Белорусский Особый военный округ был пограничным, рядом располагались немецкие войска. Приказ есть приказ. Мы прибыли в г. Шаумян (Грузия). Здесь уже находился 136-й ГАП БМ РВГК, принимавший участие в боях на Карельском перешейке. Я часто задавал себе вопрос: почему нас перебросили на Кавказ? И только спустя много лет узнал. Примерно в 1967 году маршал Г. К. Жу-

ков, беседуя с коллективом редакции “Военно-исторического журнала”, сказал, что в предвидении характера начального периода войны с Германией было решено сохранить артиллерию большой мощности, перебазировав ее в восточные районы страны. Так с мая 1940 года наш 350-й ГАП БМ РВГК обосновался на Кавказе.

Служба здесь не была спокойной. Турция, ближайший наш сосед, проявляла к СССР недружелюбие и, подстрекаемая Германией, совершала провокации. По приказу Верховного Главнокомандования один дивизион расположили в районе Лени-накана, нацелив орудия на Карс и Эрзерум. Отрабатывались соответствующие боевые задачи на случай неразумных действий со стороны Турции.

Я по-прежнему много внимания уделял воспитанию воинов. Важным направлением этой работы стало воспитание солдат в духе дружбы народов. Это не означает, что ранее этой проблеме внимания не уделялось. Воины-русскаязычные сплотились с грузинами, армянами, азербайджанцами и другими представителями народов Кавказа. Вместе с грузинами пели “Сулико”, танцевали под возгласы “Аш-шалда”, учились произносить слово “геноцвале”. И, надо сказать, в полку не было ни одного случая конфликта на национальной почве. Все были равны, все товарищи, братья по оружию.

В это время мне очень хотелось овладеть грузинским языком. Был один учитель, с которым я интенсивно начал осваивать грузинскую грамоту. К сожалению, его вскоре перевели в другую часть, и занятия прекратились.

Без войны как на войне

В обстановке приближающейся войны наше правительство, Верховное Главнокомандование наращивали мощь армии. Командованию полка было приказано сформировать новый аналогичный полк, выделить для него из нашего полка 40% личного состава и весь командный состав, кроме командира полка. Подвергся реорганизации и 350-й артиллерийский полк. Он стал меньше, мобильнее, подвижнее.

Получил новое назначение и я. Из седьмой линейной батареи был переведен политруком штабной батареи в подразделение, обслуживающее штаб. По сравнению с линейным подразделением штабная батарея была значительно больше: в ней насчитывалось 253 человека. 187 человек имели высшее и пол-

ное среднее образование, остальные окончили от 5 до 9 классов. Много было учителей, инженеров и техников.

1941 год выдался особенно тревожным. Увеличилась физическая нагрузка на весь личный состав. Беспокоили вылазки немцев из Ирана. Забрасывались десанты. Полк учился вести с ними борьбу. Проводилась работа по укрытию материальной части и личного состава полка. На учениях отрабатывались соответствующие темы: полк в обороне, полк в прорыве сильноукрепленной полосы и другие. Командиры взводов и батарей были переведены на казарменное положение.

Я уже, можно сказать, возмужал, неплохо разбирался в военном деле. Однажды подразделение должно было выйти на полевое учение. Командир, старший лейтенант Стенин Александр Иванович, отсутствовал. Пришлось мне как старшему по службе принять командование подразделением на себя. Выйдя в поле, в горно-лесистую местность, я дал указания командирам взводов приступать к занятиям. Сам отошел в сторонку и, усевшись на камень, включил радиостанцию. Было это 5 апреля 1941 года. Уловил сообщение об оккупации Германией Югославии, о высадке немцев на Кипр. Услышанное известие удручающе действовало на меня. Немцы на Балканах, на границе с Польшей, в Прибалтике захватили Клайпеду, а всего оккупировали 11 европейских государств. Соотношение сил менялось не в нашу пользу. Вспомнились слова комиссара Старкова М. Л. о том, что мы будем воевать. Никаких иллюзий на этот счет больше не оставалось.

22 июня 1941 года. Начало войны

Уверен, у каждого сохранился в памяти день 22 июня 1941 года — день черного воскресенья. Поиграв с солдатами в бильярд, пошел в каптерку старшины отдохнуть. Только прилег на кровать, вбегает сержант Бочкарев. Взмолнованным голосом выпалил: “Товарищ политрук, началось”. Меня в буквальном смысле сдуло с кровати, не стал даже спрашивать, что началось. Войдя в Ленинскую комнату, услышал по репродуктору голос В. М. Молотова. Все ясно. Германия напала на нашу страну. Голос В. М. Молотова звучал твердо, в интонации чувствовалась уверенность. “Наше дело правое. Победа будет за нами”. Что думал каждый из нас, прослушав речь В. М. Молотова? Помню, люди стали суровее, сдержаннее.

Прошло примерно 30–40 минут, и личный состав бата-

реи стал выстраиваться на задней линейке палаточного города. Примечательно то, что солдат никто не строил, не подавал команды, они начали собираться сами. Я стоял недалеко, наблюдая, как организованно люди становятся в строй. Старшина подразделения Саримов, учитель из Узбекистана, подав команду “Смирно!”, доложил: “Товарищ политрук, в строю находится 251 человек, 2 человека несут дежурство дневальными”.

Никогда не было случая, чтоб в строй становился весь личный состав подразделения. Люди собрались, они ждали, что скажет им политрук в этот тревожный час. И вот я предстал перед строем. Почти полностью помню свою речь. “Товарищи,— обратился я к личному составу,— Германия вероломно напала на нашу Родину, идет война. Уже пролилась кровь. Война не является для нас неожиданностью, о ней мы говорили все время, не знали только, когда она начнется. Теперь мы поставлены перед фактом. Помните, мы готовились к войне, нам есть чем Родину защищать, есть кому защищать, есть что защищать”. Затем я сказал о повышенной ответственности каждого воина за судьбу своего Отечества.

Закончив краткое выступление, ответил на два вопроса, сообщил, что будет проведен полковой митинг, где мы узнаем все подробнее. Митинг состоялся через два часа. Я внимательно выслушал выступления командира и комиссара. Хотел сверить правильность своего выступления перед личным составом подразделения. И вздохнул с облегчением. Все верно, все так. Для меня это было большим испытанием.

Жизнь потекла в соответствии с новой обстановкой. Усиленно проводились учения, на всякий случай техника была надежно укрыта. Немцы, наводнившие Иран, забрасывали диверсантов с иранской территории. Иранский шах Реза Пехлеви был на стороне немцев. В соответствии со статьей 21 советско-иранского договора наше правительство решило ввести войска в Иран и изгнать оттуда немцев. Полк предпринимал на короткое время вступление в Иран. Наш 350-й артиллерийский полк являлся резервом Главного командования. И хотя оперативно мы подчинялись Закавказскому округу, затем фронту, призвать на фронт могло только Верховное Главнокомандование.

Время шло. Тревожное время. С фронта поступали неутешительные сообщения. Придешь к солдатам, а они спрашивают: “Товарищ политрук, опять оставили город. Когда будем

наступать?” Приходилось говорить горькую правду. Поползли слухи: “Москву сдали” — в связи с переездом ряда правительственных учреждений в Куйбышев. Конечно, были сеятели слухов и паники. Узнав, что Сталин в Москве, воины с уверенностью говорили: “Раз Сталин в Москве, она не будет сда-на”. И когда Сталин был поставлен во главе Вооруженных Сил, воины заявили, что теперь все будет по-другому. Вера в высшее государственное руководство и лично в Сталина была огромной. Можно сказать, что она явилась одним из условий нашей победы. Высшее руководство умело расставило кадры, организовало людей на победу как на фронте, так и в тылу.

В июне 1941 года мне было присвоено офицерское звание “младший политрук” (лейтенант). Я не писал никаких заявлений, не просил. Командование полка “постаралось” за меня. Вскоре я был переведен на должность политрука учебного подразделения, где готовились сержанты и младшие лейтенанты — командиры взводов, а политруком штабной батареи стал Д. А. Горбик. В учебном подразделении я сдружился с начальником Юрием Гончаровым. С ним мы из одного котелка ели и одной шинелью укрывались.

Через некоторое время меня направили на комсомольскую работу — ответственным секретарем бюро ВЛКСМ полка. Эту должность я принял от лучшего своего друга Александра Михайловича Лихового — учителя из города Белая Церковь (Украина). Ныне А. М. Лиховой — полковник в отставке, живет в Одессе. В полку насчитывалось 1300 комсомольцев. Кроме рядового и сержантского состава комсомольцами были все молодые офицеры. Работать было интересно. Способствовал этому подбор комсомольского бюро. В него входили учителя Александр Дренов, Никита Князьков (из Смоленска), Иван Сорока (из Чернигова), Федор Галкин и я — Семен Козьмин (тамбовские). Комсомольское бюро было тесно связано с воинами комсомольского возраста. Мы разъясняли характер Великой Отечественной войны, пропагандировали подвиги наших солдат на фронте. На комсомольских собраниях обращалось внимание на подготовку к боевым действиям, на физическую и моральную закалку.

Фронт приближался к Кавказу. В мае 1942 года Ставка ВГК создала Закавказский фронт на базе Закавказского военного округа. Командующим был назначен И. В. Тюленев, членом Военного Совета — П. И. Ефимов. Несколько раз мы встречались с ними, и впечатление осталось самое благоприятное.

В августе 1942 года противник захватил некоторые перевалы в центральной части Главного Кавказского хребта, в том числе Клухорский перевал. Развернулись бои под Новороссийском, на Туапсинском направлении. Противник рвался к Нальчику, Орджоникидзе. В ноябре 1942 года немцы на этом направлении были остановлены.

Наш 350-й полк не вступал в бой, но в течение месяца он на своем транспорте перевез тысячи тонн снарядов на станцию Шулаверы (Грузия). Склады “высветили” диверсанты.

Боевые действия принимали все более ожесточенный характер. Настало время и для работы артиллерии большой мощности. По приказу Верховного Главнокомандования нашему полку предстояло передислоцироваться под Новороссийск, в район боевых действий.

К новому месту назначения командир полка Ляске направил группу офицеров во главе с начальником штаба В. Герасимовым для проведения рекогносцировки. Одновременно грузились на платформы орудия, и со станции Шулаверы эшелоны уходили в южные черноморские порты. Здесь они грузились на пароходы и под покровом ночи, тумана уходили в море. В пути следования появлялись немецкие самолеты. Теперь солдаты уже видели врага, с которым вскоре предстояло сразиться.

Прибыв в Геленджик, полк быстро выстроился и по дороге Геленджик — Кабардинка проследовал к месту назначения. Здесь нас встретили офицеры, ранее посланные для рекогносцировки. Шли бои. То и дело взрывались авиабомбы, снаряды. Воздух был насыщен пороховым дымом, гарью. Солдаты шутили: вот тебе и Кавказ, курортное место.

Командир полка и начальник штаба собрали офицеров, поставили задачи. Главная — уничтожение долговременных огневых точек противника.

По окраине Новороссийска проходила так называемая “Голубая линия”. Она тянулась до Азовского моря. Эта линия была насыщена дотами. По степени насыщенности долговременными огневыми точками “Голубую линию” можно сравнить с “линией Маннергейма” на Карельском перешейке. Количество этих самых дотов следовало уточнить, а затем все их уничтожить. Кроме нашей артиллерии по укрепрайону наносили удары корабельная артиллерия и авиация.

Полк, заняв огневую позицию, окопался, ушел в землю. Политработники полка находились в дивизионах, разъясняли солдатам обстановку на боевом участке. Мы говорили людям,

что перед нами очень мощная группировка немцев, до 500 тысяч человек, насыщенная боевой техникой.

Пока окапывались, разведка выявляла и уточняла цели, которые обозначались на карте. Работа эта шла днем и ночью, совершались вылазки в логово врага. Для выявления огневых точек противника и корректировки огня нашей артиллерии по ту сторону Цемесской бухты была высажена группа разведчиков в составе сержанта Комаха, рядовых Лобанова и Бережного. Эта группа обнаружила немало огневых точек противника под Новороссийском, засекала движение немецких кораблей по Цемесской бухте. Другие разведчики устанавливали цели в районе цементных заводов.

И вот заговорила артиллерия большой мощности. Стокилограммовые снаряды рвали на куски зацементированные огневые точки немцев. Артиллеристы действовали грамотно, недаром долго готовились, теперь надо было показать себя. И они показывали. А как рядовые действовали, посылая снаряд за снарядом в жерло орудия, какое чувство удовлетворения ощущали при уничтожении укреплений противника! Только и слышалось: первое, второе (орудие) — и взрывы, взрывы.

Группа Комаха обнаружила в Цемесской бухте немецкую подводную лодку. Точная корректировка, данная Бережным, позволила командиру батареи Долгову нанести удар по ней. После этого нашим кораблям легче стало передвигаться по Цемесской бухте.

Здесь я должен сделать отступление и рассказать, что представлял собой рядовой Бережной. В полку он был, пожалуй, самым недисциплинированным. Его все знали как одного из отпетых, “непутевых”. Однажды, еще до выхода полка в бой, обращается ко мне солдат с просьбой принять его в комсомол. Хотя я его знал, все же уточнил фамилию. Все правильно, Бережной.

Стали обсуждать на комсомольском бюро, как поступить. В это время вошел заместитель командира полка по политчасти Л. М. Лаврухин. Уловив суть дела, обратился к нам: “У этого человека нет ни матери, ни отца. С 7 лет он ушел из дома, бродяжничал, попадал в распределители, детдома, интернаты, отовсюду бежал. Не раз был судим. Судьба человека искалечена. Станьте вы ему отцом и матерью, ведь вам это под силу, вы же учителя”.

Нам, признаться, стало неловко. И мы решили принять Бережного в комсомол. Он подружился с нами, стал общи-

тельным, активным. Конечно, приходилось иногда охлаждать горячие головы некоторых командиров, несдержанно относящихся к нему. Бережной стал другим, у него появились друзья среди комсомольцев. И этот солдат первым совершил подвиг, первым в полку был награжден медалью “За отвагу”.

Мне удалось узнать в 1962 году, что Бережной жив, женат, имеет двух детей, обосновался в Ставрополе, за трудовые подвиги награжден правительственными наградами.

Тем временем боевые действия продолжались. Почувствовав, что на фронт пришла новая артиллерийская часть, немцы обрушили бомбовые удары на позиции полка. В течение 15 дней января и начала февраля 1943 года они беспощадно бомбили полк. Начиная с рассвета и до наступления темноты от 50 до 70 самолетов бомбили наши огневые позиции. Все это напоминало землетрясение. Многие укрытия для личного состава были разрушены. Появились убитые, раненые. Паники не было, но были слабонервные. Они устремлялись в горно-лесистую местность и гибли там от пулеметных очередей и разрывов бомб противника. Много было контуженых. Понесла потери и материальная часть. При одной бомбежке было выведено из строя 4 орудия. Два удалось восстановить, два потеряли безвозвратно.

Я уже писал, что в задачу полка входило разрушение мощных оборонительных укреплений немцев. Личный состав полка не ходил в атаку, как пехота, не отбивался от танковых атак. Но бомбежки хлебнул вдоволь.

К началу февраля положение на фронте улучшилось, наши войска одержали победу под Сталинградом. В январе 1943 года Ставка приняла план освобождения Северного Кавказа силами Южного фронта и нашего, Закавказского. Был разработан план отсечения немецкой группировки, наступления на Краснодарском направлении и овладения Новороссийском.

В начале февраля был высажен десант в Малую Озеретку и Станичку. Высадку поддерживала артиллерия с кораблей и наземная. 350-й полк стал взаимодействовать с моряками 83-й бригады морской пехоты. Моряки восхищались меткостью стрельбы нашего полка. Идя в атаку, они просили поддать огонька. И полк огня поддавал.

Не помню, где и как я познакомился с помощником начальника политотдела по комсомольской работе 83-й морской бригады Григорием Гутником. Встретились когда-то и разошлись. И надо же, после войны, уже в 1947 году, в Ленинграде

судьба вновь свела нас. Сажу в аудитории, слушаю лекцию. Невольно повернулся и увидел знакомое лицо. Сосед тоже повернулся и удивился. Так вместе за одним столом мы просидели четыре года, пока не закончили Высший Военно-педагогический институт им. М. И. Калинина.

Бои под Сталинградом закончились пленением 330 тысяч немецких солдат и офицеров во главе с командующим фельдмаршалом Паулюсом. Боевые действия наших войск под Новороссийском не позволили немцам снять с этого участка часть войск и перебросить под Сталинград. Не позволили снять войска и из-под Орджоникидзе.

Бои под Новороссийском изо дня в день становились все ожесточеннее. О них правдиво рассказано в книге Л. И. Брежнева "Малая Земля". Эта книга — своего рода памятник советскому солдату. Она поражает своей жизненной правдой, впечатляющим рассказом о подвиге народа-героя, народа-победителя, проникнута высоким патриотизмом.

Итак, после Сталинграда наши войска устремились на запад. На Северном Кавказе они освободили Ставрополь, Краснодар. А под Новороссийском ожесточенные сражения продолжались до середины сентября 1943 года. Город был освобожден только 9 октября, в нем не осталось почти ни одного целого здания.

В ходе битвы за Новороссийск произошла перегруппировка войск в связи с потерями в личном составе и вооружении. Предстояли новые боевые задачи, а для этого требовались соответствующие силы.

В 350-й ГАП БМ РВГК был влит ранее сформированный в городе Люксембурге аналогичный полк. Произошли изменения в руководящем составе. Отозвали командира полка Ляске, заместителя по политчасти Л. М. Лаврухина, пропагандиста А. М. Лихового. Мне было предписано явиться в политуправление фронта.

Одни воюют, другие готовятся к боям

Прибыл в Тбилиси. Решил привести себя в порядок. Зашел в парикмахерскую. Меня побрили, постригли. Парикмахер сказал: "С вас 12 рублей". У меня была единственная купюра — тридцатка. Подал. Парикмахер положил мою тридцатку себе в карман, сказал спасибо. Так я остался без денег. И так познакомился с одним из кавказских обычаев.

Вообще-то следует отметить, что грузины с уважением от-

носились к военным. Когда наш полк готовился к отправке на фронт, руководство Тбилиси выделило для семей командного состава квартиры на улице Конституции. Я посетил эти квартиры, побеседовал с семьями, рассказал о боевых действиях наших войск.

Или взять такой факт: грузины считали патриотическим долгом выдать замуж за русского офицера любую девушку-грузинку. Сами же они охотно женились на русских девушках.

Вышел из парикмахерской, иду по проспекту Шота Руставели. В глаза бросаются толпы гуляющих молодых людей, работают магазины, кинотеатры, в ресторанах играет музыка. Одним словом, мирный город.

Не доходя до штаба, “напоролся” на коменданта города генерала Маханькова. Он отчитывал полковника за небритое лицо. Но узнав, что это писатель Петр Павленко, смягчил тон и, немного пожурив, отпустил.

Оказалось, что Павленко всю ночь проработал в Ленинской комнате политуправления фронта. Я с ним познакомился на семинаре комсомольских работников. Писатель много внимания уделял патриотической работе. На семинаре он рассказал нам о снайпере-эвенке. Солдат имел несколько наград. Когда Павленко похвалил его, то солдат сказал: “Если бы меня отпустили на побывку домой, я привез бы еще снайперов, которые стреляют лучше меня”. Павленко поговорил с командующим, и эвенка отпустили. Через 10 дней этот солдат привез с собой 8 эвенков, которые бьют белку в глаз.

Очень существенную работу провел П. Павленко по сплочению кавказских народов. По его инициативе в Орджоникидзе прошел митинг старейшин Кавказа под лозунгом “Газават” (Священная война). В принятом к народам Кавказа обращении говорилось: “...Можем ли мы допустить, чтобы немецкие разбойники грабили наши селения, убивали стариков и детей, насиловали наших женщин, поработили наши свободолюбивые народы! Как горные реки не потекут вспять, как прекрасное солнце не перестанет светить над нашей землей, так и черные тучи фашизма никогда не покроют наши Кавказские горы. Не бывать собаке Гитлеру хозяином над нашим Кавказом, над нашей Советской страной. Слушайте нас, своих стариков, свободолюбивые горцы. Подымайтесь все как один, мужчины и женщины, старики и дети...”

Это обращение старейшин сыграло значительную роль в

сплочении кавказских народов в борьбе с немецко-фашистскими войсками в разгар битвы за Кавказ, особенно в период наступления немцев на Нальчик, Орджоникидзе, Грозный, Туапсе.

Битва за Кавказ имела большое политическое и военно-стратегическое значение. Она явилась великим испытанием прочности и нерушимости дружбы народов СССР. Потерпели полный крах надежды фашистских заправил противопоставить народы Кавказа русскому народу.

В то же время я считаю бессмысленным скрывать негативные явления нашей истории. Ведь было же так, что некоторые малые народы не выдержали испытания, и не только содействовали немцам, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях на стороне противника, причем значительными отрядами. Особенно “отличились” чеченцы и ингуши. Воины Закавказского фронта под Гизелью, Орджоникидзе наносили удары не только по немецким войскам, но и по чечено-ингушским боевым отрядам. Весь народ Чечено-Ингушетии воевал? Нет, конечно. Но пострадали все чеченцы и ингуши, когда сталинское руководство выселило их из своих мест.

Итак, я прибыл в отдел кадров политуправления. У начальника отдела кадров полковника Рыбалко находился член военного совета фронта генерал П. И. Ефимов. Меня представил инструктор комсомольского отдела Константин Леднев. Беседу начал П. И. Ефимов: “Знаем вас как опытного комсомольского работника, поэтому решили направить помощником начальника политотдела формируемого соединения тяжелых минометов. Срок ограничен”. Я поблагодарил за доверие, взял предписание и отправился в город Казах (Азербайджан).

Представился начальнику политотдела Шалве Азнауряну, заместителю командира соединения Вартану Кечетжиеву и приступил к работе. Много времени проводил среди личного состава, присматривался к людям, пытался определить, на кого можно опереться в работе. Подобрал хороших комсомольцев, назначил их комсоргами полков. В одном из полков, например, комсоргом стала лейтенант медицинской службы Ольга Февралева. Боевая была и озорная девушка. Под Ростовом поднимала в атаку бойцов, имела несколько наград. Под стать были и другие комсорги — Мария Верескова (подпольная кличка Роза), Александр Сахаров.

Комсомольская организация состояла в основном из солдат армянской, грузинской и азербайджанской национальности. Кроме того, в соединении среди комсомольцев было 45 девушек. Из них только Людмила Сушко имела высшее историческое образование, остальные — школьницы 9–10-х классов. Их готовили для диверсионной работы в тылу врага, а когда отпала в этом надобность, передали в наше соединение.

С чем же я столкнулся? Однажды беседовал с солдатами минометного расчета (все армяне). Зашел разговор о национальной дружбе народов. Вдруг они задают вопрос: а что, и спать будем рядом с азербайджанцами? Да, говорю я. Ай-вай-вай! Тут я вспомнил ре~~зю~~ армян в 1915 году. Сколько же надо работать...

Трудности были связаны и с незнанием этой категорией людей русского языка. Связался с ЦК ВЛКСМ республик. Мне стали помогать литературой на родном языке. Особенно прочная связь была налажена с инструктором ЦК ВЛКСМ Армении Марго Агаджинян. Симпатичная девушка. Сколько она написала писем, сколько выслала литературы!

Когда соединение было передислоцировано в город Кировакан (Армения), мы установили дружественные связи с горкомом ВЛКСМ. Совместная работа помогла в короткие сроки сформировать новое боевое соединение.

Заработала комсомольская организация. На первую комсомольскую конференцию прибыл начальник отдела кадров Рыбалко. После конференции подошел, пожал руку, сказал, что все у нас в порядке.

Однажды на собрание комсомольских организаций полков прибыл из политуправления Константин Леднев с журналистами. Через неделю во фронтовой газете “Красное знамя” появилась полоса с отчетом и фотографиями солдат, выступавших на собрании.

Авторитет комсомольской организации рос. К нам уважительно относились командир соединения полковник Петрушко, командиры полков. Все чаще стали появляться статьи о нашей комсомольской организации во фронтовой газете. Была опубликована и моя большая статья об индивидуальной работе, о работе в расчетах, взводах.

Из обобщенных материалов, которые я посылал в комсомольский отдел политуправления, начальник этого отдела Александр Сказобцев многое использовал в докладе перед комсо-

мольскими работниками в ГлавПУРе; он же опубликовал большую статью в журнале "Агитатор Красной Армии".

И еще хочется поделиться одним воспоминанием. Мне приходилось быть дежурным по штабу, когда дважды приезжал командующий Закавказским фронтом генерал И. В. Тюленев. Я был молод, голос звонкий, грамотно и четко докладывал при встрече. Помню его улыбку, небольшие усики, какой-то добрый взгляд; подаст руку, положит затем ее на плечо, заглянет в глаза. Такое теплое отношение не забывается.

Итак, соединение наше сформировано, имя ему 44-я отдельная Резерва Главного командования минометная бригада. Часто проходили учения с боевыми стрельбами. Отрабатывались боевые действия по уничтожению "батарей противника", велся залповый (144 ствола) огонь для разминирования площади. Душой и организатором боевых стрельб являлся начальник штаба соединения подполковник Головченко. В свое время он был командиром артиллерийского полка, с ним высаживался в Феодосии. Попал в плен, бежал. Прошел проверку и был назначен в данное соединение.

Поступил приказ послать один дивизион в район Орджоникидзе для усиления войск и использования в разрушении снежных завалов на перевалах. Мы подготовили материальную часть, особое внимание уделили морально-психологической подготовке солдат. Для этого, зная огромную силу слова, эмоциональных выступлений, опирающихся на конкретные факты, провели митинг мести. Я был направлен в полк для оказания помощи в проведении такого митинга. Мы собрали письма, присланные с освобожденной территории, выявили свидетелей немецких зверств. После выступления командира полка подполковника Ефремяна слово взял начальник штаба капитан Мельничук. Он воевал в Севастополе. Здесь проживала и его мать. Отбив улицу у немцев, Мельничук бросился к матери, хотел ее спасти. Увы, он опоздал. Подбежав к дому, увидел повешенных жильцов, в том числе и свою мать. Выступление начальника штаба вызвало взрыв гнева.

После Мельничука выступила связистка Гуляева. Девушка небольшого роста, крепкого сложения. По заданию соответствующих органов она была оставлена для подпольной работы в Харькове. Немцы ее выследили, нашлись и те, кто подсказал, что она комсомолка. Гуляеву допрашивали. Убедившись, что она ничего не сообщит, стали ее пытать, вырезали на спине "ремень".

Я помню ее выступление. “Ребята, — взволнованно говорила она, — вот мы говорим о фашистах. Но знаем о них по рассказам да картинкам. Я познала, что собой представляет фашизм”. Быстро сбросив шинель, гимнастерку, Гуляева повернулась спиной и каким-то надрывным голосом крикнула: “Смотрите, вот что собой представляет фашизм!” Солдаты, увидев “ремень”, буквально подняли рев. Взрыв гнева, топот кирзовых сапог, стук прикладов автоматов.

С таким морально-психологическим настроем дивизион и выехал на выполнение боевого задания. Меня направили от политотдела сопровождать дивизион. Познал Военно-Грузинскую дорогу. Выполнив задание, я вернулся в свое соединение. Но вскоре вновь пришлось с ним расстаться.

В глубокий тыл за знаниями

Меня отозвали в политуправление, сказали, что я не имею военного образования, поэтому должен начать учиться. И я поехал. А соединение, в формирование которого немало было вложено моего труда, вскоре вступило в бой под Кенигсбергом. Но без меня. Я прибыл на учебу в Высший Военно-педагогический институт.

Возглавлял институт генерал-майор Афанасьев — образованный, высокой культуры человек. Общительный и обаятельный, он своим отношением сглаживал трудности армейской жизни. Высокой квалификации был и преподавательский состав. Полковники Мурзинцев, Горемыкин в свое время обучались в Институте Красной профессуры, слушали выступления В. И. Ленина. Весьма знающими были преподаватели военных дисциплин. По тактике — подполковник Попов, по огневой подготовке — полковник Гурьев. Он участвовал в Карпатской операции, проведенной под руководством генерала Брусилова в 1916 году.

Как крестьянин по окончании войны с неистовым рвением приступает к работе на земле, так и я, крестьянский сын, со рвением приступил к учебе. Нагрузка была большая, особенно по общественным дисциплинам. Учился я отлично и по окончании получил диплом с отличием.

Но вот учеба окончена. Подан поезд, заполнены вагоны. У генерала Афанасьева задумчивый, грустный взгляд. Он прощался с нами, мы едем на фронт. Кто знает, сколько нас останется в живых? Поезд часто останавливался. Печать войны лежала на лицах женщин и детей. Я детям раздал весь сахар, который нам выдали на дорогу.

Конец войне. Москва. Салют

В начале апреля 1945 года прибыли в Москву. Поселили нас в здании Московского военно-политического училища, где размещался резерв ГлавПУРа.

В это время наши войска вели ожесточенные бои за Берлин и Будапешт. Сразу были сформированы две группы и направлены на фронт. Политработников-артиллеристов пока не трогали. И надо же случиться: у меня отнялись ноги. Я не ходил. Думал — все, конец, песенка спета. Меня усиленно лечили в поликлинике, дважды возили в Главный военный госпиталь.

В резерве свободного времени много. К нам часто приглашали известных ученых, общественных деятелей.

В мае, 7 или 8 числа, с лекцией выступил известный ученый, доктор технических наук генерал-лейтенант Покровский. Под конец лекции, прижав палец к губам, сообщил: “Товарищи офицеры, только тихо, война окончилась”. Мы пренебрегли предупреждением, так крикнули “ура”, что люстры задрожали.

К концу дня из ГлавПУРа вернулся капитан Василий Глозов. Мы учились вместе, он, как и я, был комсомольским работником. В комсомольском отделе ГлавПУРа Глозов по радио услышал речь У. Черчилля, посвященную окончанию войны. Говорил он и о роли Советской Армии в сокрушении врага.

Все это постепенно убеждало, что с войной действительно покончено. Ночью не спалось. Переговаривались. Примерно в 3—4 часа раннего утра 9 мая улицы Москвы стали заполняться людьми. Днем на Красной площади было уже тесно. Люди ликовали. Появлялись военные. Их качали и “накачивали” водкой...

День прошел в каком-то мучительном томлении. Стал ощущаться спад нервного напряжения, порожденного войной. К вечеру товарищ по общежитию пригласил пойти с ним на Красную площадь. Но у меня еще болели ноги. Посоветовались с врачом. Он не только не стал возражать, но сказал, что Красная площадь окончательно вылечит. Там, на площади, мы протиснулись в среднюю колонну. Всего их было три. Было так тесно, что я подгибал ноги, и меня буквально нес людской поток. Навсегда запомнились восторг, пляска, пение, ликование и слезы москвичей. Все смешалось в поведении этих пострадавших людей.

Мне посчастливилось увидеть первый салют Победы. Раз-

ноцветные огни как бы кольцом обнимали Красную площадь. По Красной площади прокатывались волны восторга, сплошным гулом звучало “ура!”.

В общежитие вернулся часов в шесть утра. Возбужденное состояние не позволило уснуть. Часа в два дня нам объявили: кто желает, может пойти в Дом Союзов для прощания с начальником ГлавПУРа, секретарем ЦК и МК А. С. Щербаковым. Мы все пошли проститься с этим выдающимся деятелем нашего государства, столько сделавшим для победы над врагом. Впервые я увидел траурный зал Дома Союзов. У гроба стояли Молотов, Микоян.

Утром 11 мая начальник резерва предупредил: группа майора Двизова не должна отлучаться. Я и не знал, что давно сформирована группа под руководством Двизова в количестве 21 человека. В 12 часов дня подъезжает автобус. Нам приказали взять вещмешки и садиться в автобус. Приехали во двор Генерального штаба. К нам вышли два генерала. Один – генерал-полковник (фамилию не знаю) сказал: “Товарищи офицеры, мы осведомлены о вас, знаем, что вы хорошо воевали, честно выполняли воинский долг. Мы надеемся, что и новую боевую задачу вы выполните с честью”.

Одна война закончилась, едем на новую войну.

Такова жизнь военных

Усаживаемся в автобус, переглядываемся. Куда путь дальше? Привезли на Ярославский вокзал. Поезд уже стоял. Нашей группе отвели отдельный вагон. Предупредили, чтобы в пути никого в вагон не брали. Документы не дали, сказали, что нас встретят.

Мчится поезд по просторам нашей Родины. Свердловск, Иркутск, Чита, множество других станций и городов. А какие реки: Обь, Енисей, Амур. Проезжая трехкилометровый мост через Амур под Хабаровском, увидел мощный накат волн этой могучей реки. Вспомнилась песня В. Румянцева “Амур наш батюшка”: “Шуми, шуми, Амур наш батюшка! Волнуйся подо мною, океан”. Океан... эта гипербола отражает мощь дальневосточной реки.

На 10-й день, как выехали из Москвы, поезд остановился на станции Хабаровск. Вошел полковник, спросил, здесь ли группа Двизова. Ответили. Он приказал выходить. После бани нас привезли на станцию Второй Хабаровск, где располагалось военно-политическое училище.

Часа через два со мной беседовали полковники Ласкин из ГлавПУРа и Григорьев — начальник отдела кадров политуправления Второго Дальневосточного округа. Предложили должность пропагандиста танкового соединения. Я возразил, сказал, что я — артиллерист, могу за командира действовать. Ласкин в ответ заявил, что политработник пригоден для работы во всех родах войск. Пришлось подчиниться назначению в танковые войска. Тут же получил предписание отправиться в Биробиджан, в политотдел 15-й армии генерала Мамонова.

В политотделе меня принял начальник отделения пропаганды армии подполковник Минеев — культурный и образованный человек, обаятельный, спокойный. Он произвел на меня очень благоприятное впечатление. Минеев спросил, что нам сказали, направляя на Дальний Восток. Я ответил, что генерал выразил надежду, что мы удачно выполним боевое задание. “Теперь все ясно”, — сказал Минеев.

Затем меня представили начальнику политотдела полковнику Милютину, после чего я выехал к месту назначения. Танковое соединение располагалось на станции Корфовская, в 30 километрах от Хабаровска.

Представился командиру соединения полковнику Ушило и начальнику политотдела подполковнику Мацегоре. От Мацегоры узнал, что в соединении давно нет пропагандиста.

В первую очередь я решил познакомиться с танкистами. Они мне понравились своей общительностью, хорошо меня приняли. Но я пришел в ужас, когда увидел, что на вооружении Т-26 (легкие танки). Неужели с этой техникой придется воевать? Своими впечатлениями поделился с полковником Ушило. Он был такого же мнения. Соединение воевало под городом Калинином, понесло большие потери. И вот с 1943 года стоит здесь. Однако дней через пять к нам стали поступать Т-34 с новой 85-миллиметровой пушкой. Новая техника ободрила танкистов.

Я составил план работы с учетом подготовки к боевым действиям. Дел было невпроворот. Семинары с руководителями политзанятий, агитаторами, занятия с офицерами, выступления в батальонах перед танкистами.

В начале июля был получен приказ от командующего бронетанковыми войсками округа Демёхина. Он требовал срочно сформировать ударный батальон. Вместе с заместителем начальника политотдела А. И. Бондаренко мы укомплектовали батальон личным составом. Экипажи подобрали из коммунистов и

комсомольцев, перемешав участников войны с теми солдатами, которые еще не воевали, обеспечили танки опытными механиками-водителями. Это действительно был ударный батальон. В него было вложено все лучшее.

Вскоре пожаловал генерал Демёхин. Поинтересовался подготовкой батальона, похвалил за проделанную работу и тут же приказал полковнику Ушило достать из сейфа пакет с определенным номером. Ушило вскрыл пакет и побледнел. Батальону объявлялась тревога и указывалось место сосредоточения — станция Второй Хабаровск. Там уже стояли платформы. Батальон погрузился и направился во Владивосток, а затем пароходом в г. Александровск на Сахалине. На Сахалине батальон (командир майор Коровин) принял участие в прорыве линии “Карафута”, разделявшей Северный и Южный Сахалин.

А ведь полковник Ушило был убежден, что этот ударный батальон будет его опорой. Он загрустил. Мы успокоили полковника: опытные и знающие люди еще остались. И действительно, мы сформировали еще три батальона. Позднее будет сформирован четвертый резервный батальон под командованием старшего лейтенанта Дружинина. В его формировании я принимал непосредственное участие.

Соединение сформировали в короткий срок из 4 танковых батальонов Т-34, одной танковой роты Т-26 (командир старший лейтенант Чухляев), мотострелкового батальона и других подразделений. Это было мощное соединение. В середине июля 1945 года поступил приказ нашему соединению сосредоточиться в районе Падь Тигровая, в лесу среди сопок.

Я был назначен заместителем командира первого эшелона. Двое суток не спал. Но привычка не спать была уже выработана. Перенес все. Разгрузились на станции Унгун, по дороге Биробиджан — Ленинское (на Амуре). В Пади Тигровой мы пробыли три недели. Проводились занятия. Я изучал танковое дело. Научился водить Т-34, Т-26. Находясь среди танкистов, постоянно уделял внимание разъяснению обстановки, подводя их к готовности вести боевые действия. Рассказывал о поведении воина в бою, о том, как важно знать свое дело, быть физически выносливым, проявлять смелость в бою.

Для офицеров прочитал лекцию о роли в бою морального фактора. Особо выделив мысль, что побеждает тот воин, который хорошо знает военное дело, физически развит, обладает высокими морально-боевыми качествами. Эта лекция по-

направились командиру соединения. Отношения у нас сложились самые благоприятные.

Но я испытывал затруднения в работе. Нужна была постоянная информация, а как ее получить в полевых условиях? Обратился к полковнику Ушило. Он выделил мне радиостанцию с радистами. Радиостанция была направлена на определенные волны, и я регулярно получал необходимую информацию, которую немедленно доводил до танкистов.

Путь держим в Китай. Разгром Квантунской армии

Восьмого августа из политотдела 15-й армии к нам пришел майор Христинч. Сообщил, что будет передаваться важное правительственное заявление. Я дал указание радистам: как только будет передано заявление правительства, немедленно доложить мне. Часов в 5 утра 9 августа радисты принесли мне запись правительственного заявления. Это было наше объявление войны Японии. Напомню, что договор СССР с Японией о ненападении был денонсирован 5 апреля 1945 года. Сразу же передал заявление командиру соединения и начальнику политотдела. Провели митинг по разъяснению заявления и отправились в путь. Я находился в резервном батальоне.

Итак, война, а на войне все надо делать по-военному. Марш колонн был трудным из-за обильных дождей. Дороги размыло. Река Бира вышла из берегов, пришлось форсировать ее и днем, и ночью. Утром 9 августа я получил телеграмму — срочно явиться в поселок Благословенная на берегу Амура. Вместе с А. И. Бондаренко на попутных машинах, лафетах артиллерийских стволов мы добрались до назначенного пункта.

Выкупались в Амуре, смыли грязь и пот. Из поселка Благословенная рано утром 9 августа начала переправляться через Амур 34-я стрелковая дивизия генерала Демина. Эту дивизию поддерживало танками наше соединение. На переправе не все прошло гладко. Плот с 24 солдатами и лошадьми посреди Амура перевернулся, и река поглотила все, что было на нем.

Дивизия продвигалась с боями, японцы оказывали упорное сопротивление. Особенно горячие бои развернулись за город Сентсянжень. Здесь у японцев были созданы опорные пункты из дзотов. Оборонялась дивизия, в большинстве состоящая из “смертников”.

Генерал Демин запросил у нас помощи. Мы могли срочно

переправить только легкие танки Т-26 старшего лейтенанта Чухляева. Рота Чухляева быстро достигла указанного пункта и с ходу прямой наводкой стала бить по укреплениям японцев. Японцы не выдержали, бросились в бегство. Уцелели те, кто через болотистую местность смог убежать в горы. Остальных танкисты расстреливали, давили. Путь в несколько десятков километров был усеян трупами, дорога полита кровью.

Настала очередь переправляться и нам. Наша политотдельская машина переправилась к вечеру 9 августа. На плот поставили танк, машину. Плыли я, А. И. Бондаренко и секретарь политотдела Шура Быстрова. Плыдем, обходим островок на Амуре. Никто не разговаривает. И вдруг Шура такой издала вздох, что все мы встрепнулись. Оглянулись. Шура это заметила и жалобно сказала: “Эх, мамка, знаешь ли ты, где я?” Мне стало не по себе. И Шура, и все мы думали о том, что нас ожидает. Ведь мы вступаем на чужую землю. Плот причалил к берегу у города Лобей. Здесь японские снайперы “сняли” немало солдат 34-й дивизии.

Тихо. Темно. Рядом с войсками нашего соединения чей-то медбатальон. Жжем костры. Солдаты обнаружили поле с луком. Лук зеленый, сочный. Наелись вдоволь.

Наш командир полковник Ушило предложил заглянуть в мазанки, посмотреть, как живут китайцы. Заглянули в одну мазанку. Нищета, какой я еще не видел. В другой мазанке обнаружили двух полунагих женщин. Опять одна нищета. Наши девушки-связистки и медики собрали кое-что из одежды, прикрыли наготу несчастных китайцев.

Надо отметить, что за все время пути я не увидел ни одного японского самолета. Подумал, что японцы не умеют воевать или дураки, что не бомбят нас. Оказалось, что рано утром 9 августа наша авиация разбомбила все аэродромы японцев, оставив их без самолетов.

Добрались до города Яндана. Был солнечный день. Население высыпало навстречу нашим войскам. Начался митинг. Я стоял близко от выступающих. Но говорили на китайском языке, я ничего не понял. По окончании митинга ко мне подошли два китайца, на ломаном русском языке поприветствовали нашу армию, вручили два листка с просьбой передать признательность китайцев Советскому правительству.

Я взял их заявление, мы пожали друг другу руки. И вдруг слышу: капитана, капитана, шанго (хорошо). Заявление китайцев я передал представителю политотдела 15-й армии майо-

ру Христичу. Не знаю, какова дальнейшая судьба китайского послания, но уверен, что политотдел 15-й армии передал его по назначению.

Продвигались мы медленно. Рыхлая заболоченная местность сковывала наше движение. Если танки проходили по такой почве, то колесный транспорт мы вынуждены были пускать по железнодорожной колее. Препятствием явились реки и речушки. Мосты японцы вывели из строя, и каждую речку пришлось форсировать.

Достигли города Хаолигань. Самолет выбросил вымпел. Нам предлагалось сосредоточиться. Пока танки подтягивались, я решил немного отдохнуть, ибо мы продвигались двое суток без сна, основательно вымотались. Только заснул, сквозь сон слышу шум. Рука потянулась к пистолету. Встал, осмотрелся. Вижу — солдаты обступили китайскую арбу. На ней сидит японский солдат, лицо синее, наверное, били. Сзади арбы на проволоке привязаны 5 человеческих ушей. Я где-то читал, что самураи практикуют такое, выслуживаясь перед начальством. И подумал, что эти уши японец отрезал у наших солдат. Дал команду командиру отделения разведки сержанту Косминину пустить японца в расход.

Китаец стал возражать. Тогда я потребовал объяснить, что все это означает. Китаец на пальцах показал, что было 8 японцев, 5 — бамбук (убили); 2 — ходи, ходи (убежали); 1 — вот пружина (лошади тяжело); чик-чик (отрезали 5 ушей, по одному у каждого убитого японца), везем коменданту. Получив разъяснение, удивились восточному варварству. Китайца отпустили.

Подходил к концу обед, мы должны продолжать движение. Но тут возникла еще одна неприятность. В городе Хаолигань остановился маршевый батальон 34-й стрелковой дивизии. Этот батальон перепился и напоминал банду анархистов. В беседе с командиром батальона, майором, фамилию которого я не запомнил, выяснилось, что батальон вышел из подчинения. Посоветовал дать команду “Становись!”. Команду майор дал, но солдаты его не слушали. Тогда я вызвал два танка, один выехал вперед, другой остановился возле меня. Дал команду “Становись!”. Пьяная орда поняла, что может случиться непредвиденное. Скомандовал “Смирно!”, “Налево!”, “Шагом марш!”. И зажатый танками батальон (спереди и сзади по танку) двинулся в путь. В длительном марше без отдыха дурь выдохлась, и майор вновь стал управлять батальоном.

От Хаолиганя мне было поручено вести колонну автомашин. За сопкой колонна была обстреляна. Я стоял на подножке машины. Ногу обожгло, в сапоге стало мокро. Я ранен. В безопасном месте врач прочистил рану, сделал перевязку — и опять в путь.

К вечеру мы вступили в город Сентсянжень. Он был взят дивизией с помощью наших танков. Нам дали команду заночевать, отдохнуть. Отдыхать не пришлось. Всюду слышалась стрельба, японцы делали вылазки. Но перед утром все же заснул. Меня разбудили. У медпункта стояла колонна, человек 150 китайцев. Они пришли, чтобы получить медицинскую помощь. Я увидел: простреленные ноги, руки, вырезанные на спинах “ремни”, на лбу — звезды. Это были люди из концентрационного лагеря, созданного японцами для китайских коммунистов. Осмотрели этот лагерь. Жуткая картина. Там остались еще три человека, которые не в силах были подняться. Наши медики промыли им раны, перевязали. С какой благодарностью смотрели на нас эти несчастные люди!

Здесь встретились и с таким мерзким явлением, как публичный дом для японских солдат. Побеседовав с обитателями этого дома, мы решили его уничтожить. Очереди из автоматов заставили всех находившихся в этом заведении покинуть его.

Эти два явления лишний раз убеждали: фашизм одинаков, что немецкий, итальянский, что японский. У него одни нравственные корни.

Приняв по радиции сообщение о том, что США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки, я связался с редактором дивизионной газеты и передал ему данную информацию. Она была немедленно отпечатана, и войска узнали об этом непредсказуемом действии США.

Несмотря на то, что мы и США воевали против общего врага — Японии, действия союзников по применению атомного оружия в восторг нас не привели. Более того, они вызвали уныние и раздражение.

Осмывлив случившееся, проанализировав складывающуюся обстановку, в беседах с офицерами и активом я прямо говорил: никакой необходимости в применении атомного оружия не было, это сделано не столько в целях ускорения окончания войны, сколько для устрашения Советского Союза. Как стало известно позже, Гарри Трумэн имел именно это в виду.

Наше движение продолжалось. Путь лежал на город Дзямус и далее на Харбин. Впереди шла 34-я стрелковая дивизия,

поддерживаемая танками нашего соединения и инженерной частью, авиацией. Нас поддерживал противотанковый истребительный полк, за нами шли другие подразделения. Эту мощную колонну, а она была не единственной, японцы сдержать не могли, сопротивление было бесполезным.

В войне с Японией был учтен опыт Великой Отечественной войны. Японские войска в Маньчжурии были зажаты с трех сторон: с Монголии шел Забайкальский фронт под командованием маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского; с Приморья — Первый Дальневосточный фронт под командованием маршала Советского Союза К. А. Мерецкова; рядом с ним шел наш Второй Дальневосточный фронт под командованием генерала армии А. М. Пуркаева. Координировал действия трех фронтов представитель Ставки Верховного Командования, выдающийся полководец, Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Все это позволяет сделать вывод: наше командование подготовилось к этой войне основательно. Японская миллионная Квантунская армия стремилась оказать серьезное сопротивление, но сила была не на ее стороне.

Но это не означает, что японцы не оказывали сопротивления. Особенно сильно сопротивлялись они войскам Первого Дальневосточного и Забайкальского фронтов. Преодолевали сопротивление Квантунской армии и войска Второго Дальневосточного фронта. Но сила сломила силу, и японцы сдались, были пленены.

Надо поведать и еще об одной особенности: с нами рядом, справа, по берегу реки Сунгари шли войска Народно-революционной армии Китая, а слева — армия Чан-Кай-ши. И если мы вырывались вперед, то две китайские армии вступали в бой между собой. Приходилось разнимать.

Третьего сентября 1945 года войска нашего направления достигли пригорода Дзямуса. Нам следовало форсировать реку Сунгари (мост через нее был взорван), вступить в Дзямус и держать путь на Харбин. Вдруг получаем телеграмму: движение войск остановить, Япония капитулировала. И началось: стрелковая дивизия, наверное, расстреляла все боеприпасы, салютуя победе. Из пистолетов постреляли и танкисты, я тоже не удержался. Конец и этой войне. Нервное напряжение спадает.

Однако то в одном, то в другом месте прорывались японцы, завязывалась перестрелка. К нам прибежал один из командиров Народно-революционной армии Китая и сообщил о движении по реке Сунгари японского отряда в 800 человек.

Попросил помощи. Командование отправило в помощь китайцам известную уже роту легких танков старшего лейтенанта Чухляева. Часа через два колонна японцев была обезврежена совместными действиями танкистов и отрядов Народно-революционной армии Китая. Ее силы оказали нам немалую помощь в уничтожении разрозненных групп японцев.

Вечером 3 сентября в наше расположение прибыл ансамбль песни и пляски Второго Дальневосточного фронта. Ранее у нас была агитмашина Дома офицеров, начальником которого был Н. Е. Филоненко (после войны с Японией Н. Е. Филоненко многие годы работал начальником Дома офицеров УрВО). Для наших танкистов был дан концерт. Мы раскрыли борта двух машин, соорудив таким образом сцену. Танкисты уселись на сопках. Концерт начался песней “На сопках Маньчжурии”. Мы сидели на сопках Маньчжурии, наслаждались одноименной любимой песней. Какое чувство, какая сопричастность к событиям! Концерт поднял настроение. Возбужденные танкисты не раз просили повторить песню “На сопках Маньчжурии”. О тех памятных днях сентября в 1960 году в газете “Красный боец” была опубликована моя статья под названием “На сопках Маньчжурии”.

Итак, нашей победой над Японией закончилась Вторая мировая война. Изнурительные тяжелые четыре года войны с Германией и Японией подорвали здоровье и у молодых людей. Ощущалось нервное и физическое истощение. Я вновь подумал: все, конец, теперь-то, солдат, бери шинель и марш домой.

Во время этих размышлений ко мне подъехал на лошадке офицер, осведомился, где находится командир танкового соединения полковник Ушило. Он был недалеко. Показал рукой. Вестовой вручил командиру пакет, мы все смотрим на полковника, по выражению его лица поняли: что-то серьезное. Так оно и было. Вскрыв пакет, Ушило сказал: “Нам предлагается сосредоточиться на станции Унгун и оттуда держать путь во Владивосток и далее на Сахалин”. Пришлось надеть шинель, затянуть ремнем и продолжить нелегкую послевоенную службу.

***

Минуло много лет. Фронтовики вспоминают и осмысливают минувшее. Что позволило одержать нам столь нелегкую победу? Безусловно, главная роль в разгроме войск гит-

леровской коалиции принадлежала человеку. Советский воин беспредельно любил свою Родину. Любовь к Родине, к родительскому очагу укрепляла силы солдат. Единство фронта и тыла, армии и народа — вот та сила, что позволила нам победить врага.

На войне чувства проявляются обостреннее. Человек вспоминает свою малую родину, семью, близких. Для меня самыми близкими были мама и моя жена. Они поднимались и ложились, вспоминая меня. Они каждый день ожидали от меня письма, а я от них.

Сейчас особенно это оцениваешь. Недавно заглянул в папку жены, там подшиты мои письма из армии и с фронта. Их 387. Это столько я написал с ноября 1939 по ноябрь 1945. От жены, из дома я получил не меньше. Прочтешь письмо, узнаешь все о доме, родных, отвлечешься, подумаешь, и на душе становится легче.

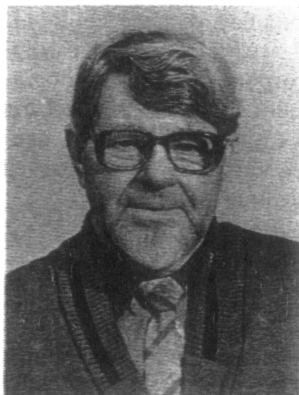
Советский человек, воин армии, черпал силы в социалистическом строе, в котором он жил, этот строй был самым справедливым. Благодаря советскому строю, единой социалистической экономике руководство страны, коммунистическая партия сумели мобилизовать все силы страны на разгром врага. Как нельзя ладонью закрыть солнце, так никому не удастся умалить роль советского народа в его великой Победе.

Вадим Николаевич Фоминых, кандидат экономических наук, профессор Уральского государственного университета, гвардии сержант, участник Великой Отечественной войны

Была война...

Мясной Бор

Многим уральцам это местечко известно благодаря поисковым экспедициям наших детей. В летние каникулы они предпочли беспечному отдыху не по-детски тяжелые раскопки в далекой Новгородчине. Их усилиями преданы земле сотни останков солдат Великой Отечественной. Готов расцеловать каждого мальчонку и каждую девчонку за этот благородный патриотический поступок.

Мясной Бор... В глазах и сейчас стоит заснеженное поле с брошенным паровозиком в стороне. Здесь-то и началась моя фронтовая жизнь. Необстрелянными мальцами только что сформированного 28-го минометного полка “катюш” мы прибыли сюда в апреле сорок второго, не подозревая, конечно, в какую мясорубку сразу попали. Именно в эту точку упирался “живой” коридор (метры и километры

израненной земли по несколько раз переходили из рук в руки), через который вначале произошел прорыв фронта Второй ударной армией, а позже выход из окружения ее бойцов и офицеров. Это сейчас мы знаем, что к чему, а тогда...

Я был простым сержантом. В разработке военных операций, естественно, не участвовал, видел войну “со своей кочки”, может, поэтому и сегодня не люблю смотреть про нее фильмы, пронизанные героизмом и патетикой. Для меня война была и осталась в памяти как тяжелый изнурительный труд и жизнь в нечеловеческих, экстремальных условиях смертельной опасности и невыносимых лишений.

Вот и тогда, в сорок втором, боевые установки заняли огневые позиции еще по снегу, а тут весна, не просто дороги размыло, а вскрылись волховские болота — ни одна грузовая машина пройти к огненным не могла. Пришлось 42-килограммовые мины таскать на себе восемь километров по бездорожью, проваливаясь в грязь по щиколотку, а то и по колено. Голодными, кормили нас баландой, так называли четверть котелка жиденького горохового концентрата. Обсушиться негде, жили в шалашах из хвойных веток, землянку в болоте не выкопашь. Помню, в майский солнечный день вместе с баландой впервые выдали нам по сто грамм наркомовских. Что с ними делать? Кто-то предложил: давайте выльем в чай. И вдруг так явственно потекло по телу тепло и какое-то блаженство. Только что вернулись из очередного броска со снарядами. Таскали мы их как рюкзаки, привязав к минам лямки. Однажды остановился отдохнуть, поставив как всегда хвостовое оперенье на пенек. Постоял чуток, только собрался шагать дальше, а мина возьми да и опрокинься назад вместе со мной... Пронесю, слава богу, хотя, случалось, и взрывались — колпачок-то боевой головки как игрушечный.

Удивляюсь и по сей день, почему судьба была ко мне милостива. Был минометчиком, в рукопашную не ходил, хотя свист пуль над головой испытал: искал обрыв телефонного провода, выскочил на полянку — тут они и засвистели, полз по ней как крот. Про обстрелы и бомбардировки не говорю, эта “музыка” сопровождала нас днем и ночью, так к ней привыкли, что не замечали, пока воющий звук не вонзался прямо в тебя. Человек, оказывается, ко всему привыкает. Страха не было, кроме одного анекдотичного случая: однажды в середине войны отвели наш 231-й дивизион от линии фронта на двести недель, за этот срок так “оглох”, что, когда вернулись и попали под очередной обстрел, вцепился в землю, готов был взвыть от страха. Это прошло быстро.

Не всем везло как мне. Не забуду раненого однополчанина, корчившегося от боли на земле, наклонился к нему и вдруг слышу: “Сержант, убей меня!” Рука не поднялась, выжил ли? Сам оставил на войне зубы. Чуть осколок не проглотил. Ночью захотелось пить, вылез из землянки, котелок с водой стоял у входа, только приложился к краю — как хажнет: боль, кровь, мелькнуло — “все”. Осколок пробил дно и ушел куда-то, не задев головы, краем котелка ряд зубов как срезало. Даже ранением этот случай не признается. А в Шолохово, на НП

(наблюдательном пункте) напротив Новгорода землянку стало затапливать водой, перебрались в другую, наутро посмотрим, нашей-то нет, на ее месте воронка. До того здесь же хоронили нашего разведчика Шоху: прямое попадание в дзот, где вели они с товарищем наблюдение через стереотрубу. И дзот, и их тела разнесло в клочья — Шоху опознали по медной бляхе ремня. Смерть караулила на каждом шагу. Меня, спасибо, она минула, оставив в живых.

Оборонное лихолетье

Первый наступательный удар Советской Армии под Москвой отбросил фашистские соединения на линию реки Волхов. Наши войска вдоль нее перешли в длительную (на два года) активную оборону. Волховский фронт, в который влился наш полк, имел задачу отстоять Ленинград, не сдать его врагу. Отстояли, блокада города была снята совместными усилиями двух фронтов.

Мы, рядовые воины, остались сыты по горло оборонным лихолетьем. Дивизионы полка часто действовали отдельно, постоянно перебрасывались из одной армии в другую, туда, где было горячее, — наши ли стремились прорваться, немцы ли пытались пробить оборону. Плацдарм восточнее Новгорода, Мясного Бора, Спасской Полисти, Любцов, Званки изъезжен нами вдоль и поперек, а это места сильно заболоченные, непроходимые для автотранспорта. Каких только мытарств не натерпелись! Машины чуть ли не на руках таскали, вываживая их при пробуксовках. Огневые позиции, как правило, располагались в стороне от проезжих дорог, приходилось прокладывать через лес лежневки, настилы из бревен — дороги-временки в никуда, к лесным опушкам. Рубили лес, очищали от веток, таскали бревна, укладывали их, закрепляли подручными средствами на плохо выровненной почве. Адский труд, в котором участвовали все свободные от дежурства независимо от воинской профессии — огневики, телефонисты, разведчики. А сколько доставляло хлопот обустройство на каждом новом месте: маскировка, укрытия, шалаши, землянки и нонпарели для боевых машин, если позволяла почва.

Оборонка досадна и тем, что свято поддерживались армейские порядки: учебные занятия, политинформации, проверки. Известно, армейская дисциплина держится на том, что солдата лишают свободного времени или сводят его к миниму-

му. Так было и у нас: всё что-то мы строили, чистили, драили. Взять, к примеру, боевую установку, что она из себя представляла? На автомашине (американском “студебекере” или нашем ЗИС-6) крепилась ферма из переплетения необработанных ржавых труб, несущих пакет из восьми направляющих для шестнадцати мин. Сколько мы скребли и красили эти трубы! Короткую консоль для прицела отполировали так, что можно было в нее смотреться как в зеркало. Меня, избранного комсоргом батареи, допекал еще комиссар, был у нас в то время такой Иван Иванович; без конца заставлял меня рисовать лозунги на крышках ящиков из-под снарядов, оформлять “красные уголки” да писать планы работы и отчеты о их выполнении.

— Товарищ комиссар, так эту беседу не проводили.

— А ты пиши — состоялась, дату проставь и количество присутствовавших.

К моему счастью, скоро институт комиссаров ликвидировали и нашего отправили на переподготовку.

В своем дивизионе за фронтовые годы я, можно сказать, все службы прошел. Прибыл радистом (еще в Свердловске окончил 2-е радиокурсы), но пробыл им недолго, так как вначале наши боялись пеленгации радиосвязи. Переквалифицировали меня в телефонисты. Веселенькая работенка. Перемещались часто, и каждый раз — катушку на плечо и тянешь провод напрямик по бездорожью в любую погоду, да бегом, бегом, ведь без тебя, без твоей связи вся батарея небоеспособна. А провода эти проклятые имеют свойство рваться (танк ли прошел, снаряд разорвался, да мало ли что, когда все в движении) — и снова провод в руку и бегом. Дежурство на телефоне тоже не сладко, все на нервах: приказ всегда срочный, а что там на другом конце проволоки... Несладко и тогда, когда спокойно на линии; от усталка, недосыпа наваливается на тебя сон, а поддаться ему — смерти подобно.

В конце сорок третьего понадобилось — перевели меня в командиры орудия, со своей боевой установкой участвовал в освобождении Новгорода, Пскова. Позже, уже в Прибалтике, до конца войны — стал командиром топовычислительного отделения. Когда демобилизовался в Выборге, из красноармейской книжки, врученной мне, узнал, крайне удивившись, что я уже старшина (по должности) вычислительной команды штаба полка.

Сержанта мне присвоили по окончании двух радиокурсов. Это предопределило судьбу быть командиром отделения. Не

велика шишка, но под твоим началом шесть — восемь человек, на тебе ответственность за каждого. Признаюсь, было не просто мне, вчерашнему школьнику: людей-то повстречал разных и по возрасту, и по жизненному опыту. Сам удивляюсь, но как-то умел ладить с ними, находить взаимопонимание. Очень жалею, что не знаю послевоенной судьбы дорогих мне Кондратьева, Ненаших, Андреева и многих других бойцов, с кем пуд соли съел. Конечно, все эти годы были для меня школой, которую ничем не заменишь. С тех пор, пожалуй, во мне осталось убеждение, что нет ценности выше, чем простое душевное участие к тому, кто рядом.

Жизненным примером остался в моей памяти лейтенант Артамонов — начальник батарейной разведки. Сколько раз он меня выручал, вызовом на НП спасал от комиссара и ежедневной муштры. Вооружившись стереотрубой, по его поручению рисовал панораму древнего Новгорода, который отсюда, с Шолохова, представал весь как на ладони. Время коротали в бесконечных беседах и спорах “за жизнь”. У Артамонова на нее сложился очень неординарный взгляд рабочего, которым он был на гражданке. Любил его за откровенность со мной. Трезвый ум сочетался в нем с романтикой. “Почитай, сержант”, — просил на ночь. Под рукой была книжка М. Горького, и я с упоением читал вслух про Лойко и Радугу, девушку и Смерть. Читатель, возможно, подумает, что старик совсем рехнулся: о чем пишет? Живуч стереотип: если про войну, то непременно про бои, атаки, стрельбу, кровь. А война была нашей юностью (я ушел в 17, вернулся в 21), нашей жизнью, ничто человеческое нам не было чуждо. Артамонов погиб нелепо: при очередной попытке освободить Новгород (их было немало) он пошел, хотя в том не было острой необходимостью, в пехотной цепи, поднялся в атаку — тут его и прошило пулеметной очередью. Ночью мы вытащили его с нейтральной полосы и похоронили. До сих пор ношу в себе горечь утраты.

Врать не буду, фронтовые будни редко радовали, всего тогда насмотрелись и натерпелись. Одно время был у меня в отделении солдат, которого я втайне побаивался. Мой ровесник, но уже потрепанный жизнью, чуть что не по нему, совал мне в лицо два пальца, сложенных рогаткой: “Глаза выколю!” И мог бы. Армейского произвола натерпелся со своими радистами еще по дороге на фронт. Из-за пустяка, казалось бы. Взводом управления командовал офицер, у которого было все “с иголочки”. Вот повадился он присылать ко мне своего адъютанта за

лампочками для фонарика. Раз, другой, а они ведь предназначались для рации, шкалу освещать: на третий раз отказал ему, пожаловался комбату, лейтенант получил взбучку — вот и отыгрался на нас. Тронулись на фронт своим ходом, холода стояли лютые; лейтенант распорядился разведчиков — к себе в халабуду (крытую машину), телефонистов — в кабины машин, а нас, радистов, — наверх, на ящики с минами. Так замерзали, что ни рукой, ни ногой шевельнуть не могли. Всякое бывало.

Летние теплые дни как-то стерлись из памяти, вспоминаются чаще морозы да слякоть, изнуряющий труд, недосыпание, недоедание. Случалась еще одна пакость — вши... Что удивляться, белье меняли, но ведь сутками не раздевались, спали в одежде. Хорошо, если есть землянка, позволишь себе чуть расслабиться. Истинным праздником для нас была баня. Это только говорится баня — сооружали из камней топку под большим котлом, сверху шалаш из веток, совсем хорошо, если брезентовый тент. Парься на здоровье. Самое удивительное — в этих, казалось бы, невыносимых условиях никто не болел. Если случались простуды, разного рода недомогания, переносили их на ногах, обращаться за помощью все равно было не к кому.

Военные действия в обороне продолжались, не прекращаясь ни на минуту. Не буду рассказывать про отдельные операции, их предпринималось немало, к сожалению, без заметного результата, не мне судить почему. Наши “катюши”, в которые мы все были влюблены, делали свое дело. Их преимущество — в массированном огне по переднему краю противника. Один залп дивизиона — и с направляющих вздымаются вверх сразу 64 мины, по 16 с каждой установки. Не раз мне представлялась возможность наблюдать их разрывы (с нашей стороны, разумеется). Даже в часы артподготовки “катюшинские” резко выделялись среди других таким каскадом ярких высоких вспышек. Можно представить, каково быть там, под огнем. К тому же “катюшинские” залпы воздействовали на психику противника: лишь загудела установка, в воздух поднимаются этикие головешки с огненными хвостами; мины видны глазом на всем протяжении полета. Даже тут, у себя, появляется ни на что не похожее ощущение, а каково тем, в кого летят. Особый эффект “катюши” имели, когда выходили на прямую наводку: по накатанной дороге боевая установка с опущенными горизонтально направляющими выскакивала на передовую, давала залп: пехотинцы под эту “музыку” поднимались и шли в атаку.

В наступлении

В январе 1944 года, наконец-то, и наш фронт перешел в наступление. Это был первый из десяти ударов наших войск, разработанных на этот год Ставкой Верховного Главнокомандования. Ставилась задача прорыва фронта на Новгородско-Лужском направлении. Подготовка велась основательная. На исходные рубежи были стянуты войска и боевая техника, подразделениям были поставлены конкретные задачи.

Наступление началось мощной артподготовкой, которая длилась около часа. Наши “катюши”, в том числе установка, которой командовал я, дали в тот час четырнадцать залпов по заданным целям. Казалось, этот темп не укладывается ни в какие нормы времени. К концу часа взмокли от пота, но справились. Шутка ли — перезарядить установку менее чем за четыре минуты! Бойцы отделения по одному взваливали тяжеленную мину на плечо и бегом тащили ее к машине. Тут поджидал каждого я, подхватывал у него мину, вставлял ее выступ в паз и вталкивал снаряд в направляющую до упора. Наступал момент садиться в кабину к пульту, бешено крутить его ручку. Не скрою, сердце пело каждый раз, когда сквозь пламя видел улетающие вдаль “головешки”. И скорей из кабины к пакету направляющих — начинать все сначала. Радовался, что моя БМ-13 была смонтирована не на “студебекере”, а на ЗИС-6, его приращенная посадка больше подходила для моего невысокого роста, легче было перезаряжать установку. Очень помогла предварительная подготовка к залпам: машины на огневой заранее были поставлены так, что наводка на другую цель (ее сменяли дважды) осуществлялась только поворотным механизмом, без перемещения с места. Самое главное, снаряды загодя поднесли и сложили на землю боекомплектами, насколько было возможно ближе, до минимума сократив расстояние их подноски во время стрельбы. И все равно измотались за этот час, устали как никогда. Только с нашей боевой машины в логово противника ушло 224 мины, а всем полком было выпущено 2588 снарядов.

Артподготовка возымела действие — глубоко эшелонированная полоса препятствий немецкой обороны, созданная за два года, была разрушена, наши войска прорвали ее и за считанные дни, с 14 по 20 января, не только окружили, но и освободили Новгород. Мне так и не удалось попасть на его улицы, наши боевые порядки прошли стороной. Полку тогда при-

своили наименование “Новгородский”. Некоторое время спустя перед строем многим из нас вручали награды. Сознаюсь, не смог сдержать легкую дрожь в коленках, когда командир полка прикреплял мне на грудь медаль “За отвагу”.

В дальнейшем полк и наш дивизион в составе Волховского, 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов по-прежнему перебрасывали из одной армии в другую, туда, где горячее, где войска встречались с большим сопротивлением отступающих фрицев. Боевой путь полка прочерчен освобождением Пскова, Тарту, Валги, Валмиеры, Риги, Тукумса, Курляндии. Наступление шло не беспрерывно, а как бы волнами, от одного оборонительного рубежа немцев к другому. Первое сильное сопротивление немецкими войсками было оказано под Псковом, на реке Великой, в пушкинских местах. Мне не довелось увидеть своими глазами варварства фрицев в Михайловском, Пушкинских Горах, но Псков, по улицам которого продвигались, оставил саднящую рану в душе своими руинами, среди развалин тоскливо торчали кирпичные трубы печей.

Наступательные действия, конечно, приподняли у каждого из нас настроение. Имею в виду общий настрой. Духом не падали и прежде, в каких бы условиях ни оказывались. Нехитрый солдатский быт не обходился без плясок под баян, песен, не говоря уж о бесконечных байках и юморе. Как не улыбнуться в ответ на шутку нашего “индейца” Шкулева:

— Один лычка — один собака, два — два собака, три лычка — три собака.

Огневиками в дивизионе служили три оркестранта Свердловского оперного театра: В. Тимофеев, В. Котляров и Г. Шапран, они словчились обзавестись духовыми инструментами, создали великолепный ансамбль, радовали нас своими концертами.

В новых условиях мне опять пришлось переквалифицироваться — перевели из огневиков в топовычислители. Теперь на мне и моем отделении лежала забота привязки батарейных орудий к местности (буссоль в руки — и айда) и подготовка данных для стрельбы по карте. Эта работа была мне ближе всех прежних. Она более интеллигентная, что ли, и предоставляла больше личной свободы. Хочу, чтобы меня поняли, — война была повседневным образом нашей жизни, но мы не переставали быть молодыми, искать самих себя. Воинский долг был всегда на первом месте, и не было случая, чтобы топовычислители подвели своих командиров. Но хотелось духовной пищи,

тянуло к книгам, благо, у латышей оказалось много книг в русском переводе. В свободные минуты читали все подряд — и эмигрантов, и классиков марксизма, даже вели записи (не для экзаменов, конечно, для себя). Мне чаще удавалось встречаться с закадычным другом Борисом Тетенькиным (в ту пору он был полковым радистом), делиться с ним самым сокровенным. Это были счастливые для нас обоих минуты. Связь не утратили и сейчас; он стал юристом, живет в Кирове, встречались не раз, переписываемся по праздничным датам.

К сорок четвертому, конечно, как вся наша армия, полковчане накопили опыт во всем: в боевых действиях, боеобеспечении, в организации быта и питания; о прежнем недоедании не было речи, кормили хорошо. Меньше было муштры, проще стали взаимоотношения, хотя без разной шушеры не обходилось. Взять пресловутые генеральские линейки, на которые нога генерала не ступала ни разу, но которые сооружали наряду с землянками. Вспомнил о злополучных линейках, поскольку попечение о них возложили на наше отделение. Как-то подняли меня ночью: “Скорей к комдиву!” Выскакиваю из землянки, подбегаю, вытянувшись во фронт:

— Товарищ гвардии майор...

— Гвардии раздолбай! — прерывает он меня.

Выясняется — построенную линейку мы оформили по краям веточками дугой, а комдив натолкнулся на разрушенное строение: почему, дескать, не кирпичом.

Позади уже Рига — красивый европейский город. Радущию горожан были приятно удивлены: на улицах хоть не появляйся — обнимали, тащили в гости, угощали. Оказалось, что попали в русский квартал (десятилетия спустя был в рижском университете с лекциями, у кого только ни спрашивал — так никто и не указал, где был этот квартал). Близость победы чувствовалась во всем, но война продолжалась не без сюрпризов. Утро 6 января 1945 года (день моего рождения) огласилось канонадой с немецкой стороны — отборные эсэсовские части, стоявшие перед нами, попытались изменить ход событий. На большом поле перед огневыми увидели, недоумевая, россыпь бегущих с передовой фигур. Мы вдвоем по приказу комдива залегли с противотанковым пулеметом впереди боевых установок. Прямо на нас бежал какой-то лейтенантик. “Стой, ложись!” — кричу ему. Плюхается рядом, запыхался так, что слова выговорить не может, очки то и дело сползают на нос. Тут меня позвал начальник штаба, отправились вместе подобрать

запасную огневую, привязать к местности. При обстреле почувствовал удар в спину. Ранило? Нет, снова пронесло, уже обессиленный осколок пробил телогрейку и чуть царапнул кожу. Вдруг нас задержал патруль и доставил к генералу. Здесь на его командном пункте задерживали всех бегущих, формировали из них подразделения и направляли обратно в передовые части. Высокий такой генерал внимательно выслушал начштаба и благословил на выполнение задания. Наступление эсэсовцев было сломлено за одни сутки.

9 мая 1945-го мы были на марше. Слышим: “Война кончилась!”, хохочем шутке. Чуть позже узнаём о полной капитуляции из газет. Но для нас война продолжалась, не скажу точно сколько дней, но не менее недели. Шло подавление в Курляндии разрозненных эсэсовских группировок. События тех дней врезались в память. Наша огневая развернулась на опушке леса возле шоссе, когда по нему (после переговоров о капитуляции) наша матушка-пехота двинулась строем, по колонно в сторону немцев, не ожидая подвоха головорезов. А они подпустили на пятьдесят метров и открыли бешеную стрельбу. Сколько тут полегло наших солдат, доживших, казалось бы, до Победы! Последовала команда выпустить весь огневой запас снарядов. Поднялся невероятный гул и грохот. Такой жестокой трагедией обернулся для меня конец войны.

***

Сколько воды утекло...

Разве мог тогда предположить, что не только останусь в живых, но и проживу так долго, пожалуй, чересчур долго. В той далекой юности, несмотря ни на что, мы добывали победу ради счастливой мирной жизни. Теперь, с высоты прожитых лет, могу сказать, что судьба нас не баловала никогда, ни разу. Что мы только ни пережили: и сталинский деспотизм, и короткую хрущевскую оттепель, переросшую в прожестерство и чудачества, и тягуче длинный период брежневского застоя, и неудавшуюся горбачевскую перестройку социализма, и нынешний ельцинский дерьмократизм. Вынесли, выжили, выстояли. Чему же тут удивляться, что фронтовики-ветераны такие семижильные, такие негибачемые. “Гвозди б делать из этих людей: крепче не было б в мире гвоздей” — приходят на ум бессмертные строки поэта, когда задумываешься о своих товарищах, ветеранах войны, которых с каждым годом остается все меньше.

Я всегда благодарен людям, молодым и зрелого возраста, с которыми общаюсь ежедневно на работе и в быту, за их уважительное отношение к нам, ветеранам. Смею думать — не только за наши седины, но и за нечто большее, наверное, за качества характера, свойственные нам. Конечно, не бывает правил без исключений, но в массе своей в нашем фронтовом братстве превыше всего нравственная чистота, духовность, порядочность, потому, возможно, мы и оказались такими неподготовленными к нынешней жизни.

Сейчас про нашу Отечественную что только ни говорят. Вплоть до того, что вроде зря воевали, дескать, строй, который защищали, вовсе того не заслуживал. Особенно обидно, когда подобное слышишь из уст человека глубоко уважаемого, такого как писатель В. П. Астафьев. “Великая Отечественная война, не была вызвана какой-то исторической неизбежностью. Это была схватка двух страшных авантюристов — Гитлера и Сталина, которые настроили свои народы соответствующим образом”, — высказался он в газете “Аргументы и факты” (1998, № 19). Надо ж упростить факты до такой степени! Страсть к упрощению, переоценкам прошлого сейчас, к сожалению, распространяется как эпидемия. Не уберется и писатель, хотя сам фронтовик. Как можно забыть и отбросить столь очевидный факт: к моменту нападения на СССР под сапогом Гитлера была уже почти вся Европа! Не с нас он начинал, стремясь установить фашистский порядок в мире. Великая Отечественная была и остается для нашего народа священной, ее участникам не только на фронте, но и в тылу хватившим не меньшего лиха, нечего стыдиться — мы отстаивали и отстояли нашу Родину и тем горды. Да, эта победа досталась нам слишком дорогой ценой. Такова горькая правда.

Этот день мы приближали, как могли.

Надежда Петровна Черкасова-Чернявская,
кандидат исторических наук, доцент, инвалид
Великой Отечественной войны, ветеран труда

Ленинградский дневник

Читателю, быть может, будет интересно познакомиться с некоторыми страницами жизни 18–19-летней уральской девушки, волею судьбы попавшей в Ленинград летом 1940 и прожившей в этом героическом городе немногим более двух лет, в том числе 13 военных месяцев и из них 318 блокадных дней.

Как я попала в Ленинград? После окончания Свердловского педагогического училища (имея разрешение на продолжение учебы) по совету классной руководительницы Д. С. Карасик и с денежной помощью училища (директор Г. И. Ватутин) я поехала в Ленинград и, успешно сдав конкурсные экзамены, была принята на исторический факультет Педагогического института им. А. И. Герцена. Поступлением в этот вуз я могла гордиться.

Дело в том, что я крестьянская дочь; родилась в октябре 1922 в селе Никольское Сысертского района Уральской (тогда) области. Отец мой Петр Савотеевич Черкасов в феврале 1928 умер, оставив шестерых детей. Вся тяжесть нашего воспитания легла на плечи матери Александры Максимовны, ставшей в 1930 году колхозницей. С 1930 по 1937 год я жила и воспитывалась в семье моей старшей сестры Марии в поселке Дегтярка Ревдинского района Свердловской области. Сестра и ее муж С. Е. Потоцкий были учителями местной школы. В 1937 году я поступила в Свердловское педагогическое училище, которое в 1940 успешно закончила.

Хотя поступление в Герценовский институт и было предметом моей гордости и радости, учеба и жизнь в Ленинграде для студентов, не имевших систематической помощи родителей, были делом весьма трудным, положение усугубилось вве-

дением в ноябре 1940 платы за обучение в вузах страны и сохранением стипендии лишь для отличников. В связи с этим немало студентов тогда покинуло институт. Учебу в первом семестре мне пришлось совмещать с работой — сначала на почте, затем в типографии. Во 2-м семестре после успешной сдачи экзаменов за 1-й семестр на “отлично”, получая стипендию, я могла целиком посвятить себя учебе. Это было прекрасное время! А Герценовский институт навсегда остался в моей жизни и моей памяти подлинной *alma mater*.

Итак, Великая Отечественная война застала меня в Ленинграде студенткой, заканчивающей сдачу экзаменов за I курс. Яркое запечатлелось в памяти момент получения известия о начале войны. Утром 22 июня 1941 выхожу из центрального здания института (на набережной реки Мойки) с консультации перед последним экзаменом, навстречу бежит студент III курса нашего факультета Дмитрий Чичасов и кричит: “Война!” Состоялся краткий митинг в одной из факультетских аудиторий. Выступавшие клеймили Гитлера, выражали уверенность в нашей победе. Профессор В. Н. Бернадский, говоря о неизбежном разгроме фашистских агрессоров и гибели Гитлера, вспомнил слова нашего главного былинного героя Ильи Муромца перед боем с Идолищем Поганым. Враг Руси хвастался, что много ест и пьет и, следовательно, силен, однако Илья предрек ему погибель: “У нас как во городе Муроме у попа была корова обжорлива, много ела-пила, да и лопнула. И тебе ведь не минуть беды — помногу ешь да пьешь, да и лопнешь ты”. Слова эти полностью совпадали с настроением всех присутствовавших на митинге: “Враг будет разбит, победа будет за нами!” Хотя, как долго будет длиться эта война и какой ценой будет достигнута победа, никто из нас тогда не представлял.

До 22 июля 1942 я находилась в Ленинграде и принимала участие в работе, которую делали трудящиеся вскоре прифронтового, а затем — с 8 сентября 1941 — блокадного города.

В июле 1941 я работала санитаркой в госпитале. В августе была на трудовых работах около станции Мшинской, где мы, студенты института, рыли траншеи в районе дальней обороны города. Работали по 10 часов в день — с 8 утра до 8 вечера с перерывом на 2 часа. Вскоре мы были сняты с трудовых работ и отправлены в Ленинград. Связано это было с быстрым продвижением врага к городу.

Положение мое, как и всех ленинградцев, было очень сложным и усугублялось отсутствием средств к существованию. Не-

смотря на это, об эвакуации тогда не думала, никаких мер к этому не предпринимала. Почти все ребята из нашего института были призваны или ушли на фронт добровольно. Считали, что нельзя позорно бежать из попавшего в военную обстановку города, нужно его защищать. Вернувшись с рытья окопов, я сразу же стала искать работу и вскоре была принята на мебельную фабрику, где делали ящики для снарядов. В составе группы рабочих этой фабрики в сентябре 1941 рыла противотанковые рвы на самой окраине Ленинграда, вблизи Волкова кладбища. Кирка, лопата и лом были нашими орудиями труда. Основная рабочая сила — женщины, молодежь. Рвы, как я помню, рыли шириной метра 3, глубиной не менее 1,5–2 метров. Работали с утра и до вечера. По окончании этих работ мои руки на фабрике не понадобились. Меня сократили.

**На Красной площади.
27 июня 1988 года**

С 8 октября я на краткосрочных курсах по подготовке медицинских сестер. После окончания курсов была мобилизована в РККА и с 20 декабря 1941 по 15 июля 1942 работала младшей медицинской сестрой эвакогоспиталя № 88 (квадрат корпусов госпиталя выходил с одной стороны на набережную реки Мойки, с другой — на улицу им. М. И. Глинки, вблизи Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова). Почти всю войну была донором. Начала сдавать кровь еще в Ленинграде, продолжала — в Свердловске до конца войны.

Очень кратко об основных этапах дальнейшей жизни.

К 15 июля 1942 эвакогоспиталь № 88 после лечения двух потоков больных (вначале воинов РККА, а затем, весной, истощенных жителей Ленинграда) опустел. Шли разговоры о его закрытии. В это время вышло постановление правительства об отпуске студентов на учебу, и младшие сестры госпиталя — студентки, в том числе и я, были уволены по нашей просьбе для продолжения учебы.

Поскольку Герценовский пединститут был эвакуирован из Ленинграда еще в марте 1942, я вернулась в Свердловск и про-

должила учебу в Свердловском педагогическом институте. Училась хорошо, на последнем курсе была сталинским стипендиатом, получила диплом с отличием. Членом ВЛКСМ являлась с апреля 1938 по июль 1945. В 1944 была секретарем комитета ВЛКСМ Свердловского педагогического института. Член КПСС с июля 1945. По окончании института была направлена на трехмесячные курсы по подготовке преподавателей вузов при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

По окончании курсов — на преподавательской работе в вузах страны. Сначала по направлению работала в Каунасе (более 8 лет), затем в Красноярске. С 1956 преподаю в Свердловске. Прошла путь от ассистента до доцента — после защиты в 1952 при Ленинградском университете кандидатской диссертации и присуждения ученой степени кандидата исторических наук. Общий стаж преподавательской работы в вузе — свыше 37 лет. Имею правительственные награды: орден Отечественной войны II степени, 6 медалей, в том числе “За оборону Ленинграда”, “Ветеран труда”.

Муж — Дмитрий Маркиянович Чернявский — кадровый военный, летчик ночной тяжелой бомбардировочной авиации, участник военных кампаний 1939—1940 годов, Великой Отечественной войны. За боевые заслуги был награжден тремя орденами и 12 медалями, в том числе “За отвагу”, “За боевые заслуги”, за оборону Москвы, Сталинграда, Ленинграда. Умер в декабре 1982.

А теперь обратимся к моим дневниковым записям. Привожу их с сокращениями, в ряде случаев сопровождая комментарием*. Дневник я начала вести в августе 1941. Большая часть записей относится к ноябрю — декабрю 1941, зиме и весне 1942 — самому тяжелому периоду в жизни блокадного города и моей судьбе.

Это безыскусная исповедь совсем еще молодой девушки, не имеющей жизненного опыта. Вместе с тем дневник — свидетельство глубокой веры в правоту дела и борьбы нашего народа, стойкости и мужества ленинградцев.

***

Вот уже скоро 5 месяцев, как длится война. Ленинград на осадном положении. Помню, когда я была на трудах у

---

* Комментарий выделен в тексте курсивом. — *Ред.*

Волкова кладбища, то многие (да и у меня закрадывалось сомнение) считали, что город сдадут. Немцы подходили все ближе и ближе. Сейчас они остановились и окопались как кроты.

Ожесточенные бои идут на подступах к Москве. Много сроков назначал “фюрер чистокровных арийцев” для захвата города Ленина и нашей древней столицы, где эти псы намеревались вскоре бесчинствовать и творить свое черное дело...

Праздник оба города: и столица, и наш, встречали, как было и, я уверена, всегда будет — свободными!!!

Опасность, которая нависла над страной, над Москвой и Ленинградом, была чрезвычайной. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем служебном дневнике 7.07.1941: “Непоколебимым решением фюрера является сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом вынуждены будем кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация”*.

6 ноября я возвращалась с ул. Некрасова во время тревоги, зашла в бомбоубежище, после — быстро направилась домой, в общежитие. Слышу по радио аплодисменты, затем кто-то заговорил. Я сразу узнала: говорил Иосиф Виссарионович на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великого Октября. Наутро дважды по радио я прослушала его речь. Как умеет говорить он! Говорит так, что все ясно и кажется, что больше нечего добавить, все им сказано. Еще до войны я восхищалась тем, как всегда своевременно партия ставила те или иные вопросы, определяла задачи текущего момента. В Ленинград Сталин направил Г. К. Жукова, который 10.09.1941 вступил в командование Ленинградским фронтом, 6.10 он был отозван для решения задачи обороны Москвы.

7 ноября

Встала часов в 12. В комнате холодно. В нашем общежитии на Желябова отопление паровое, а нашу сторону не греют — лежу под двумя одеялами. Потом сходила в кафе, где пообедала в этом месяце последний раз на свой пропуск; теперь осталось питание только в нашей студенческой столовой, где

---

* Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978. С. 309.

кормят только щами. Хлеба получаю 200 г; вчера, например, взяла 200 г на сегодня и все съела. Посмотрела еще сегодня кинофильм “Маскарад”. Этим мое празднование и закончилось. В Москве сегодня был военный парад на Красной площади. *Войска по окончании парада, как стало известно позже, направлены на фронт; с парада — на фронт.*

9 ноября

Сходила в музыкальную комедию на “Холопку”. Понравилось. Вчера написала 2 письма — Марусе и маме. Как я по ним соскучилась!

14 ноября

11 ноября ходила в музыкальную комедию на “Баядерку”. Спектакль понравился, особенно Кедров в роли индийского принца.

Бомбежки города усилились. Сегодня ночью, говорят, было 8 воздушных тревог, немало разрушений, например, около пр. Красных командиров, на Красноармейских улицах разрушено много домов. Сейчас выстрелы зениток какие-то иные, раньше были частые, отдельные, звонкие. Сейчас же — это почти не прекращающиеся раскаты, глухие, но не тихие, а среди них прерывистое гудение самолета.

Со вчерашнего дня мы на практике в госпитале. В госпитале мне приходится быть второй раз. С начала войны я работала санитаркой в операционной. Работа нелегкая, но интересная, видела много операций, свежие перевязки и т. д. А сейчас я должна проходить практику как сестра. Но в нашем отделении много практика не дает, так как это отделение легкобольных и выздоравливающих.

16 ноября

5 часов утра. Сажу в госпитале. Решили с Инкой (коллега!) просидеть здесь сутки, но и это не приносит нам много пользы. Сделали немного. Больные сейчас спят; сестры куда-то разбрелись и, видимо, где-то прекрасные сны видят. Было несколько тревог. Для больных они тяжелы. На улице холодно. Слышно, как свищет ветер. Сидим в ординаторской. Читаем книги. Я — “Диди Моурави” Антоновской.

21 ноября

Война... Пишу вечером, часов в 9. Воздушная тревога. Бьют зенитки. Сажу в комнате отдыха в общежитии на Желя-

бова. Минут 20 назад упала, говорят, что у Невского и Желябова (то есть недалеко), фугасная бомба. Наш дом зашатался. Ну и трусиха же я! Сама не ожидала, что я такая. Побежала вниз, правда, минут через 5 вернулась. Удар был такой сильный — я даже удивилась, почему потолок не обрушился от такого сотрясения.

Вчера хлеб сбавили до 125 г. Удивило то, что даже накануне об этом совершенно нигде не было никакого разговора.

Сейчас опять бахают... Некоторые люди говорят, что на фронте легче, чем здесь, в городе. Здесь ведь мало погибает или меньше — от снарядов, а больше — от разрушившихся зданий. Но, может быть, так говорят люди, не бывавшие на фронте...

Практика много не дает: что в первый день, то и в последующие дни. 19 ноября вымыла в ванне одного больного, затем пошла с врачом в обход по 17 палатам. Вот, по существу, и все. Девчата наши смеясь разговаривают о раненых, о своих пристрастиях и пр. Я же решила и дала слово, что в госпитале ничего такого заводить не буду. Этого не должна позволять себе сестра-комсомолка.

26 ноября

Сию в госпитале. Сейчас в этом отделении будет иначе: назначен новый начальник. Сегодня обходит палаты, была с ним и я. Наверное, половину раненых он выпишет. Одного велел выписать и написать, что симулирует.

Эти дни был артобстрел города. Тогда, 21.11, бомба попала в середину углового дома на канале Грибоедова и Невском, то есть значительно дальше, чем мне представлялось. Пострадавшие дома быстро обносятся забором, приезжает комиссия для выноса вещей и т. д.

Сегодня была также на совещании больных и медперсонала. Ну и разошелся же начальник отделения! И совершенно правильно! Это как раз пригодится для будущей моей работы: буду знать, что делать и чего не делать. А то, например, в палатах курили...

29 ноября

Сегодня было только две довольно непродолжительные тревоги в отличие от предыдущих четырех дней. Вчера воздушная тревога началась около 12 дня, а кончилась в 5 ч вечера. Кроме того, город обстреливался из дальнобойных орудий.

Сбрасывались фугасные бомбы, вчера — где-то близко от нас, кровать в течение двух минут после этого качается!

Сегодня передавали статью батальонного комиссара Тюльпанова — “953 письма”. Обзор содержания писем немецких солдат. Слушаешь их, и невольно вырывается ругательство, слово “зверье”. Только в 200 письмах пессимизм. В остальных “благородные арийцы” мечтают о мировом господстве, господстве в Европе, призывают уничтожить нас, русских, разрушить наш город, ждут посылки с награбленным добром. Сволочи! Ненависть кипит... Неудивительно, что наша пропаганда все убедительнее призывает уничтожить фашистов, как уничтожали бы зверье!

1 декабря

Гансы сейчас переменили тактику: сегодня было несколько тревог, но непродолжительных.

Прошло 7 лет, как был убит Сергей Миронович Киров. Давно ли это было? Как быстро бежит время! Прошлой зимой мы ходили в музей С. М. Кирова.

Вчера получила письмо от Маруси, написанное 28 октября. Милая Маруся! Пишет, что соскучилась по мне, что у нее ко мне материнское чувство. Боже мой, как я соскучилась по ней!

За этот месяц получила рабочую карточку, так как являюсь донором. Купила сразу хлеба за 2 дня — 500 г и съела.

4 декабря

В последних числах ноября наши снова взяли Ростов. Если бы он закрепился за нами! Недавно, кажется, 1.12, наши сдали Тихвин. За трусость расстреляны полковник Фролов и комиссар Иванов. Сейчас немцы у Волховстроя... Пленного красноармейца раздели донага, избили и повесили за ноги.

10 декабря

Сегодня сообщили радостную весть: вчера войска генерала Мерецкова взяли Тихвин, разбиты 3 дивизии немцев. Только бы укрепился за нами Тихвин и отогнали бы их от Волхова!

Война уже в полном смысле стала мировой: 7.12 Япония напала на США, колонии Англии, бомбила Филиппины, Гавайи, Сингапур, Гонконг. Откуда у них, чертей, сила берется? Ведь Япония уже 4-й год ведет войну в Китае.

13 декабря

Радостная весть: от Москвы немчуру погнали. Они там сосредотачивали 51 дивизию. Наши наступательные действия

проходили с 6 декабря. Очистили от этой погани 400 селений, взяли большие трофеи.

15 декабря

С 11 декабря (наконец-то!) начали сдавать экзамены. Сегодня вместе с пришедшей ко мне Ниной Демидовой ходили сдавать экзамены по внутренним и инфекционным болезням. Тем самым с экзаменами разделились. Теперь будем сидеть и ждать у моря погоды.

16 декабря

Сегодня встала в 7 ч, ходила с Лией в баню, сами помогали пилить дрова, все-таки вымылись.

18 декабря

16 декабря наши взяли Калинин; вчера сообщили, что освобожден участок Северной железной дороги от Тихвина к Волховстрою. Эти дни сижу дома, света нет. Этот месяц питаюсь неплохо, теперь получаю рабочую карточку как донор.

22 декабря

Наконец-то выпало более благоприятное время написать!

Со вчерашнего дня, то есть с 21 декабря, я приступила к работе в эвакогоспитале № 88. Госпиталь только еще организуется. Палаты оборудовали мы, сестры. За 2 дня приготовили 2 палаты на 100 человек, моя еще не готова; в ней поставлено 40 коек, палата темная. Сегодня я дежурю сутки, с 8 ч утра и до 9 утра следующего дня. Вчера была воздушная тревога.

25 декабря

Сегодня я свободна. День необычен и тем, что норму хлеба в городе прибавили: рабочим с 250 г до 350, всем остальным — со 125 г до 200. В госпитале до сих пор давали по 300 г. Сейчас пришла в отделение, раздобыла чернил, теперь хочу взяться за подготовку к сдаче экзаменов в институте.

26 декабря

Сегодня у меня особо занятый день. Начался и прошел он суматошно; во-первых, не было света, а поэтому и завтрак, и обед были с опозданием. Больные в нашем отделении терапевтические, главным образом — от упадка сил, истощения. Кормят плохо, дают сравнительно мало, поэтому всякая задержка

или маленькая порция вызывает возмущение. Во-вторых, в наше отделение сегодня принимали больных. В мою 5-ю палату прибыло 30 больных. Целый день бегала, не было свободной минуты, кое-как нашла время на обед и ужин. Но чувствую себя прекрасно, даже радостно как-то. Вот, пока писала, прибыло еще 2 больных.

Сейчас уже 1-й час ночи. Сажу у себя в палате, горит одна электрическая лампа, больные спят, только бродят прибывшие да еще в уборную.

Пересмотрела свои фотографии, дала Пане (моей санитарке) сравнить себя с Марусей. Она говорит, что мы очень похожи. Очень рада.

29 декабря

Тяжело. Хочется плакать. А почему? Не знаю. Видимо, потому что устала. Сейчас у меня в палате 40 человек; ничего особенного не произошло (у девчат пропадал хлеб в обед, у меня пока нет). Вообще на обед у нас уходит много энергии. Больные все хотят в первую очередь есть. Из-за всякой ерунды спор, например, вчера дали коробок спичек на палату, подняли галдеж, но я отдала его старшине, он делил. Медикаментов мало, больные хотят, чтобы каждому (хоть и не назначены) давали лекарства и больше! Свет вчера вечером погас, я, правда, своих успела накормить, но я кормила первая, утром света тоже не было. Вообще госпиталь очень неподготовлен, часто нет света (но это, видимо, вообще по городу), замолкает радио, прекращается вода. Больные на меня как будто пока не ропщут. Начальник госпиталя сказал нам: "Работайте и спите, а учиться будете после войны".

1 января 1942 года

Сумасшедший день: установили, что моя палата обедает раз в первую очередь, второй — в последнюю. И так всегда. Если так будет, я, наверное, сойду с ума. Не прошло ни завтрака, ни обеда, ни ужина, чтобы чего-либо не хватило. И главное — все эти дни будут падать на мое дежурство. Паня заболела, я сейчас одна. Вдобавок нет света.

31.12 ходила в общежитие. Неотрадная картина. Холодно. Света нет, кипятка тоже. Из дома ничего нет. Хлеба нам все еще не прибавляют. А у меня — вот уж 2 дня вычитают (сдала неполную хлебную карточку). Так я встретила 1942 год.

6 января

Дни идут. Нет ни света, ни тепла, нет и воды. Положение прежнее. В мое дежурство моя палата обедает последней. Пани нет, санитарок дают разных. Больные недовольны, и это бьет по моему самолюбию. Часть больных относится хорошо; говорят, чтобы спала ночью. Когда шла сюда, то хоть внутренне была убеждена, что буду сдавать сессию в институте. Сейчас все это отменяется. Не занимаюсь из-за отсутствия света.

11 января

Лежу в постели второй день. В комнате ужасная холодина. На мне 4 одеяла. Завтра могу еще провалиться. Дали освобождение: температура была 37,7. Вчера в ночь у четырех моих больных тоже была повышенная температура, одному пришлось вводить камфору. В палате света не было. Жгли лучину. 8-го января ходила в город. Был морозец, но не очень сильный. Я не была сыта, но не была и голодна. И чувствовала бы себя хорошо, если бы не впечатление от встреч с людьми. У большинства истощенные, желтые, безрадостные лица. Сверлила мысль, что в городе голодают, голодают, голодают.

Много сейчас людей умирает. Да и в своей 116-й комнате в общежитии на Желябова столкнулась с кошмаром: полное запустение, грязь, пустые койки и в довершение — мертвая Ната — 34-летняя старая дева, поздно получившая карточки. А ведь она и до этого едва волочила ноги. Остальные студенты перебрались в другое общежитие.

Не только люди, но и сам город оставляет гнетущее впечатление: трамваи не ходят, редко-редко пройдет машина, лошадей совсем нет, да и людей ходит мало. Но несмотря на все это люди ни на кого не ропщут и ждут лучших времен.

15 января

Дни текут... Положение пока не меняется. Вчера была в городе. Стоят морозы минус 30—35 градусов. Деревья в городе красивы, в снегу, как в лесу. Одевала Валино пальто и валенки. Писем из дома давно не получала. Не было и сегодня, но пришел перевод, который я так и не получила — на почте нет денег. Дала домой срочную телеграмму, главным образом ради указания своего адреса.

Сегодня дежурю в изоляторе. Я что — коза отпущения? Нина Алексеевна, старшая сестра, говорит, что специально меня сюда поставила, так как никто здесь не убирает. Ну и

было же здесь! Больные лежат хуже свиней: мокрые, вонючие, в кале. Я сменила им белье (вообще белья нет, меняют редко, но здесь лежат колитики и менять им нужно очень часто), постлала салфеточки на табуретки, достала по второму одеялу. Кроме того, вот уже 2-е дежурство я назначаюсь дежурной сестрой по всему отделению.

18 января. 5 часов утра

Сейчас меня назначили ответственной сестрой по дежурству в отделении. Раньше можно было, конечно, нелегально, ночью вздремнуть, сейчас нельзя. Нужно смотреть за всем отделением. Сегодня работала в ночь в двух палатах; вечером поступило (не в мою палату) двое больных, а в 3-й палате один умер. Хорошо, что в 2 ч ночи загорелся свет, а то можно было даже посмотреть это. Прибегает ко мне няня, говорит, что двое там спят неладно; посмотрела — рука теплая, но пульса нет. Ввела камфору, потом пришел дежурный врач, составил акт. Я показала ему других тяжелобольных по отделению. Вот каковы дела...

20 января

Ночь. Сажу в ординаторской. Сегодня свет дали часов в 9 вечера, и сейчас он есть. Дежурю по отделению, но лично на мне также 2 палаты (3-я и изолятор). Тяжело. Устала. Больные все время просят пить, а кипятка в отделении никогда нет, ругаются из-за порций, бранят за то, за что в добром госпитале и вообще в лечебном учреждении сестра не отвечает. Думаю, не бежать ли мне из этого госпиталя? У нас двух сестер откомандировали по собственному желанию. Нина Алексеевна говорит, что сейчас бы мне дали хорошую характеристику.

22 января

Вечер. Сейчас мы перебрались в другую комнату. Топим буржуйку. Их стали устанавливать в связи с прекращением подачи горячей воды. Можно сказать, что стало тепло, по крайней мере — пока топим. Света нет. Пишу при коптилке.

Сегодня нам прибавили еще 100 г хлеба, сейчас будем получать 400 г.

23 января. 2 часа ночи

Сидим с Паней, санитаркой, в изоляторе. Сейчас и сюда

поставили буржуйку, хотя топим ее не все время, здесь теплее, чем в других палатах. Работаю сегодня во 2-й палате и здесь. Во 2-й не выполнила все назначения, так как все время приходится находиться здесь. Утром пришлось поставить 7 микрорелиз. На этих больных смотреть непривычному человеку страшно: скелет, покрытый кожей.

Вечером свет давали на час. Сейчас сидим при коптилке, а носики наши утром будут как у трубочистов.

Завтра, вернее уже сегодня, обещали сводить нас в баню. Я не была в ней, наверное, месяца 1,5–2. Да и все так...

24 января

Комсомольское собрание в библиотеке. Горит лампа. Работает счетная комиссия, готовит списки для тайного голосования. Выбираем бюро комитета ВЛКСМ. Сегодня сводили в баню. Ну и помылись мы замечательно! Баня походила на деревенскую, мылись в парной, хотя пара не было, но было тепло. Правда, идти обратно было очень холодно, температура градусов 35. Выдали нам 5-го размера трикотажные кальсончики и рубашечки. Говорят, что сегодня хорошая сводка: освобождено 6 городов, до двух тысяч населенных пунктов, 17 тысяч убитых немчиков.

26 января

Сегодня опять, почти как обычно, сменили меня вместо 8 в 11-м часу. Утром съела сразу все 400 г хлеба. Вчера мне хлеб сберегла на обед и даже ужин тетя Дуся (Евдокия Михайловна, сестра 5-й палаты). Это женщина 40 с хвостиком лет, маленького роста, очень живая и подвижная. Ранее она работала в детских садах. Добрая и хорошая женщина.

Живем как в берлоге, нет сейчас даже воды. Топим снег и лед. Больным утром дали по кружечке. Воду, говорят, возят с Невы.

30 января

Ходила в город узнать, нельзя ли перейти в госпиталь при нашем институте, хотела получить перевод на почте и сходить в Институт переливания крови. Везде, конечно, я была, но результатов никаких: в госпитале сестры нужны, но только сразу нужные и документы; почта закрыта, в Институте переливания крови 2-я группа не принимается. Не знаю, подавать ли рапорт об уходе? Лучше ли там будет? Видела Лию Петровну, судя

по ее словам, — у них еще хуже... Население 2–3 дня не получало хлеба. Жуть...

Мне кажется, что Ленинград уже не выправится, население перемерет или будет задушено газами, или что-нибудь еще в этом роде.

Писем нет, вернее, нигде ничего не добьешься. У девчат жуткий вид: чуть получше колитных больных, лежащих в нашем изоляторе. Последнее дежурство была на работе более полутора суток, сменили только в 4 ч дня вместо 8 утра. Это ли не безобразие!

5 февраля

Кончила дежурить и все еще сижу в палате. Вечная история! Сменяют позже всех...

Ночью с Женей и одним моим больным ходили на Мойку за водой. Сейчас мы ходим все время. Подогрела воду на буржуйке и вымыла (до пояса) 33 человека. Были довольны.

Позавчера только пришла со смены и легла отдыхать, подняли на ноги приказом: младшим медсестрам очистить двор от нечистот. Пошли к начальнику и комиссару с протестом. Послали на уборку снега со стороны Мойки. Сделав дело, пришли и со скандалом вытребовали лишние полтарелки жидкого супа. Потом залегла до утра, с перерывом в четверть часа на ужин. Вот так и проходит мое время. Писем из дома нет и нет. Ночью сегодня почитала немного о приключениях Швейка...

9 февраля

Вчера в госпитале, а следовательно, и у нас в отделении, была пертурбация — изменение обычного хода событий, а именно: началась борьба с заразой и всякой нечистью. Госпиталь работает с 22 декабря, но до сих пор не меняли постельное белье, нательное же меняли один раз; полотенца были хуже половой тряпки; жили при кострах, копилках, фонарях. Все в копоты. Больные завшивели. Вчера половину сводили в баню и сменили белье. Таким образом, из четырех палат — две “чистые” (в кавычках, потому что ни одеяла, ни гимнастерки не прогладили). Вши сами собой не исчезнут. В 4-ю и 5-ю палаты положили “чистых”, а в 1-й и 2-й оставили “грязных”, причем еще и колитных. В этой грязи очень много заболело колитом и энтероколитом.

Мы сейчас ходим-дружим троицей: Женя, Евдокия Ми-

хайловна и я. С Женей решили подкопить хлеба и вот 2-й день живем на 200 г. Дело в том, что сейчас ничего не купишь на деньги, только в обмен на хлеб. Женя Исайкина – сестра 4-й палаты, студентка текстильного института. Девушка среднего роста, на лицо из себя ничего особого не представляющая, но с живыми выдающимися глазами. Дитя кубанских казаков.

14 февраля

Это дежурство у меня легкое: работала только ответственной дежурной сестрой. Зато каким было предыдущее! Это какой-то ад! Колитчики... Большинство, по крайней мере многие, ходят в палате. Все хотят пить. В общем трагедия. Да, явилась на то дежурство я к двум часам; вернее, пришлось так явиться. У меня в палате умерло 2 больных вечером, ночью же я никак не могла заставить няню пойти за носилками, и они пролежали в палате до утра. В результате – скандал и 3 наряда вне очереди от помощника начальника госпиталя по медчасти. Так что следующие сутки – вплоть до 2 часов 12.02 я провела очень “весело” в проходной, исполняя роль вахтера. Сие “маленьким” сестрам нередко приходится исполнять.

13-го с Женей ходили на рынок, она выменяла на хлеб туфли. Наши сестрички стирали белье больных, которого накопилось очень много. Из дома ничего нет и нет. Да, сегодня выдали нам сапоги, теплую нательную рубашку и женскую сорочку, плюс шапку.

18 февраля

Вчера была в институте, сессию только что начали сдавать; поговаривают, что будут эвакуироваться в Казань. Теперь передо мной встал вопрос: “Что делать?” Имею в виду эвакуацию института. Как смогу выбраться отсюда и когда?

21 февраля

Дела плохи: из дома ничего нет. Сейчас все время сверлит мысль об эвакуации. Мне многие говорят, что я сильно-сильно похудела и плохо выгляжу. Это я-то, когда-то краснощекая девчонка! Устала я сильно. Работаем много. Вот и сегодня опять оставляют мыть больных. Когда-то мы придем в общежитие?

24 февраля

Скоро и зиме конец...

22 февраля помыла своих больных, перевела 8 человек

в 5-ю палату. В палате вымыли, стало чисто, а вчера оставшихся 22 человека тоже перевели в другое отделение, в изолятор. Сегодня явилась и оказалась без больных. Нина Алексеевна направила меня в 1-ю палату; сейчас я у нее в немилости, она говорит, что я стала очень дерзкая, недовольна мной.

В ночь на 23-е дежурила, всю ночь был жуткий обстрел и спокойствия нет. Вчера ведь был наш праздник – 24-я годовщина РККА.

Моя эвакуация отменяется, сейчас даже и не поговоришь, пожалуй, об этом. 20 медсестер, в том числе и я, дали присягу. Кормили в тот день получше: дали белого хлеба, 16 г шоколада, в обед – побольше кусочек мяса и кисель на третье. А на ужин, кроме обычной каши, дали малюсенькую булочку и полкружки холодного белого кофе. Было и торжественное заседание с концертом (говорят – молниеносным), но я, устав на дежурстве, предпочла спать и не ходила. Все только и говорят об увеличении пайка. Рабочим, служащим и детям выдали шоколад по 25 г, а иждивенцам столько же какао. В городе люди мрут и мрут. Полная апатия.

28 февраля

Сию в палате. Все кровати пусты. Когда-то здесь было около 70 человек больных. Сейчас сидят у печки человек 20 выпиывающихся. В госпитале с 26.02 вновь суматоха: была комиссия, а у нас грязь, вши и т. д. Говорят, начальника госпиталя сняли. Весь персонал, особенно младших медсестер, мобилизовали на уборку: чистили и мыли госпиталь, начиная с лестниц и уборных.

В институте узнала, что студентов, сдавших сессию, будут эвакуировать вместе с институтом. Вот я и решила поднажать на подготовку к экзаменам.

Уже сдала “Средние века”. Достался вопрос об империи Карла Великого. Получила “4”. Сдать бы еще “Историю СССР”!

4 марта

Ходила сегодня в институт, сдала на “4” экзамен по “Истории СССР”.

Когда будет эвакуироваться институт – не поймешь; некоторые говорят, что 6.03, другие – что еще неизвестно. Не знаю, что делать – писать рапорт об увольнении или подождать.

В госпитале эти дни продолжали уборку.

8 марта

Ну-с, сегодня наш — бабий день. Вот-с, сидим в столовой и слушаем, как комиссар докладывает о славных делах наших женщин. Денек с утра отметили — в смысле питания: дали целиком белого хлеба, из коего у нас с Евгенией едва осталось на обед, не говоря об ужине.

Когда мы явились в общежитие, нам было приказано сгребать и возить снег со двора в Мойку, что мы и делали.

Вчера была в институте. Была у Лии Таракановой (моя сокурсница). Впечатление жуткое, у нее опухли ноги, лицо; она плачет и говорит, что умрет. Я похудела тоже здорово, сидеть больно.

11 марта

В 8 вечера занятия по Уставу в одной из комнат общежития младших медсестер. Занятия ведет наш политрук.

Вообще за нас берутся как следует: поднимают в 7 ч утра, говорили что-то о зарядке, но пока не проводили. В 8 утра идем строем завтракать; к 9 — в отделение на занятия. На обед и ужин — тоже строем. Кормят организованно, десятками.

После прибавки хлеба крупу, сахар убавили. Дают каши, например, грамм 120. Когда-то мы будем наедаться?

Больных в госпитале нет, мы, по существу, ничего не делаем. Я, например, сегодня попилила немного дров и принесла их в раздаточную. Обмундирование все еще, кроме ранее указанного, не выдали.

16 марта

Сегодня у нас хорошо, по-домашнему. Вымыли вчера стены, пол; буржуйка наша не дымит, достали светлую лампочку. Свет есть вот уже дней 5. Я сегодня дневалила. Дежурство заключается в топке печурки, мытье уборной, ну и, конечно, уборке комнаты. Вечером простирнула свое бельишко.

Сегодня вечером было собрание по выборам товарищеского суда. Народ у нас самый различный, имеются и воришки. Вот одну такую недавно поймали с поличным. Судить, видимо, будет товарищеский суд.

14 марта я была в институте. Студенты наши, что называется, сидят на чемоданах. 19 марта они уезжают. Так вот сдавала я, сдавала экзамены, но пропали мои старания. Ходила к комиссару и начальнику госпиталя, прочитали они

мне, милой девочке, нотацию, впрочем, очень краткую: “А кто будет работать здесь за Вас?” — и под команду “кругом” повернули к двери и направили вон... Оно, конечно, и правильно.

20 марта

Все еще нет больных... Вчера эвакуировался мой институт. Я сбегала туда. Увезли студентов на вокзал на машинах. Дали, говорят, по 1 кг 200 г хлеба, супа. Таким образом, я осталась в Ленинграде как военнообязанная.

Все еще стоят холода... Мы, младшие медсестры, целый день занимаемся уборкой снега. А одежда у меня, например, жакеточка на тонкой подкладке, сапожки летние.

26 марта

Весна как будто началась. Вот уже 2-й день тает снег. Вчера закончили вывоз нечистот (конечно, не всей имеющейся грязи) со двора. Вывозили на деревянных санках, было тяжело, так как мокро.

28 марта

Получила сегодня письмо от Маруси. Первое письмо на этот адрес. Маруся! Какая она родная! Позавчера послала Нине [сестре] 50 р. и Марусе 200. Хочу отослать все имеющиеся у меня деньги. Эвакуация из города идет; окружение города еще не уничтожено. На днях прибыла сюда делегация из Киргизии, привезла нам 50 вагонов продовольствия. Когда-то мы наедемся досыта?

Сегодня до обеда таскали кровати с 5-го этажа на 2-й. Господи, чего только нам, младшим медицинским сестрам, не приходилось делать здесь в госпитале?!

Снег мы чистили, нечистоты мы вывозили, лестницы и полы мыли, у телефона ночью на контрольно-пропускном пункте дежурили, в кочегарке воду качали, дрова рубили. Делаем все, абсолютно все. Санитаров-мужчин у нас нет; хоззвод одновременно весь переболел и разбился.

О питании нашем меньше всего заботятся; повара стараются урвать себе.

Сейчас девчата мечтают об окончании войны.

Я подумала о стадиях войны, отражавшихся в психологии людей города.

1. Период возбужденного, воинственного, победоносно-

го настроения. Очень многие считали, что война долго не продлится, что врага мы к нам не пустим. На стенах зданий города находилось послание Джембула Джабаева “Ленинградцы, дети мои”, вдохновлявшее, поднимавшее на борьбу.

Скажет Сталин: “В путь! В Ленинград!”
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогую будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои.
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

2. Период возбужденного, я бы сказала, раздражительного настроения — примерно с конца августа по ноябрь 1941-го. Люди, помню, быстро раздражались, везде толкотня, ссоры. Некоторые считали, что войну мы проиграли и вообще дела плохи. Что касается меня, то я никогда так не считала. Правда, в самый тяжелый период думала: неужели Ленинград может быть сдан?

3. Период с декабря 1941-го по начало февраля 1942-го: не было света, тепла, не работал в городе транспорт. Люди ходили мрачные, грязные, в копоты, истощенные, чувствовалась апатия. Была большая смертность.

4. Период февраля — марта 1942-го. В связи с активными действиями наших войск на фронтах — оживление духа.

Так или иначе — безусловно надо отметить стойкость и мужество ленинградцев во все периоды осады города.

4 апреля

Неужели снова начинается полоса бомбежек? Сегодня в начале 8-го вечера была тревога, прорвалось, наверное, немало самолетов, бомбежка была сильная. Зенитки били здорово. Мы, тролица — Рая Филиппова, Валя Кузнецова и я, с места не тронулись, остались сидеть у печки. Сидели мы спокойно, разговаривали, но вязать (я обвязывала платок) нормально я не могла.

Сегодня удивительный день — нас никуда не послали работать; некоторые девушки нелегально ходили в кино. У нас снова похолодание, 2 дня шел снег. Сегодня, правда, немного подтаяло. Недавно, как я уже писала, в Ленинград приехала делегация с продуктами из Киргизии. Но еще более удивительно то, что в город из оккупированных районов Ленинградской

области пришел обоз в 200 подвод от колхозников и партизан. Ведь только подумать: привезли продукты из мест, занятых немцами, через фронт!

5 апреля

700-летие знаменательной даты. Наши предки 5 апреля 1242 года под водительством Александра Невского разбили, потопили немецких “псов-рыцарей”, их пресловутую “свинью” на Чудском озере, устроив им настоящее Ледовое побоище. В госпитале был доклад на эту тему.

12 апреля

Больных все еще нет. Я поставила себе 3 цели, если буду работать в госпитале.

Во-первых, быть примерной, добросовестной сестрой, такой сестрой, которую бы любили больные.

Во-вторых, если будет у меня хороший врач-ординатор, то добиться повышения знаний до уровня старшей медсестры.

В-третьих, взяться за изучение сочинений Владимира Ильича Ленина, готовить себя для поступления в кандидаты партии.

13 апреля

Сегодня в 5 вечера получено сообщение о выпуске Государственного военного займа. Был митинг. Я проводила подписку среди военнослужащих отделения. Подписывались на месячный оклад и выше. Я решила отдать всю первую получку за месяц.

19 апреля

Заем в стране проходит с подъемом. За первые 2 дня сумма займа — 10 миллиардов рублей — была превышена на 68 миллионов, и сейчас подписка продолжается. Парторганизация госпиталя решила дать не менее 70% денег наличными, сейчас это реализуется.

1 мая

Сегодня налета вражеской авиации не было. Пока... Был обстрел города, нашего района. Дней 6—8 назад был сильный обстрел нашего района. Мы с Женей дежурили на 5-м этаже, точнее — на чердаке. От выстрелов зениток в небе все грохотало. Этот грохот затем передавался по улицам. Временами строчила пулеметная очередь, вздрагивало и колыхалось здание от сброшенной где-то вблизи бомбы, кружились в воздухе бумаж-

ки и летела пыль. Мы с Женей попеременно обвязывали мой платок. Это успокаивало. Признаюсь, временами было жутко: бомба с таким же успехом могла превратить в лепешку или не оставить мокрого места и от меня.

Последняя сводка по радио: за время войны убито свыше 210 тысяч гадов. Перед 1 Мая два дня мы основательно пачкались в отделении: смывали с пола известку после побелки. Фактически сестры в нашем отделении приравниваются к санитаркам. 29.04, например, санитарок отпустили до ужина, а нас, сестер, вызвали после ужина. Вымыли самую большую палату.

3 мая

Вечером 1 мая было торжественное заседание и небольшой концерт, выступал наш хор и еще было 3—4 номера, дали концерт нашим немногочисленным оставшимся больным. Перед выступлением каждому больному раздали обвязанные нами, сестрами, платочки. Больные были очень довольны.

А вечером отметили некоторых из нас, в том числе и меня. Нам на двоих дали небольшую посылочку, в которой были сухари, сушеные абрикосы, кусок мыла и табак. Мы ее развернули и не знаем, есть сухари или нет. Кому отдали табак, не помню.

1 и 2 мая прошли спокойно. А сегодня тревога разбудила нас около 6 утра, была еще 2-я, часов в 9.

8 мая

6-го мая был у нас ревтрибунал над младшей медсестрой Игнатевой — продолжение и окончание товарищеского суда за преступление, которое она совершила: украла 2 пайки хлеба в хлебозерке. Предварительное решение суда: ходатайствовать перед начальником госпиталя о тяжелом взыскании. И вот окончательный приговор: 8 лет трудовых работ. Вот так! В общем весьма поучительное зрелище.

Сейчас сижу в административной части на дежурстве. Написала 2 письма, протокол сегодняшнего собрания в отделении. И вот сейчас — здесь. Да, я ведь первого получила от Маруси телеграмму!

12 мая

Не было больных-раненых и это не раненые... Сегодня к нам прибывают больные — граждане нашего города. Уже при-

было человек 80. И с сего дня нет эвакогоспиталя № 88, правда, командование, политруки, работники пока остаются все на местах. Не знаю, надолго ли это и вообще как дело будет?

В нашем отделении будут размещены, как по-русски говорится, “бабы”.

Вчера получила письмо от Галинки, племянницы. Пишет: “Милая Надичка, если можно, то приезжайте. Очень об вас соскучились папа, мама и я”.

24 мая

Сколько дней, сколько ночей уткло после последней записи. Писала я, что у нас будут “бабы”... Много хлопот ушло на подготовку палат к приему больных. Заполнили палату часам к 2 ночи. Дежурство это было каким-то сумасшедшим. Вначале в палате не было ни одного халата — сейчас четыре, не хватало одеял, подушек и пр. И вот я уже впряглась и провела несколько дежурств. У меня сейчас 2 палаты. Это 54 человека. Сегодня дежурила только день, но ни разу не присела. Устала, но работа интересует. Например, за все время работы с бойцами не пришлось ставить банки. Теперь опыт определенный получила по этой и другим новым процедурам. Все с диагнозом “дистрофия”. У большинства еще и цинга (скорбут) — также результат истощения, отсутствия в пище витамина С. Лечение болезни — питание, питание и питание плюс лекарства, витамины. Много витамина С в отваре хвои, но его сейчас у нас не дают. Делаем ежедневно полоскание раствором марганцовки, ей же протираем десны.

Как протекает рабочий день? Утром приходишь, кормишь больных, тянется сие часов до 10. Затем проводишь полоскание. Сдаешь мокроту и мочу на анализ в лабораторию, выполняешь срочные назначения. Сегодня рыскала по четырем этажам, раздобыла бутылок, кои у нас — большой дефицит: нужны для мокроты, мочи, и главное, в качестве грелок. Дело в том, что грелка нужна всем и каждой! А на всю палату у нас одна. Раздаю лекарства — все это проделала сегодня примерно до половины 2-го, а в 2 часа дня — обед. Сходила, покушала сама. Затем обед больных, кормим их часов до 4. Затем выполнение других назначений: перевязки, банки, запись в истории болезней. Около 6 вечера измерение температуры и внесение ее в истории болезней. Оформление сдачи дежурства. И, наконец, в 8-м часу ужин. И в течение всего дня выпол-

няю просьбы и требования больных. В начале 9-го вечера ухажу в общежитие.

Так время “тече”, месяц кончается. Когда получаю довольственную книжку, то думаю: “Придется ли до конца ею пользоваться?” А ничего! Живу, здравствую. Сегодня 2 раза обстреливали. Первый — как раз в обед. Начальник было приказал спустить всех вниз, но “куды” тут! Пока кормили, обстрел кончился. Налетов давно не было.

Сейчас идут ожесточенные бои на Харьковском и Керченском направлениях. С 12 мая началось наступление наших войск на Харьковском направлении.

7 июня

Лето... Сейчас хорошо, спокойно. 9 часов вечера. Дежурю в 3-й, самой большой палате, больных здесь 36 человек, тяжелых нет. Недавно покормили ужином, назначения выполнены; впереди только запись температуры в истории болезней и пометки о выполнении назначений.

На душе у меня стало более спокойно. Есть и маленькие радости. Например, во 2-й палате говорят, что я самая лучшая.

Заходящее солнце светит прямо на меня... Сегодня было холодно. Вечером давали нам картошку с кусочком селедки; впереди также предстоит мне удовольствие съесть все это. Да, признаться, сейчас я почти, почти уже наедаюсь.

Далее вплоть до 22 июля записей не оказалось. А произошло после 7 июня следующее: во-первых, истекли 70 дней со времени заполнения госпиталя новым контингентом больных — жителей города. Все они прошли курс лечения. Госпиталь вновь опустел. Ходили слухи о его закрытии. Вышло постановление правительства об отпуске студентов на учебу. Мы, четверо студенток-подружек — Женя, Оля, Анна и я, воспользовавшись этим обстоятельством, ушли из госпиталя и вернулись каждая в родные места. Выезжали из Ленинграда и ехали до Москвы вместе.

22 июля

Трогательным было расставание с госпиталем. Перецеловались со всеми. Особенно много ревели при прощании с начальником нашего отделения, доктором Василием Михайловичем Власовым. Анька при этом мычала прямо чуть ли не как корова, а мы все стояли с глазами, полными слез.

Уезжали с Финляндского вокзала. Там нам выдали по

1,5 кг хлеба и каши с колбасой. Посадили нас в эшелон. Должны ехать до Ладоги, там — через озеро — паромом, затем снова на поезде.

25 июля

Вчера приехали в поселок Лаврово, где находится пункт эвакуации. От него километров 12—14 до Ладожского озера ехали на машинах.

Ладожское озеро переезжали ночью на ботах, у нашего посредине пути встал мотор, и нас дальше вели на буксире. С самого утра шел дождь, так что промокли сильно. По озеру плыли более трех часов, меня тошнило.

29 июля

Вчера прибыли в Москву. Остановились в подготовленном для нас помещении.

4 августа

Вчера получила пропуск на выезд из Москвы. Въезд и выезд из Москвы по пропускам. Я хотела бы вернуться сюда обратно, но пропуск у меня отобрали.

Прощай, Ленинград! Прощай, Москва!

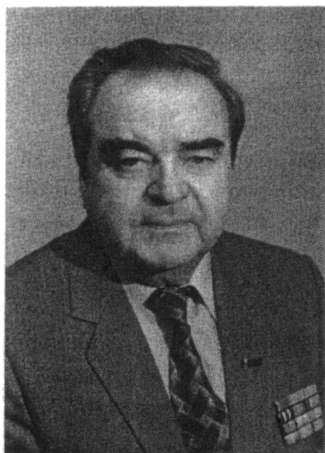
В Ленинград я еще приеду, побываю в этом замечательном городе через 9 лет — в Институте повышения квалификации преподавателей высшей школы, а еще через год — для защиты кандидатской диссертации при Ленинградском государственном университете.

Валентин Андреевич Шандра, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры России, участник Великой Отечественной войны

С фронта — в университет

Студенты в гимнастерке и кителе

Еще в годы войны и особенно после ее окончания в университет вернулись или вновь поступили многие участники Великой Отечественной. Конкурс на гуманитарные факультеты был очень высоким, на журфак, например, 9 человек на место.

Но участники войны принимались вне конкурса, лишь бы не было двоек. Так 1 сентября 1947 года и я пришел на журфак. В конце месяца, после первой приtirки на уборке колхозной картошки, мы приступили к занятиям.

Офицеры, старшины, сержанты, ефрейторы донашивали гимнастерки и кители, выглядели старше вчерашних десятиклассников, имели более богатый жизненный опыт. Они руководили общественными организациями факультетов и университета, студенческими колхозными отрядами, редактировали стенгазеты... Все знали, к

примеру, филолога Филиппа Ермаша — секретаря комитета комсомола университета, бывшего фронтового разведчика и будущего министра Госкино СССР; вездесущих активистов с исторического факультета А. Петерюхина и В. Подкина, увешанных орденами и медалями, ставших после окончания аспирантуры кандидатами исторических наук, доцентами; солидного и рассудительного Сашу Бакунина, будущего профессора, доктора исторических наук. На слуху были и имена активных девчат-фронтовичек А. Селезневой, Е. Рябухиной, Л. Маргори-

ной, И. Щербаковой, работавших в партийных, комсомольских и других общественных организациях. Позднее Л. Маргорина выйдет замуж и на долгие годы уедет с мужем Г. Красновым работать в газету “Южный Сахалин”, а остальные названные фронтовики тоже защитят диссертации, будут успешно преподавать, заниматься наукой.

Многие ветераны войны имели солидные боевые награды. Это В. Аникин, В. Очеретин, В. Шустов, Б. Байдаков, Л. Кругляшов, А. Курасов, Н. Кутырев, В. Фоминых, С. Шитин, И. Вознесенский, В. Якушев.

Особо надо сказать об инвалиде первой группы Василии Аникине. Ему было труднее всех, он учился слепым, с постоянной черной повязкой на глазах. На гимнастерке — ордена Красного Знамени и Красной Звезды. В бою он, офицер, потерял вначале один глаз, но солдат не оставил. Затем термитным снарядом был выжжен и второй глаз. На учебу в Уральский университет его направил Минвуз. У нас его встретили, как подобает в таком случае, выделили отдельную комнатку в общежитии на улице Чапаева. Однокурсники заботились о нем, приводили и уводили с занятий, старались помогать в учебе.

На мой курс пришли изрядно покалеченные войной И. Вознесенский, штурман горевшего самолета, потерявший глаз; М. Найдич, воевавший в десантных войсках, затем в артиллерии, участник боев под Москвой и за Сталинград; В. Новоселов, раненный в ногу; Г. Штейнберг. С боевыми наградами ходили В. Ложкин, А. Терев, А. Щербаков, Т. Пикулев и др.

Конечно, все мы отличались от более молодых однокашников не только возрастом, внешне, но и уровнем школьных знаний. Большинство из них пришли в университет с медалями за успехи в учебе, с высокими оценками в аттестатах, полученных только что. Мы завидовали блестящей памяти, познаниям в области литературы и искусства, истории В. Языковой, В. Кельнику, Л. Маковкину, С. Морозову, Д. Лившицу, которым учеба давалась легко.

Но военные годы многое дали и нам. Я, например, ушел из дома в неполных 16 лет, поступив в августе 1941-го в 9-й класс харьковской средней спецшколы ВВС (эвакуировался с ней в Семипалатинск), а вернулся в 21 год. После спецшколы окончил в Красноярске Харьковскую военно-авиационную школу штурманов (ХВАШ). В составе 411-го отдельного корректировочно-разведывательного авиаполка принимал участие в боях с Японией на 2-м Дальневосточном фронте, затем прохо-

дил службу на Сахалине штурманом 12-го бомбардировочного авиаполка 334-й авиадивизии дальнего действия, прославившейся в боях с фашистской Германией. Была возможность ощутить характеры подлинных героев, асов боевой авиации, навсегда понять, что мужество, скромность, товарищество неразделимы. Пять лет учебы и службы в авиации — все это само по себе являлось фундаментом для любой будущей профессии.

В привычке преодолевать трудности, в упорстве достигать поставленной цели было, пожалуй, наше преимущество перед младшими по возрасту однокурсниками. На студенческую стипендию, да если ты еще и иногородний, жить в ту пору было практически невозможно. Поэтому учебу, фронтовики в первую очередь, совмещали с работой, некоторые даже по специальности. В редакцию “Уральского рабочего” в разные годы были приглашены В. Чичилов, В. Данилов, В. Фоминых, поработавший уже и в заводской многотиражке. После третьего курса (в связи с итогами летней производственной практики в краевой газете “Советская Кубань”) и я дал согласие работать сотрудником отдела пропаганды “Уральского рабочего”. Школа редакции этой газеты всем нам очень помогла в дальнейшей научно-педагогической и журналистской деятельности.

И. Тарабукин работал художником в Свердловском институте материнства и младенчества. М. Найдич уже на младших курсах писал хорошие стихи, посылал их в редакции газет и исправно получал гонорары. Сторожили наши ребята и аптеки по ночам. Многим в поисках временной работы активно помогали профком и комитет ВЛКСМ университета. Это были в основном погрузочно-разгрузочные работы на станции Шарташ, земляные и строительные дела. Оказывал помощь и сам профком. Его председатель фронтовик Василий Покровов, служивший на бронепоезде, неизменно ходивший в кителе, галифе и сапогах, был в большом авторитете еще и потому, что честно делил материальную помощь, талоны на дефицитные товары первой необходимости. В 1948 году мне достались по талону черные трусы...

Трудности голодного и холодного послевоенного лихолетья преодолевались и кучкованием фронтовиков в общежитии, на частных квартирах, которые коллективно легче было оплачивать. В одном из старых деревянных домиков на улице Восточной комнату снимали историк Александр Бакунин, журналисты Александр Ермаков, Виталий Ложкин, Генрих Штейн-

берг. Свою коммуналку они называли “Восточная демократия”. Поскольку двое из ее членов имели одинаковые имена, их назвали кличками Сашка-большевик и Сашка-меньшевик. Большевиком, конечно, был А. Бакунин. Сообща не только легче решались некоторые бытовые проблемы, но и просто было веселее, теплее, наконец. Кстати, университет тогда частично оплачивал студентам снятые квартиры, помогал дровами.

Мы с Ф. Ермашом неплохо устроились в комнатке частной квартиры по улице Хохрякова, в доме между проспектом Ленина и улицей Малышева. У каждого был свой круг обязанностей. Пожилая хозяйка относилась к нам весьма доброжелательно и даже по праздникам угощала пельменями. Очень сожалела, когда через год ее покинул Филипп Ермаш, женившись на однокурснице Г. Тимофеевой. Как активным университетским деятелям, им была выделена комнатуха в общежитии на улице Чапаева.

Об особенностях жизни студентов-фронтовиков в период войны и в первые послевоенные годы хорошо сказал 19 ноября 1984 года в газете “Уральский университет” выпускник журфака 1948-го, известный писатель И. Герасимов:

“Мы жили студентами, еще не отойдя от боев, от фронтового быта, и не замечали лютой стужи в аудиториях, были привычны к голоду, рваным сапогам. Заметили все это уже потом, когда закончили университет.

...Как тяжело тогда было, как сложно, однако же, наверное, нынешним студентам трудно понять, что мы были счастливы, веселы, ведь с такой войны вернулись живыми, вернулись, чтобы учиться, жить”.

Кто нас учил

В годы нашей учебы в университете работало много преподавателей высокой квалификации. С благодарностью вспоминаю профессора Г. А. Курсанова. Он входил в аудиторию всегда в хорошем настроении, в модном костюме, со вкусом подобранном галстуке, только что вычищенных туфлях. Речь его была логичной, неторопливой, чуть-чуть артистичной. Он любил юмор и сам умел остроумно пошутить, и не только в ходе лекции. Вспоминается такой случай. Сдаем экзамен по логике. Зашли в аудиторию пять человек, взяли билеты, готовятся. Георгий Алексеевич приоткрывает дверь и предлагает ожидающим в коридоре: “Кто желает отвечать без подготовки,

заходите. Оценка будет завышена на балл”. Один коллега сразу же рванулся с места, испугавшись, что его могут опередить. Вошел, но уже вскоре возвратился.

— Ну как? — спросили его и слышим:

— Взял билет, стал отвечать. Он послушал и сказал, что ответ мой заслуживает единицы, но он готов поставить на один балл выше...

Думаю, что на профессорском уровне обучали историков, филологов, журналистов и доценты В. М. Готлобер, В. В. Кусков, М. Г. Китайник, А. М. Горловский, П. А. Вовчок, легендарный П. А. Шуйский — переводчик “Одиссеи” Гомера.

Ни на трибуне университетских и факультетских собраний, ни во время лекций я никогда не видел Валентина Михайловича Готлобера с текстом лекции или тезисами выступления. Он ходил вдоль первого ряда или между рядами, когда читал лекцию потоку, и диктовал, диктовал... Учебников по общественным дисциплинам в то время почти не было, поэтому мы все записывали. Конспекты выручали на экзаменах.

В. В. Кусков умудрялся даже при чтении лекций по древнерусской литературе перебрасывать мостики в современность, уча уму-разуму будущих журналистов. Вот что он писал в газете “Советский журналист”, отвечая на вопрос анкеты, что он думает о журналистике и журналистах:

“Вспоминается мне наш первый журналист-летописец. Он считал своим долгом быть правдивым и писать “не обинуясь лица сильных мира сего”. Сдерживая порывы своей фантазии, он никогда не прибегал к “самомышлению” (то есть измышлению недостающих фактов). Он шел вперед, подобно храброму и мужественному воину, подклонив свою душу “под иго высокого гражданского долга”, постоянно оберегая себя от “двух пагубных страстей — сребролюбия и тщеславия”. Он глубоко осознавал, что эти страсти “губят все доброе и наносят столько терния и сору, что делают душу бесплодной и неспособной ни к чему доброму”. Он никогда не писал о том, чего не знал и не понимал, полагая, что, как “град крепится стенами, так ум учением”, знаниями.

Вот как писали на Руси о том, каким должно быть журналисту: “ни празднословцу, ни смехотворцу, ни сварливу, ни завистливу, ни пьяницу, ни убийцу, но же всего хранить чистоту душевную и телесную”. Только при этом условии, считали наши предки, журналист может выполнить свою высокую

миссию, ибо свято верили они: “ничто так славу отечества не расширяет и не укрепляет, еже печать”.

Владимир Владимирович Кусков окончил аспирантуру филфака МГУ, многие годы работал в нашем университете, но уже давно преподает студентам филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, являясь его профессором, доктором филологических наук.

С большим интересом слушали мы лекции и талантливых старших преподавателей без ученых степеней и научных званий. Такой была замечательный педагог М. Л. Мамаева, лекции которой нельзя было пропустить и в силу интереса к их содержанию, и в связи с высокой требовательностью лектора на экзаменах. Они в шутку так и назывались: “мамаево побоище”...

Мы любили Б. Ф. Закса, педагогический талант которого был отмечен присвоением ему звания “Заслуженный учитель школы России”. Он обладал биологическим чувством времени. Заходя в аудиторию, строгим взглядом, иногда повышенным тоном сразу же добивался полной тишины. Это было неизменным условием его рабочего состояния и самовыражения. Заканчивал лекцию всегда итоговыми словами, после которых сразу же раздавался звонок. И так каждый раз.

Мы очень ценили и подвижнический труд Агнии Ивановны Даниловой, мудро учившей нас грамоте, культуре речи и общения.

А как самоотверженно учила нас английскому языку симпатичная, улыбчивая, всегда приветливая Елена Владимировна Кулибина. И ведь добивалась успеха. Некоторые студенты даже записывались в спецгруппы, стремясь не только читать, но и говорить на английском.

Учить было кому. Было желание учиться и у великовозрастных учеников, истосковавшихся по учебе. Хочу подробнее рассказать о преподавателях нашей выпускающей кафедры. Мы еще застали ее “стариков” — А. Н. Пятницкого, П. А. Павлова — прекрасных знатоков и вдумчивых исследователей газетного дела, истории печати. Они умело и навсегда прививали студентам любовь к журналистской профессии. С большим интересом слушали лекции писателя К. В. Боголюбова — знатока истории русской журналистики, печати Урала и талантливого публициста. В 1941–1949 годах А. Н. Пятницкий заведовал кафедрой, был деканом нашего факультета.

Очень близким человеком для всех факультетских фронто-

виков был Б. С. Коган. Вернувшись с войны, на фронтах которой был с 22 июня 1941 года до Дня Победы, он в 1946-м стал преподавателем кафедры теории и практики печати, а в 1949-м возглавил ее. По его инициативе упрочилась связь преподавательской деятельности с практической журналистикой. Стали чаще приглашаться для чтения лекций, преподавания, семинарских и практических занятий со студентами известные уральские журналисты. А штатные преподаватели становились активными авторами газет, телевидения, радио. В этом отношении лучшим примером для преподавателей и студентов все годы работы на факультете был Б.С. Коган — театральный критик, заслуженный работник культуры России, автор книг “Театр зажигает огни” (1962), “Добрый мир оперетты” (1973), многих сотен статей, рецензий, телевизионных и радиопередач. Научной степени, звания доцента он так и не получил. Но это не мешало ему оставаться подлинным интеллигентом, талантливым публицистом, глубоко уважаемым педагогом. На его содержательных, остроумных, эмоциональных лекциях и семинарских занятиях воспиталось не одно поколение журналистов уральской школы. С особым интересом мы слушали разработанный им спецкурс “Публицистика периода Отечественной войны”.

Много сил отдавал Борис Самуилович и работе Свердловского отделения Всероссийского театрального общества (ВТО), был членом бюро правления этого общества, возглавлял секцию критики.

С большим почтением студенты послевоенной поры относились и к талантливому преподавателю Б. В. Павловскому — выпускнику факультета журналистики 1945 года. В 1960 году он открыл на филологическом факультете кафедру истории искусств, ставшую основой нынешнего факультета искусствоведения и культурологии.

Конечно, сегодня для всех нас Борис Васильевич Павловский — это прежде всего крупный историк изобразительного искусства, художественный критик, общественный деятель, посвятивший себя людям, чей труд символизируют кисть и резец. Именно в этой связи он стал профессором, доктором искусствоведения, членом-корреспондентом Академии художеств, заслуженным деятелем искусств России, лауреатом Государственной премии РСФСР им. И. Е. Репина.

Но мы, журналисты, твердо убеждены, что его личная пожизненная эмблема — перо! Всякий раз, когда мы вспоми-

наем выдающихся питомцев своего факультета, среди первых называем Б. Павловского. Он 15 лет готовил журналистские кадры, блестяще читал лекции по информационным жанрам и фельетону. Б. Павловский-искусствовед начинался с познания истории печати, изучения материалов об искусстве на страницах прессы. Б. Павловский-критик и общественный деятель тоже начинается с нашего факультета, ибо журналистика дала ему принципиальность, обостренное чувство времени, публицистический темперамент, образность стиля, подготовила логический переход от газетной страницы к книгам. В основе первых из них лежат спецкурсы, которые он читал студентам.

Многие годы Борис Васильевич был редактором газеты "Уральский университет". Тогда это была не просто вузовская многотиражка, а творческая лаборатория для всех, кто стремился писать. Здесь прошли начальную школу будущие писатели и журналисты.

Сам Б. Павловский часто выступал в местных газетах даже в информационных жанрах. Однажды в связи с этим Б. Коган посоветовал своему другу перестать писать информационные заметки, на что тот ответил:

— Борис, как ты не понимаешь, ребята должны знать, что я их учу тому, что умею сам.

Я счастлив, что многие годы был дружен с этим замечательным человеком. Его уроки ученого, художественного критика, журналиста многообразны. Мы стремились постичь его удивительную организацию и культуру труда, умение жить в дружбе с правилом: "ни дня без строчки". Он действительно всегда учил студентов тому, что хорошо умел делать сам. Его личный опыт убеждал, что публицистика — это не просто бойкое перо, а прежде всего — огромный труд мысли, ибо не слова, а мысль определяет стиль. Для всех своих коллег и учеников Борис Васильевич навсегда останется в памяти и воплощением подлинной интеллигентности, скромности и доброжелательности.

С 1957 по 1959 год заведовал кафедрой теории и практики печати Е. Я. Багреев. До этого он многие годы редактировал "Уральский рабочий", председательствовал в государственной экзаменационной комиссии на нашем факультете. Это был строгий, но справедливый оценщик наших знаний с позиций своей многолетней газетной практики. Студенты его побаивались.

Как-то известный писатель и общественный деятель Альберт Лиханов прислал Евгению Яковлевичу письмо, в котором

есть и такие строки: “С теплотой вспоминаю университет голодных послевоенных лет, наших замечательных преподавателей, многие из которых были для нас легендой. Вы один из них. Почему-то мы, студенты, ужасно боялись Вас, главного редактора “Уральского рабочего”, и в то же время очень ценили, ибо Вы были для нас олицетворением будущей работы, газетного дела. Слово “факультет” по отношению к УрГУ никак принять не могу. Хочу сказать, видывал я эти факультеты, но милее и дороже уральской школы журналистики не встречал. Дорогой Евгений Яковлевич, Вы для меня, как и многие другие преподаватели, навсегда останетесь символом чистоты и искреннего служения делу”.

Уверен, что такого почтения заслуживают не только уже названные выше имена, но и многие преподаватели других факультетов и кафедр Уральского университета, творчески обучавшие будущих журналистов.

“Иных уж нет, а те далече...”

Как сложилась творческая судьба факультетских фронтовиков после окончания университета? Разумеется, конкретно я могу говорить лишь о воспитанниках журфака, особенно о своих однокурсниках. Большинство из них отлично проявили себя во всех звеньях средств массовой информации.

Совсем молодым заведовал отделом литературы и искусства “Уральского рабочего” Вадим Очеретин. Уже в 1950 году он опубликовал свой роман “Я твой, Родина”, посвященный Уральскому добровольческому танковому корпусу, в котором воевал автоматчиком; вскоре увидела свет и его повесть “Первое дерзание”. Затем он был одним из организаторов издания журнала “Уральский следопыт”, его первым редактором. Много лет В. Очеретин редактировал и журнал “Урал”. В эти же годы он опубликовал роман “Саламандра”, другие произведения. Постоянно занимался публицистикой, печатал статьи, очерки в “Литературной газете”, “Огоньке”, “Уральском рабочем”, “Вечернем Свердловске”, любил “Уральский университет”, откликаясь на все юбилейные даты родного факультета и нашей многотиражки. Написал историю Верх-Исетского металлургического завода, на котором в молодости работал.

Редактор “Уральского следопыта” В. Шустов также написал несколько книг. В этом журнале заведовал отделом и фрон-

товик писатель Лев Румянцев. Оба они до журнала прошли школу редакции “Уральского рабочего”.

А. М. Горький говорил, что литература – живопись словом. Это же можно сказать и о подлинной публицистике, требующей художественно-образного мышления и письма. Во всяком случае, большинство писателей страны родились в периодической печати. В этом убеждает литературная энциклопедия и справочник Союза писателей. Об этом говорит и наш опыт. Учеба в Уральском университете и творческая работа в газетах помогли развить художественную потенцию более чем тридцати журфаковцам. В их числе не только ветераны Великой Отечественной И. Герасимов, М. Найдич, В. Очеретин, Л. Румянцев, С. Самсонов, В. Шустов, но и такие известные в стране имена, как А. Лиханов, В. Шугаев, В. Крапивин, Ю. Скоп, Е. Богат, Е. Ананьев, З. Тоболкин, В. Разумневич...

Основная часть факультетских фронтовиков успешно трудилась в газетах, издательствах, на телевидении и радио. В центральных газетах – Б. Байдаков, В. Данилов, В. Покровов; в республиканских и областных – Л. Маргорина, В. Ложкин, В. Якушев; многие годы редактировал “Тагильский рабочий”, а затем и “Вечерний Свердловск” А. Ермаков, газету “Знамя” (Белоярский район) – А. Шербаков.

О коэффициенте полезного действия факультета журналистики можно судить и по творческой судьбе всего моего курса. Нас пришло к финишу в 1952 году 42 человека. Четверо из них, пройдя периодическую прессу, стали писателями – это прозаики С. Бетев и В. Разумневич, поэты М. Найдич и И. Тарабукин. Особенно быстро рос В. Разумневич. Уже в первые послеуниверситетские годы он был назначен редактором областной молодежной газеты “Волжский комсомолец”, начал писать детские книги. Приветствие газете “Уральский университет” в связи с ее 50-летием он в 1984-м подписывает так: Главный редактор киностудии детских и юношеских фильмов им. А. М. Горького, член правления Союза писателей РСФСР, член редколлегии журнала “Пионер”. Интересен и текст этого приветствия, показывающий профессионализацию автора уже на студенческой скамье: “Земной поклон газете, окрыляющей юность жаждой творчества. В самом начале своего студенчества к тридцатилетию Октября я поместил статью “Иная жизнь”. Было сорок публикаций, очерки, публицистика, рассказы. Полный

пятителетний комплект газеты храню как святыню, она дала мне путевку в журналистику, в литературу. Спасибо тебе, газета!”

Многие последние годы своей жизни В. Разумневич возглавлял партийную организацию Московского отделения Союза писателей России.

Характерна и благодарность поэта М. Найдича “Уральскому университету” в день 50-летия за внимание к творчеству студентов. Он вспоминает свое первое стихотворение, опубликованное на страницах многотиражки: “Были удивление и радость, что строки, над которыми изрядно потрудились, перешагнули границы тетрадного листа и обрели типографскую стройность”.

Имена шести моих однокурсников регулярно появлялись в центральной прессе: Б. Евладова и Е. Манько в “Правде”, А. Пушкиря в “Известиях”, И. Бельдинского и Л. Евладовой в “Советской культуре”, Е. Козлова в “Экономической газете”. Они долгие годы работали в штатах этих изданий.

17 моих однокурсников трудились в республиканских и областных газетах и издательствах, 3 человека — в областных комитетах по телевидению и радиовещанию, 5 — в городских, районных и многотиражных изданиях, 2 человека сразу же ушли на преподавательскую работу в среднюю школу и трое, пройдя газеты, пришли в науку, став профессорами. Итого — 40. Лишь 2 человека со всего курса сошли с творческой стези все по той же причине — старой российской болезни...

Надо сказать, что в практической журналистике одинаково творчески проявили себя как ветераны войны, так и остальные их однокурсники. В университетские годы мы притерлись, а затем во многом и выровнялись. Ведь целых пять лет нас “обработывали” одни и те же учителя.

Наш факультет гордится и такими выпускниками, как Владимир Курочкин, народный артист СССР, многие годы работавший главным режиссером Театра музыкальной комедии; как Валерий Усков, популярный и сегодня кинорежиссер, заслуженный деятель искусств России.

А доктора экономических наук, профессора А. Моисеев и В. Олигин-Нестеров! Еще в годы войны пришли они в университет. Окончив факультет журналистики, поступили в аспирантуру, стали кандидатами экономических наук, затем защитили докторские диссертации, получили профессорские звания. А. Моисеев принял приглашение и уехал работать в Москву, а В. Олигин-Нестеров всю жизнь преподает в родном уни-

верситете, много лет заведовал кафедрой политической экономики. Докторами наук, профессорами стали выпускники послевоенных лет Г. Черкасов, П. Гуревич, Г. Иванцов, Ю. Тундыков, В. Кельник, В. Фоминых... Это же не просто — “журналист меняет профессию”!

В послевоенные годы факультет начал постепенно укреплять кадры кафедры теории и практики печати. Первым на нее пришел выпускник 1951 года А. И. Курасов — бывший гвардеец дивизиона “катюш”, ставший вскоре заместителем декана, а позднее и деканом, заведующим кафедрой истории печати. Затем были приглашены на преподавательскую работу и другие ветераны Отечественной, имеющие большой журналистский опыт: В. Фоминых, В. Чичиланов, А. Ермаков (на 0,5 ставки), С. Александров, бывший сотрудник “Комсомольской правды”, “Уральского рабочего”, газеты “Доброволец” Уральского добровольческого танкового корпуса, окружной газеты “Красный боец”. Эти и другие принятые меры заметно усилили научный потенциал выпускающей кафедры, связь обучения с газетной практикой.

Сергей Георгиевич Александров выступил инициатором, автором, составителем и соредактором двух больших книг, получивших высокую оценку в печати, — “Добровольцы” (об Уральском добровольческом танковом корпусе) и “Золотые звезды свердловчан” (о земляках Героях Советского Союза). В качестве авторов второй книги он привлек студентов факультета журналистики. В 1963–1967 годах С. Г. Александров возглавлял деканат факультета журналистики.

В. Н. Фоминых пришел на преподавательскую работу в 1961 году. Параллельно с разработкой новых лекционных курсов он активно писал кандидатскую диссертацию, которую защитил уже в 1965-м. В течение десяти лет Вадим Николаевич работал деканом факультета. Здесь особенно наглядно проявились его организаторские способности. Коллектив факультета пополнился новыми перспективными кадрами преподавателей, была открыта аспирантура, укреплена учебная база, заново оборудована учебная типография.

Активно занимался он и научной работой, опубликовав ряд книг, свыше 40 научных статей. В 1973 году за цикл публикаций и монографию, раскрывающих пути повышения эффективности газетной публицистики, ему присуждена премия Уральского университета за лучшее научное исследование года. В 1988 году В. Н. Фоминых присвоено звание профессора.

Творчески он трудился и в качестве члена научно-методического совета при Минвузе СССР.

Довелось и мне почти 30 лет заведовать выпускающей кафедрой, руководить комплексной темой научных исследований “Пути повышения эффективности журналистики”, по которой мною написано 5 монографий, десятки статей, защитили диссертации 8 моих аспирантов. За монографию “Газета, пропаганда, жизнь: вопросы теории и методики” я стал лауреатом премии Союза журналистов СССР, 12 лет избирался членом Правления журналистской организации страны и в течение 20 лет — в руководящие органы областной журналистской организации.

Опыт учебы, ранней профессионализации факультетских фронтовиков во многом поучителен и для сегодняшних студентов. Хочется прежде всего напомнить, что путь к мастерству имеет две грани: обучение и учение. Самостоятельное формирование своей судьбы, полное напряжение сил, преодоление естественных трудностей всегда было и остается главным условием становления творческого журналиста.

К сожалению, этого не осознала еще значительная часть наших студентов. А ведь творческий потенциал у большинства из них значителен, жизненный опыт, умение общаться с людьми различных социальных слоев и интеллектуальных уровней есть. А вот писать ежедневно, изучать жизнь, вырабатывать умение, говоря словами А. Аграновского, “увидеть то, чего до тебя никто не увидел, найти факт, которого никто не нашел, высказать мысль новую, незатертую...”, обрести уже в университете рабочее журналистское состояние — к этому надо стремиться.

Более 130 участников Великой Отечественной войны учились и работали на факультете журналистики Уральского университета. Некоторые из них пришли с фронта инвалидами, другие стали ими позднее. К сожалению, многих университетских фронтовиков уже нет среди живых.

Земной поклон Вам, дорогие, в канун 55-летия Победы и вечная память Родины!

Группа университетских ветеранов войны и труда в день празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне.
 Май 1995 года. 1-й ряд (внизу) слева направо: М. П. Вишневская, Г. С. Калугина, К. П. Зайцева, Н. С. Новоселов,
 В. П. Ворошилов, И. А. Якушева, З. И. Раевская, И. Ф. Плотников, Н. П. Черкасова-Чернянская, В. П. Кочергин;
 2-й ряд: Ф. Н. Рекунов, С. С. Козьмин, А. Д. Ермаков, В. Н. Конев, В. М. Чибиряк, М. А. Вербук, Е. П. Зверев,
 И. И. Шербакова, Т. Г. Петрова, М. С. Ушаков, А. М. Блинова, И. К. Кишин; 3-й ряд: С. П. Ярко, В. И. Олигин-Нестеров, Ф. А. Шолохович, И. С. Бродский, В. Л. Василевский, З. Н. Шукстова,
 В. А. Шандра, Ф. М. Шубин, И. Н. Чемпадов

**Ветераны Великой Отечественной войны Уральского университета
и представители руководства вуза у памятника маршалу Г. К. Жукову.
Май 1997 года.**

**1-й ряд (внизу) слева направо: В. М. Чибирик, Е. П. Зверев,
М. С. Ушаков, Ф. М. Шубин, И. Ф. Плотников, Н. С. Новоселов,
Н. П. Черкасова-Чернявская, И. И. Шербакова, Г. С. Калугина,
З. И. Раевская, В. Л. Василевский, Г. Н. Калачев, С. В. Кузнецова,
Е. А. Памятных; 2-й ряд: В. П. Кочергин, А. Д. Ермаков,
А. И. Ванишвили, В. Е. Третьяков, В. А. Шандра, В. П. Ворошилов,
В. Н. Фоминых; 3-й ряд: А. И. Колчанов, А. Ф. Нестеров, А. Пухир,
С. С. Козьмин, В. А. Щелёткин, А. Н. Яковлев**

Со святой верой в Победу

**Сборник воспоминаний
ветеранов Великой Отечественной войны**

*Редакторы С. Г. Галинова, М. И. Лаевская,
Е. И. Маркина, В. И. Первухина, Н. В. Чапаева
Технический редактор Т. М. Качула
Компьютерная верстка А. П. Никифоров*

Изд. лиц. 020257 от 22.11.96 г.

Бумага офсетная. Гарнитура TimesDL.
Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 500 экз.
Заказ № 434.

Издательство Уральского университета.
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типолаборатории УрГУ.
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4